

И (Амер)
Г 20

ПЕРРИ МЕЙСОН

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

ДЕЛО
О ПЛЕНИТЕЛЬНОМ
ПРИЗРАКЕ

ВЕСЬ ПЕРРИ МЕЙСОН

ERLE STANLEY GARDNER

THE CASE
OF THE RUNAWAY CORPSE

THE CASE
OF THE GLAMOROUS GHOST

THE CASE
OF THE LUCKY LOSER

ВЕСЬ ПЕРРИ МЕЙСОН

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

ДЕЛО
О ПЛЕНИТЕЛЬНОМ
ПРИЗРАКЕ

Романы

ММУК "Центральная
библиотека им.С.Есенина"
Люберецкого муниципального
района

Москва
ЦЕНТРОПОЛИГРАФ
2003

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)
Г20

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «Весь Перри Мейсон»
выпускается с 2002 года

Выпуск 9

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Гарднер Эрл Стенли
Г20 Дело о пленительном призраке: Детективные ро-
маны / Пер. с англ. — М.: ЗАО Центрполиграф,
2003. — 527 с. — (Весь Перри Мейсон).

ISBN 5-9524-0282-8 (Вып. 9)
ISBN 5-9524-0106-6

В каждом криминальном деле столько непредвиденных обстоя-
тельств! И только Перри Мейсону, знаменитому адвокату и дотошному
правдолюбу, по силам добыть разоблачительное письмо обманутого
мужа («Дело о сбежавшем трупе»), разобраться в тайнах взаимной не-
нависти двух сводных сестер («Дело о пленительном призраке»), выяс-
нить правду о дорожном наезде («Дело счастливого неудачника»).

07.11.03

УДК 820(73)
ББК 84(7Сое)

ISBN 5-9524-0282-8 (Вып. 9)
ISBN 5-9524-0106-6

© Состав, перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2003
© Художественное оформление
серии, ЗАО «Центрполи-
граф», 2003

**ДЕЛО
О СБЕЖАВШЕМ
ТРУПЕ**

THE CASE OF THE RUNAWAY CORPSE

Предисловие

Немногие имеют представление о работе экспертов криминалистической медицины, об их детективных талантах и мастерстве.

Некоторое время назад в округе Лос-Анджелес сексуальный маньяк зверски убил шестилетнюю девочку. Это преступление вызвало волну всеобщего негодования, но вскоре в обществе воцарился страх.

Убийца все еще был на свободе. Никто не знал, кто он такой. Совершенное им убийство было настолько жестоким и извращенным, что никто не мог чувствовать себя в безопасности до тех пор, пока преступник не будет схвачен.

Изуродованное тело девочки привезли в офис коронера, где к работе приступил доктор Фредерик Д. Ньюбарр.

Полицейские искали орудие убийства. Они обнаружили топор и нож.

Доктор Ньюбарр обследовал многочисленные раны на теле и затем вынес вердикт: «Возвращайтесь и ищите снова, пока не найдете альпеншток и кувалду. По-моему, именно это орудие было использовано преступником».

Затем доктор Ньюбарр занимался тем, что ни один патологоанатом делать не любит, но в экстренных случаях делать это приходится. Он рассек кожу вокруг ран и в результате тщательного анализа выявил последовательность нанесения увечий и определил, от чего последовала смерть.

Полиция блестяще справилась с этим случаем, но главная заслуга в том, что кровавое преступление было рас-

крыто, принадлежит кропотливой работе доктора Ньюбарра. И когда убийца был наконец схвачен и сознался в содеянном, стало очевидно, что преступление было совершенно именно так, как предсказывал доктор Ньюбарр, работая в своей лаборатории.

Так уж получается, что мы нередко слышим о преступлениях, которые оказались полицейским не по зубам. Но как часто мы, законопослушные граждане, должным образом оцениваем работу полиции в таких делах, когда в результате напряженного расследования преступником оказывается сексуальный психопат, не справляющийся со своими извращенными желаниями? Такой человек живет себе тихо и мирно, его хорошо знают как скромного и безобидного соседа, пока однажды подавляемые до поры до времени инстинкты не возьмут верх, не выйдут из-под контроля его воли и не превратят «приятного человека» в монстра.

Доктор Ньюбарр не просто делает вскрытие и проводит патологоанатомическое исследование. Он медик-детектив.

Он немало потруился, выявляя характерные признаки различных ранений, и, насколько мне известно, первым применил определенные идентификационные методики в области криминалистики, которые до этого момента использовались лишь в Великобритании и на Европейском континенте.

Многие часы доктор Ньюбарр потратил на разгадку знаменитого случая с «Черной Далией».

Так как полиция еще не сложила многотомные материалы этого дела в архив, некоторые детали в настоящее время не могут быть разглашены.

Но вот один эпизод, иллюстрирующий, какие специфические проблемы приходится решать медицинскому эксперту и с какой тщательностью и ответственностью относиться к своей работе доктор Ньюбарр.

В желудке Черной Далии он обнаружил какие-то своеобразные волокнистые частицы. По всей видимости, это были маленькие кусочки воска, которые попали в желудок девушки до ее смерти.

Доктор Ньюбарр потратил немало времени, пытаясь найти объяснение присутствию воска в организме девушки.

В конце концов проблема была решена. У Черной Далии были очень плохие зубы, и, по словам ее подруг, со-

бираясь на «свидание», она мазала зубы воском, чтобы замаскировать пятна и трещины.

Так что эта бедная девушка тщательно покрыла воском зубы, стараясь произвести впечатление на мужчину, который не только убил ее, но и совершил над телом сатанинские обряды, настолько изуродовав его, что даже видавшим виды полицейским стало не по себе, когда они увидели труп.

Послужной список доктора Ньюбарра составил бы честь любому медику: практикующий профессор медицины, глава департамента судебной медицины в Южнокалифорнийском университете; приглашенный лектор в Медицинском евангелическом колледже; председатель Юго-западного регионального комитета по образованию Американской академии криминалистики, член подкомитета по образованию Американской медицинской ассоциации; наконец, главный патологоанатом в департаменте полиции округа Лос-Анджелес.

В своем кругу доктор Ньюбарр известен непоколебимым спокойствием и неумолимым упорством, с которым он приступает к работе над каждым новым делом.

Одним из лучших критериев, позволяющих оценить эффективность работы медицинского эксперта, является отношение к ней юристов, занимающихся судебной практикой.

Наиболее искушенные адвокаты могут с первого взгляда точно определить слабые места в рассуждениях свидетеля или в характеристике психологических реакций. На перекрестном допросе они бьют по этим слабым местам, и в итоге от свидетельских показаний не остается камня на камне.

С другой стороны, если эксперт достаточно подробно обосновал свое доказательство и абсолютно уверен в позиции, которую занимает, поскольку тщательно проработал все факты, адвокаты оставляют его в покое.

Сейчас доктор Ньюбарр очень редко подвергается перекрестному допросу. В последние несколько лет адвокаты взяли за правило задавать ему для проформы один-два вопроса и отпускать.

Я спросил как-то доктора Ньюбарра, что он об этом думает.

Его ответ говорит сам за себя:

«Если ведущий перекрестный допрос адвокат может повергнуть тебя в смущение, это только твоя вина. Он сражается с тобой на твоей территории. Если ты не очень уверен в том, что говоришь, и вопрос адвоката может сбить тебя с толку, это значит, что ты допустил небрежность в работе. Нельзя халатно относиться к своему делу, тем более если оно касается жизни и судеб других людей».

Доктор Ньюбарр мог бы пойти дальше в этом рассуждении. Сам он ни в чем и никогда не допускает небрежности или неточностей.

Среди людей, которые расширяют сферу применения методов криминалистической медицины для раскрытия преступлений, доктор Фредерик Д. Ньюбарр — общепризнанный лидер. Благодаря ему (и, конечно, многим его коллегам) возрастает значение криминалистической медицины.

И поэтому я с великой радостью и удовольствием посвящаю эту книгу моему другу доктору Фредерику Д. Ньюбарру.

Эрл Стэнли Гарднер

Глава 1

Делла Стрит, доверенный секретарь Перри Мейсона, вошла в кабинет адвоката и сказала:

— В приемной находятся две особы, они уверяют, что им необходимо с вами немедленно повидаться.

— Зачем, Делла?

— Они не стали об этом разговаривать с секретарем.

— Тогда объясни им, что я не смогу их принять.

— Забавная парочка...

— В каком смысле?

— У них с собой чемодан, они поминутно смотрят на часы, очевидно опасаются опоздать то ли на поезд, то ли на самолет, и утверждают, что им до зарезу нужно посоветоваться с вами до отъезда.

— Как они выглядят?

— Миссис Дейвенпорт — настоящий мышонок, тихая, неприметная, ничем не примечательная женщина.

— Возраст?

— Под тридцать.

— Но напоминает мышонка?

Делла Стрит утвердительно опустила глаза.

— А вторая?

— Раз уж я причислила миссис Дейвенпорт к мышам, то мне придется описать миссис Энзел как кошку.

— Возраст?

— Пятьдесят с хвостиком.

— Мать с дочерью?

— Возможно.

Мейсон тут же сочинил незамысловатую историю:

— Любящая, преданная дочка вынуждена мириться с бесчинствами своего звероподобного муженька. Мать дочери приехала навести порядок, муженек обозвал ее десятком нелестных эпитетов. Она вместе с дочерью покидает его навсегда. Хотят, чтобы были защищены их права.

— Возможно, — согласилась Делла, — но вместе они являют забавную картину.

— Скажи им, я не занимаюсь семейными неурядицами, пусть поспешат проконсультироваться с другим адвокатом, пока еще есть время до их самолета.

Делла Стрит не торопилась исполнять приказание шефа.

Перри Мейсон взял несколько писем с пометкой «Срочно» из стопки, которую секретарша положила ему на стол. Искоса посмотрев на Деллу, Мейсон буркнул:

— Вижу, тебе хочется, чтобы я их принял. Из чисто женского любопытства. Ну-ка, не стой на месте, красотка...

Делла Стрит послушно вышла из кабинета, но уже через тридцать секунд вернулась назад.

— Ну? — спросил Мейсон.

— Я сказала им, что вы не занимаетесь делами о домашних неурядицах.

— И как они отреагировали?

— «Мышка» промолчала.

— А «кошка»?

— «Кошка» сказала, что речь идет об убийстве, а, насколько ей известно, вы любите подобные дела.

— И они продолжают ждать?

— Совершенно верно. Кошкоподобная считает необходимым сообщить вам, что они могут опоздать на самолет.

— Ладно,пусти сюда и «кошку», и «мышку» вместе с их делом об убийстве... Теперь мне стало любопытно.

Делла поспешила за посетительницами и через минуту распахнула перед ними дверь. Мейсон услышал звук шагов, вот чемодан стукнулся о дверцу книжного шкафа. Затем в кабинет вошла миниатюрная особа с застенчиво опущенными глазами. Она быстро взглянула на адвоката и поздоровалась, неслышно прошла вдоль стены и опустилась на простой стул с прямой спинкой. В этот момент другой чемодан с грохотом ударился о дверь, распахнул ее, и в кабинет влетела старшая особа, швырнула с силой че-

модан тут же у порога, посмотрела на наручные часы и заявила:

— У нас ровно двадцать минут, мистер Мейсон.

— Прекрасно, — с улыбкой ответил адвокат. — Пожалуйста, присаживайтесь... Полагаю, вы — миссис Энзел?

— Правильно.

— А это миссис Дейвенпорт? — спросил Мейсон, посмотрев на молодую женщину, которая сидела, положив руки на колени.

— Правильно, — вновь подтвердила Сара Энзел.

— По всей видимости, ваша дочь?

— Нет. Мы познакомились лишь несколько месяцев назад. Она много времени жила за границей, ее муж — горный инженер, а я находилась на Востоке, в Гонконге. Вообще-то я прихожусь ей теткой, муж моей сестры был ее родным дядюшкой.

— Выходит, я ошибся, — сказал Мейсон. — Правильно ли я понял: вы хотите посоветоваться со мной по поводу дела об убийстве?

— Совершенно верно.

Мейсон внимательно изучал двух женщин.

— Вам не приходилось слышать имя Уильяма Делано? — спросила миссис Энзел.

— Он крупная величина в горном деле?

— Точно.

— Он умер, как мне помнится.

— Шесть месяцев назад. Муж моей сестры, Джон Делано, был его братом. Джон и моя сестра оба умерли. А Мирна, то есть миссис Дейвенпорт, является племянницей Джона и Уильяма Делано.

— Понятно. А теперь объясните мне, какая нужда привела вас сюда.

— Муж Мирны, Эд Дейвенпорт, написал письмо, обвиняющее Мирну в намерении убить его.

— Кому он послал письмо?

— Пока никому. Оставил его адресованным окружному прокурору или начальнику полиции, мы точно не знаем, кому из них; оно должно быть доставлено адресату в случае смерти Эда. В письме он обвиняет свою жену в отравлении Гортензии Пакстон, ее сестры, которая унаследовала бы большую часть состояния Уильяма Делано. У Эда Дейвенпорта хватает наглости далее утверждать, будто Мирна подо-

зревает, что ему известно об этом преступлении, поэтому она, возможно, планирует отравить его. А в случае его смерти он желает, чтобы все тщательно расследовали.

Мейсон с любопытством посмотрел на миссис Дейвенпорт, сидевшую совершенно неподвижно на своем стуле. Один раз, очевидно почувствовав на себе его взгляд, она подняла глаза, но тут же опустила ресницы и продолжала изучать собственные руки в перчатках.

— Каким образом у него могли появиться такие мысли? — спросил Мейсон. — Имеются ли у него какие-то основания для подобного обвинения, миссис Дейвенпорт?

— Конечно нет! — возмутилась Сара Энзел.

Мейсон продолжал смотреть на миссис Дейвенпорт.

Она тоже решила вступить в разговор:

— Я провожу большую часть времени в саду. У меня есть кое-какие опрыскиватели для борьбы с вредителями. Они очень ядовиты. Мой муж болезненно любопытен. Уже дважды мне приходилось его предупреждать, что с подобными составами опасно иметь дело. Возможно, это навело его на такие мысли. Он страшно мнительный, у него вечно появляются дикие идеи, от которых он не может отделаться.

— Он неврастеник, — махнула рукой Сара Энзел, — вечно погружен в мрачные мысли. Следствие алкоголизма. Порой он впадает в ярость, после чего у него и появляются дикие мысли.

— Ситуация крайне сложная, — задумчиво произнес Мейсон. — Мне, естественно, надо познакомиться с ней подробнее. А вы, как я понял, торопитесь на самолет?

— Совершенно верно. Внизу нас поджидает такси. Наш самолет на Фресно вылетает в одиннадцать.

— Возможно, учитывая обстоятельства, вам будет разумнее лететь чуть позже?

— Мы не можем. Эд умирает.

— Вы говорите об Эде Дейвенпорте, муже молодой особы?

— Совершенно верно.

— И он оставил такое письмо, которое в случае его смерти должно быть доставлено властям?

— Да, сэр.

— Это сильно усложняет ситуацию.

— Правда? — воскликнула Сара Энзел.

— Будет лучше, — попросил Мейсон, — если вы постараетесь ввести меня подробнее в курс дела.

Сара Энзел устроилась поудобнее в большом кресле для посетителей, изрядно поерзав, что говорило скорее о ее раздражении, нежели о намерении расслабиться.

— Слушайте внимательно, — предупредила она, — у меня нет времени на повторы.

Мейсон закурил, кратко предупредив:

— Мой секретарь, мисс Стрит, стенографирует нашу беседу. Позднее я смогу посмотреть ее записи.

— Уильям Делано был очень богатым человеком. Но и очень одиноким. Два последних года его племянница Хорти, то есть Гартензия Пакстон, жила у него. Он медленно умирал и знал об этом. По его завещанию почти все переходило к Хорти. Она за ним ухаживала. Можете мне поверить, это был адский труд. Хорти написала Мирне, и они с Эдом приехали помочь ей. Вскоре после их приезда Хорти тяжело заболела, а через неделю умерла. В то время Эд Дейвенпорт ничего не говорил, а позднее заявил Мирне, что, по его мнению, Хорти отравили. Типично для Эда Дейвенпорта с его ослиным упрямством и нежеланием прислушиваться к чужому мнению.

— Причина смерти? — быстро спросил Мейсон.

— Перегрузки. Ее смерть явилась ужасным ударом для Уильяма, Хорти была его любимой племянницей. По своему завещанию он намеревался оставить ей четыре пятых состояния и одну пятаю Мирне.

— Вам он ничего не оставил, миссис Энзел?

— В конечном итоге оставил. Мы с ним никогда не были особенно близки. После смерти Хорти он изменил завещание.

— Вы, кажется, убеждены, что мисс Пакстон умерла естественной смертью?

— Разумеется, у нее был вирусный грипп, эпидемии которого проходят ежегодно. Ну а Хорти переутомилась и ослабла, не смогла справиться с болезнью.

— Вы виделись с ней перед смертью?

— Да. Я отправилась туда, когда узнала о ее болезни, чтобы помочь. Приехала за три-четыре дня до ее смерти и очень скоро уехала назад. Мы с Уильямом Делано хорошо относились к друг к другу, но он действовал мне на нервы, и мы частенько конфликтовали. Мирна заявила, что пре-

красно справится одна, поскольку у них была экономка, и они сразу же наняли для Уильяма сиделку. Посчитала, не слишком я там нужна.

— А когда вы вернулись?

— Вскоре после смерти Уильяма.

— Производили вскрытие после смерти мисс Пакстон?

— Нет, конечно. У них был постоянный врач, который подписал свидетельство о смерти. Ее похоронили, на этом дело и кончилось, пока Эд Дейвенпорт не завел свои дуррацкие разговоры. Если хотите знать мое мнение — у него не все дома. Этого мало, он стремится отвлечь внимание от своих манипуляций с деньгами Мирны. Вот какие сумасшедшие идеи у Эда! А теперь он добивается, чтобы его идиотское письмо вскрыли в случае его смерти. У болвана высокое кровяное давление, он может скончаться в любой момент. Ему это известно, и все же он состряпал такое подлое письмо! Теперь в случае его смерти трудно предугадать последствия.

— Где находится письмо?

— В его офисе.

— А где офис?

— В Парадайзе. Это местечко близ Чико, в северной части штата. Его офис находится в их же жилом доме. Они с Мирной одно время жили там после возвращения из Южной Америки. Тогда Эд приобрел шахту за смехотворно малую цену. После того как они с Мирной перебрались на жительство к Уильяму в Лос-Анджелес, Эд занял весь дом в Парадайзе под офис для своей компании. То есть он называет его офисом. Две комнаты действительно служат кабинетами, но, кроме того, там есть спальня и кухня. Эд проводит там много времени. Иногда он уезжает туда на неделю, а то и на две. С того времени, как я нахожусь с Мирной, он почти полностью перебрался в этот его сомнительный «офис», где разыгрывает из себя экономическую величину, горного магната...

— Могу ли я спросить, — прервал ее Мейсон, — как вы так органично влились в эту картину?

— Прежде всего, я люблю Мирну. По новому завещанию мне принадлежит пятая часть огромного дома Уильяма. И я не намерена позволить Эду Дейвенпорту выставить меня оттуда. Когда я увидела, как он обращается с Мирной, я ужаснулась, но старалась не вмешиваться и ничего

не говорить. Правда, Мирна? Затем сегодня утром нам сообщили, что Эд находится в Крэмптоне и...

Мейсон осторожно прервал ее:

— Как я понимаю, он заболел?

— Именно это я и хотела вам сказать, он умирает, а у нас осталось не более пяти минут... Можете вы себе представить, чтобы какой-нибудь нормальный человек написал обвинительное письмо против собственной жены и распорядился доставить его в полицию в случае его смерти?

— Иными словами, в этом письме он обвиняет в своей кончине жену?

— Возможно, не столь категорично, но содержание письма сводится к этому.

— А откуда вам известно содержание письма, миссис Дейвенпорт? — спросил Мейсон.

Мирна ответила тихим голосом, ее едва было слышно:

— Он сам мне сказал. Он взбесился, иначе не скажешь, и обвинил меня в отравлении Хорти, а потом сказал: поскольку ему известно о том, что я сделала, он не чувствует теперь себя в безопасности.

— И мистер Дейвенпорт сейчас находится в Крэмптоне?

— Да. Он поехал туда из Парадайза. И заболел. Доктор встревожен его состоянием, он боится, Эд не выживет.

— А если выживет?

Сара Энзел раздраженно пожала плечами:

— Ну конечно, не мне давать советы, решать должна сама Мирна, но что касается меня, я твердо знаю одно: Эд Дейвенпорт пустил по ветру ее деньги, смешав их с собственными. Я убеждена, теперь он старается обманым путем лишиться ее их. Поэтому я-то знаю, как поступила бы на месте Мирны.

— А если Эд Дейвенпорт умрет? — спросил Мейсон.

Сара Энзел тревожно посмотрела на Мирну.

— Если он умрет, — очень тихо заговорила та, — письмо будет доставлено окружному прокурору, и один Бог знает дальнейшее.

— Чего вы хотите от меня? — спросил Мейсон.

— Раздобыть письмо! — выпалила Сара Энзел.

Мейсон никак не ожидал такой просьбы и невольно улыбнулся:

~~— Боюсь, тут я вам не смогу помочь.~~

— Почему?
— Я не могу выкрасть письмо.
— Оно содержит клеветнические обвинения.
— И все же при жизни мистера Дейвенпорта письмо является его собственностью.
— Ну а после его смерти?
— Несомненно, он оставил указания отправить его в полицию.

— Надо учитывать, — продолжала Сара Энзел, — все, что у него имеется, является общим достоянием. Решительно все приобретено на средства Мирны, уж не говоря о стараниях Эда Дейвенпорта изо всех сил запутать финансовые дела, чтобы даже самый опытный бухгалтер не смог определить, откуда взяты деньги.

Мейсон не скрывал заинтересованности.

— Допустим на мгновение, он на самом деле умирает. В таком случае Мирна автоматически становится владелицей всего состояния, не так ли? — с вызовом спросила Сара Энзел.

— Возможно, — осторожно согласился адвокат.

— В таком случае она имеет право и на это письмо.

— Продолжайте, — улыбнулся адвокат.

— Я не считаю справедливым допустить, чтобы подобное письмо попало в руки полиции или окружного прокурора до того, как Мирна ознакомится с его содержанием.

— Конечно, — раздумывая, произнес адвокат, — многое зависит от того, как написано письмо. Или, скорее, кому адресовано: непосредственно полиции, чтобы та его вскрыла в случае его смерти, или же его секретарю с указанием отправить содержимое окружному прокурору опять-таки в случае его смерти.

— С точки зрения закона тут имеется разница?

— Возможно, однако я не в состоянии незамедлительно высказать свое мнение.

Сара Энзел резко поднялась с кресла:

— Дай-ка мне ключ, Мирна.

Мирна молча разжала руку в перчатке и отдала Саре ключ. Та в свою очередь подошла к письменному столу и положила ключ на стекло перед адвокатом.

— Что это? — спросил Мейсон.

— Ключ от офиса в Парадайзе.

— И зачем он мне нужен?

— В случае если Эд Дейвенпорт на самом деле умрет, мы хотим, чтобы вы разыскали это письмо.

— Имеется ли хотя бы крупница правды в обвинениях Эда Дейвенпорта?

— Не глупите! Мирна и мухи не обидит. Она поехала туда помочь Хорти. Они вдвоем трудились не покладая рук. Хорти умерла просто от переутомления, у нее ослаб организм.

— А мистер Делано?

— Он болел много месяцев подряд, фактически медленно умирал. Врачи сказали, он протянет максимум шесть месяцев, а он прожил вдвое больше. И если бы не смерть Хорти, он бы еще протянул. Ее кончина подломила Уильяма окончательно.

— Тогда почему бы не согласиться с тем, чтобы письмо доставили адресату? — спросил Мейсон. — Если его обвинения абсурдны, самое простое — все объяснить полиции.

Женщины обменялись взглядами, значение которых Мейсон понять не сумел.

— Ну? — спросил он.

— Ситуация не так проста, — призналась Сара Энзел. — Имеются кое-какие осложняющие факторы.

— Как понять?

— Кто-то звонил в управление по делам насильственных смертей. Знаете, один из этих анонимных звонков. Говоривший посоветовал проверить смерть Гортензии Пакстон. Разумеется, звонил кто-то из подручных Эда, если не он сам, но это может причинить неприятности.

Мейсон задумался.

— Мирна — жена Эда Дейвенпорта, — сказал он. — В том случае, если он обвинит жену в отравлении мисс Пакстон, он же рискует потерять деньги, унаследованные его женой, которые, как я понял, он тратит в собственных интересах. Вы об этом подумали?

— Да. А вот Эд — нет. Он не думает. Он реагирует. В его поступках отсутствует логика. Зачем бы ему писать такое дурацкое письмо, в особенности когда он знает, что может умереть в любой момент?

Мейсон предположил:

— Возможно, он психопат?

— Однозначно, с вывихом. Никто не может предположить, как он поступит. Он может убить нас обоих. Зная о нашей поездке к вам, непременно бы так и сделал.

Мейсон наконец принял решение:

— Хорошо, я согласен. Если Эд Дейвенпорт умрет, я постараюсь выяснить содержание письма. Если оно мне покажется творением психопата, я займусь вашим делом и передам письмо миссис Дейвенпорт. Однако если в данном деле имеется что-то подозрительное, я сам вручу письмо полиции, но так, чтобы все закончилось ко всеобщему удовлетворению.

— Если бы вы только знали Эда Дейвенпорта, — сказала Сара Энзел, — вы бы не сомневались в обоснованности нашей тревоги. Он эгоистичный неврастеник, с головой ушедший в собственные аферы, желания, ощущения, но при всем этом ему не откажешь ни в проникательности, ни в изобретательности.

— Вы не очень давно познакомились с мистером Дейвенпортом, — заметил Мейсон.

— Мы знакомы достаточно долго, — фыркнула женщина. — Я много разговаривала с Мирной, да и сама не вчера родилась на свет.

Мейсон снова задумался, затем повернулся к Делле Стрит:

— Делла, продиктуй письмо, которое Мирна Дейвенпорт должна подписать, уполномочивающее меня представлять ее интересы во всех вопросах, касающихся ее семейных отношений, имущественных прав, а также принимать по моему усмотрению действия для охраны ее прав. В случае смерти ее мужа, а по имеющимся данным, он тяжело болен, я должен представлять миссис Дейвенпорт в вопросах ее состояния. Я должен действовать от ее имени и в ее интересах. — Мейсон посмотрел на Мирну Дейвенпорт: — Вы согласны написать и подписать такое письмо?

Ответила, разумеется, Сара Энзел:

— Можете не сомневаться, да!

Однако адвокат продолжал смотреть на Мирну. Наконец та взглянула ему в глаза и тихо сказала:

— Конечно, мистер Мейсон. Муж больше меня не любит. Его интересуют только мои деньги, которые он ворует у меня. В данный момент он стремится так запутать финансо-

вую отчетность, чтобы стало невозможно разобраться, сколько принадлежит фактически мне, а сколько — ему.

— Так чего же мы ждем? — спросила Сара Энзел, взглянув на часы.

Перри Мейсон взглядом попросил Деллу немедленно напечатать письмо.

Глава 2

В начале четвертого того же дня телефонистка на коммутаторе Мейсона позвонила Делле Стрит и сообщила: адвоката вызывают из Крэмптона по вопросу величайшей важности.

Мейсон не медлил ни секунды:

— Я буду разговаривать, Делла, а ты бери параллельную трубку.

Мейсон почти сразу услышал настойчивый, нетерпеливый голос Сары Энзел, спорящей с телефонисткой.

— Мейсон слушает, миссис Энзел! — вмешался адвокат.

— Наконец-то! У нас тут такие неприятности, а ваша телефонистка тянет время...

— Я у телефона, миссис Энзел. Так что случилось?

— Он умер.

— Дейвенпорт?

— Да.

Наступило минутное молчание.

— И, — продолжала Сара, — все легло на плечи Мирны. Он оставил ей по завещанию решительно все — действительно, самое малое, что мог сделать.

— Когда он умер? — спросил Мейсон.

— Минут пятнадцать назад. Все это время я добивалась разговора с вами.

— Да, да, понятно. Теперь письмо, о котором вы упоминали...

— Адрес в Парадайзе: Крестьяно-Драйв. Вы можете попасть туда самолетом на Чико. В Чико возьмите машину, вам придется проехать двадцать миль по хорошей асфальтированной дороге. Найти это место несложно, но лучше не задавать вопросов. Я объясню, как туда попасть. Поезжайте по главной улице через город, затем сверните налево по Оливер-роуд. Возле Вэлли-Вью имеется крутой

поворот налево, проедете по ней совсем немного до Крестыно-Драйв, дом стоит последним в ряду по правой стороне:

— В доме никого нет? — спросил адвокат.

— Никого. Секретарши не будет. Вы отыщете... прошу прощения, я дольше не могу разговаривать. До свидания!.. — Она бросила трубку.

Мейсон не спеша опустил свою трубку на рычаг и вопросительно посмотрел на Деллу.

— Вы едете в Парадайз? — спросила девушка.

Мейсон пожал плечами: ничего не поделаешь!

— А когда попадете туда, что предпримете?

— Буду представлять интересы миссис Эд Дейвенпорт наилучшим образом.

— Разыскав этот конверт?

— Возможно.

— А потом?

— Все зависит от содержания письма. Закажи-ка билеты, Делла.

Через десять минут Делла Стрит сообщила: вылетев из Сан-Франциско прямым самолетом, можно успеть на самолет компании «Юго-западные авиалинии», который прибудет в Чико в семь пятьдесят.

— Закажи два билета, Делла, — распорядился Мейсон, — и поторапливайся.

— Два?

— Не воображаешь ли ты, что я влезу в подобную историю без свидетеля?

Глава 3

Самолет сильно качало, когда Перри Мейсон и Делла Стрит пролетали над Мэрисвиллом, внизу проплывали небольшие поселки, поблескивающие скоплением огней, темные просторы плодородных рисовых полей над светлым пятном Оровилла. Наконец лайнер пошел на посадку над Чико и подрулил к зданию аэровокзала.

Такси домчало Мейсона и Деллу до центра города, где адвокату без особого труда удалось нанять автомашину с оплатой за километраж. Они разыскали дорогу на Парадайз и пустились в путь по круто поднимающемуся шоссе.

При свете почти полной луны они любовались местностью. Делла вскрикнула от восторга, когда дорога привела их к окаменевшему выбросу лавы и они смогли заглянуть в глубь каньона, где утесы из той же лавы отбрасывали черные тени.

Мейсон плавно проскользнул мимо скопления магазинов, которые отмечали центр поселка, повернул налево, затем без труда обнаружил крутой вираж, который предупреждал о следующем левом повороте.

По обе стороны дороги виднелись современные жилые дома, стоявшие среди высоких сосен и зеленых лужаек. На этой высоте смрад и смог, окутывавшие долину, полностью рассеялись, а на небе, несмотря на свет луны, сияли необычно яркие звезды.

Делла Стрит сделала глубокий вздох.

— Вы только посмотрите, какой здесь воздух, шеф! — воскликнула она. — Чистый, пропитанный хвойным запахом, прозрачный, как хрусталь. А как вам нравятся эти очаровательные жилища?

Мейсон согласился с девушкой, но его мысли уже были сосредоточены на предстоящем деле.

— Как вы считаете, дом Эда Дейвенпорта похож на них?

— Мы это выясним через минуту, — ответил Мейсон, сворачивая на боковую дорожку.

Они добрались до конца асфальта, проехали еще немного по гравийной дорожке мимо аккуратного дома с зеленым забором, а затем, когда дорожка закончилась, свернули вправо по подъездной дороге, которая привела их через сосновую рощу, мимо нескольких яблонь и грушевых деревьев к парадному подъезду дома, который, несмотря на темные окна, казался обитаемым и гостеприимным.

Мейсон выключил все огни, заглушил мотор, обошел машину кругом и поднялся за Деллой на крыльцо.

— На всякий случай позвоним, правда? — спросила девушка.

Молчание шефа можно было считать знаком согласия.

Не снимая перчаток, Делла нажала кнопку звонка. Внутри дома послышалось музыкальное позвякивание.

— Позвони еще раз, — через пару минут произнес Мейсон, — а потом мы попробуем отворить дверь ключом.

Делла Стрит позвонила вторично с тем же результатом. Тогда Мейсон вставил ключ в замок. Он бесшумно открылся, дверь распахнулась, подчиняясь руке адвоката.

— Что теперь? — спросила Делла. — Мы воспользуемся фонариком или?..

— Мы включим в доме свет. Луч фонарика свидетельствует о тайном визите, то есть о понимании своей вины. В конце-то концов, Делла, мы участвуем в игре, где нам почти ничего не известно о других игроках, и будь я неладен, если понимаю, где находится та черта, за которую не следует заходить.

— Но ставки в игре высокие?

— Несомненно, — ответил Мейсон, нащупывая на стене выключатель.

Прихожая предстала во всем своем великолепии. Вешалки для шляп были изготовлены из оленьих рогов и манзанита. Индейская циновка с узором навахо на полу и стулья в деревенском стиле придавали помещению оттенок нарочитой простоты. На стене висело огромное овальное зеркало, несомненный антиквариат. Запах хорошего крепкого табака, очевидно, был неистребим, как если бы обитавшие здесь люди постоянно курили трубку.

Мейсон прошел дальше через дверь слева, включил свет и оказался в просторной гостиной. Делла Стрит прошла за ним по всему дому, осматривая одну комнату за другой и включая всюду свет, пока это длинное, приземистое одноэтажное здание полностью не осветилось.

— Что теперь, шеф?

— Официально, — ответил Мейсон, — мы берем в руки бразды правления от имени мистера Дейвенпорта. На самом же деле разыскиваем письмо, которое может быть где-то здесь спрятано. Весь вопрос в том, где именно.

— Мне это представляется страшной глупостью.

— А именно?

— Написать письмо, которое должно быть доставлено властям в случае кончины его автора, а затем где-то его спрятать, не организовав доставку.

Мейсон внимательно слушал.

Делла Стрит продолжала:

— Я убеждена, Эд Дейвенпорт должен был сделать так, чтобы письмо попало по адресу.

— Знаешь, я сейчас думаю об этих людях. Многое могут сообщить их вещи, — вновь заговорил адвокат через некоторое время, когда просмотрел документы в кабинете Дейвенпорта. — Очевидно, Дейвенпорт полностью полагался на свою секретаршу. В банке Парадайза у него на счету двести девяносто один доллар, впрочем, вот еще книжка на тысячу долларов. Здесь корреспонденция, относящаяся к его горнорудным делам. Интересно, письма адресованы Мирне Дейвенпорт, а все ответы подписаны мистером Дейвенпортом, в которых точно указано, что его жена будет делать, а о чем и слушать не желает.

— Значит...

— Очевидно, он с ней не советовался. Копии ответов показывают, что некоторые отправлены в день получения письма.

— Может, он советовался с ней по телефону?

— Междугородные переговоры стоят, как тебе известно, дорого, а счет за последний месяц за телефонное обслуживание всего на двадцать три доллара и девяносто пять центов, включая федеральный налог.

— И все это время он боялся, — продолжала девушка, — что жена задумала его убить. И вдруг умирает естественной смертью.

Мейсон удивленно приподнял брови.

— В чем дело? — заинтересовалась Делла. — Вы... шеф, уж не предполагаете ли вы... что смерть не была естественной?

— А что?

— Но, всемогущий боже! Тогда что мы здесь делаем?

— Защищаем интересы миссис Дейвенпорт, — усмехнулся Мейсон, — но кое-что делать мы не можем. Мы не можем скрывать улики или искажать их, но ведь мы не будем уверены, улика это или нет, прежде чем не взглянем на нее, не так ли, Делла? Именно по этой причине я считаю необходимым прочитать содержащееся в том конверте послание, который я обнаружил в запертом на ключ ящике стола секретарши.

— Шеф, но...

— Пойди-ка поставь немного воды на огонь в кухне, мы подержим конверт над паром...

Через пару минут вода закипела, адвокат прошел на кухню. Очень осторожно он распечатал заклеенный кон-

верт, засунул внутрь два пальца, вынул бумажные листы и развернул их.

Делла Стрит ахнула, заглушив бульканье продолжавшей кипеть воды.

— Ну вот, пожалуйста, — весело произнес адвокат, — шесть листов абсолютно чистой бумаги.

Глядя оторопело на бумагу, Делла машинально загасила пламя горелки:

— Как вы считаете, на них нет тайнописи?

Мейсон осторожно нагрел один из листков над неостывшей горелкой, затем посмотрел листок под разными углами к источнику света:

— Конечно, тут может быть какая-то тайнопись, которую надо проявлять над парами иодина, но мы, к сожалению, не имеем права этого делать. Хотя, конечно, опасно считать, что листы на самом деле чистые.

— Чего ради человек стал бы оставлять конверт с инструкцией доставить его властям в случае своей смерти, если в нем нет ничего, кроме пустых листов бумаги?

— Возможно, именно на этот вопрос нам придется искать ответ.

— Что вы имеете в виду?

— Ты не видела нигде в офисе пузырька с клеем?

Девушка тут же отыскала его и протянула шефу:

— Ну сейчас мы заклеим конверт, причем очень важно не оставить на нем отпечатков пальцев.

Мейсон подсушил конверт над теплой горелкой, вернулся в приемную и положил его обратно в ящик стола, который тут же снова искусно запер перочинным ножом. Через минуту письменный стол секретарши был в идеальном порядке.

— Шеф, похоже, у вас появились какие-то идеи? — спросила Делла. Немного поколебавшись, она произнесла: — Что... что...

— Что все случилось немножко слишком своевременно? — усмехнулся адвокат.

— Ну да, отчасти...

— Эд Дейвенпорт умер и...

Раздался резкий женский голос:

— Что вы здесь делаете? Кто вы такие?

Мейсон неторопливо повернулся.

Высокая, довольно привлекательная молодая женщина, стоявшая в проеме двери, резко повернулась, не ожидая ответа, и побежала. Раздался дробный стук высоких каблучков, затем звуки поворачивающегося телефонного диска.

Мейсон подмигнул Делле, подошел к письменному столу и поднял трубку телефонного аппарата. Он услышал, как женщина говорит по параллельному телефону:

— Соедините меня немедленно с полицией. Срочно. Я — Мейбл Нордж, нахожусь в доме мистера Дейвенпорта на Крествью-Драйв. В доме находятся неизвестные, роются в вещах, что-то ищут. Пришлите полицию.

Мейсон аккуратно положил трубку на рычаг. Он слышал, как хлопнула входная дверь.

Делла Стрит приподняла брови.

— Полиция? — спросила она.

На лице Мейсона было написано: «Ничего не поделаешь!»

— Как скоро они сюда приедут?

— Трудно сказать. Возможно, очень скоро.

— Мы попытаемся улизнуть?

— Нет, конечно. Останемся и побеседуем.

Мейсон уселся в кресло за письменным столом Дейвенпорта и закурил.

Делла явно нервничала, не понимая спокойствия адвоката.

— Шеф, почему бы нам не исчезнуть, воспользовавшись черным ходом?

— Взятая нами напрокат машина стоит перед входом. Молодая особа, несомненно, уже записала ее номер. Именно потому, что машина находится там, а в доме всюду горит свет, она так неслышно сюда вошла. Скорее всего, шла на цыпочках. Я слышал, как она назвала себя по телефону. Мейбл Нордж. Секретарь Дейвенпорта. Так что мы останемся здесь, поскольку ничего другого нам не остается. Ведь, если хорошенько подумать, мы тут здорово наследили. Ну а бегство будет свидетельствовать о сознании нами вины.

— Знаете, шеф, мне в этой истории что-то не нравится.

— Пока мы делали то, что от нас ожидали. Теперь постараемся действовать более независимо.

— Что вы имеете в виду?

Они услышали вой полицейской сирены.

— Вот и полиция, — сказал Мейсон. — Похвальная поспешность. Веди себя тихо, они могут нервничать и случайно выстрелить.

— Что вы такое говорите? Вы...

Снова хлопнула входная дверь, раздались голоса, зазвучали тяжелые шаги. Человек в форме офицера полиции осторожно просунул голову в комнату и скомандовал:

— Не двигаться!

Мейсон отодвинул назад вращающийся стул у письменного стола, вынул сигарету изо рта, выпустил струйку дыма в потолок:

— Добрый вечер, офицер. Входите и садитесь.

Офицер остался стоять на пороге, в руках у него поблескивал пистолет.

— Кто вы такие и что здесь делаете?

— Я Перри Мейсон, адвокат, — ответил Мейсон. — Разрешите мне представить моего секретаря, мисс Стрит... В данный момент я занят приведением в порядок дел по поручению вдовы Эдварда Дейвенпорта.

— Он умер? Он умер? — закричала в этот момент Мейбл Нордж.

Мейсон подтвердил ее опасение, не произнося слов.

— Значит, его убили! — сказала секретарь хозяина с уверенностью.

— Стоп-стоп! — остановил ее Мейсон. — Вы, очевидно, потрясены, но вам не следует бросаться такими дикими обвинениями.

— Вы представляете миссис Дейвенпорт? — спросил офицер.

— Совершенно верно.

— Имеете соответствующие полномочия?

— Она вручила мне ключ от дома, — сказал Мейсон, — и доверенность на ведение дел.

Без всякой спешки Мейсон предъявил офицеру письмо.

Тот взглянул на секретаря:

— Вы знаете этих людей, мисс Нордж?

Она уверенно покачала головой.

Заговорил Мейсон:

— Как я понимаю, вы секретарь мистера Дейвенпорта, это ваши инициалы «М.Н.» стоят на бумагах?

— Я Мейбл Нордж, — подтвердила девушка, — действительно секретарь мистера Дейвенпорта. И в случае его смерти я... я должна кое-что вручить офицеру.

— Вот как? — притворно удивился Мейсон.

— Мистер Дейвенпорт предвидел подобную ситуацию.

— Какую именно?

— Его убийство.

— Убийство? — переспросил Мейсон.

— Точно! И я должна передать офицеру доказательства этого.

— Ну так передавайте, — предложил Мейсон.

Девушка подошла к своему письменному столу.

— Эй, одну минуточку! — остановил ее Мейсон. — Что вы там делаете?

— Достаяю то, что намерена вручить офицеру.

Мейсон улыбнулся и покачал головой:

— Нет, нет...

— Тогда о чем вы?

— Вы не должны касаться ничего в этом доме, не являющегося вашей личной собственностью.

— Но вы же были здесь и трогали разные вещи.

— Почему нет? Я представляю жену. Она законная владелица половины всей собственности. Вторая половина перейдет к ней по праву наследования.

— Но вы... вы...

— Успокойтесь, — посоветовал Мейсон. — Зачем так горячиться?

Офицер убрал пистолет в кобуру:

— Давайте внесем полную ясность. О чем идет спор?

Мейбл Нордж закричала:

— Она его убила! Он знал, что она попытается это сделать, и поэтому оставил пакет с доказательствами, которые могут быть использованы против нее.

— Как прикажете вас понимать: «он оставил пакет»? — спросил Мейсон.

— Отдал его мне.

— И велел его хранить?

— Сказал, что в случае его смерти он хочет, чтобы я вскрыла конверт и доставила имеющуюся в нем информацию в полицию.

— Вы открывали пакет до его смерти?

— Нет, конечно.

— Значит, вы не знаете о его содержимом?

— Ну... только то, что сам хозяин говорил.

— Сообщил ли он вам о содержимом?

— Он сказал мне... короче, он сообщил достаточно, чтобы я поняла: он опасался умереть с минуты на минуту.

— Естественно, — согласился адвокат, — человек страдал от высокого кровяного давления, артериосклероза и, очевидно, почечной недостаточности. Врачи предупредили: он может скончаться в любое время. Мне кажется вполне естественным для человека подготовиться...

— Но это не такое письмо. То есть он имел в виду другое.

— Откуда вы знаете?

— С его собственных слов.

— Что же он говорил?

— В случае его смерти я должна вскрыть этот конверт и позаботиться о том, чтобы бумаги получали полицейские, но если кто-то попытается добраться до письма при его жизни, я должна уничтожить весь пакет.

— Иными словами, он оставил за собой контроль над этим письмом?

— Да. При жизни.

— А если бы он пожелал, чтобы вы вручили ему пакет в любое время, вы бы это сделали?

— Разумеется. Это же его письмо.

— Где оно? — спросил Мейсон.

Девушка после некоторого раздумья произнесла:

— Я достану его, когда потребуется.

— Несомненно... Итак, офицер, давайте-ка хорошенько все тут закроем. Ну и учитывая заявление мисс Нордж о спрятанном здесь письме с какими-то обвинениями, по моему мнению, необходимо проследить за тем, чтобы из этого дома никто ничего не унес.

— Мы изыщем письмо! — решительно заявила мисс Нордж. — Я собираюсь незамедлительно вскрыть конверт и передать его содержимое офицеру.

— Нет, вы этого не сделаете, — возразил с широкой улыбкой адвокат.

— Почему вы такое говорите?

— Срок вашей работы секретарем закончился в тот момент, когда умер мистер Дейвенпорт. Вы были его агентом; сотрудником, личным представителем. Сейчас вы

имеете только право на компенсацию, но касаться чего-либо здесь вам не разрешается.

— Одну минуточку, — нахмурился офицер. — Я не знаком с тонкостями закона, но я не хочу, чтобы исчезли какие-то улики.

— Разумеется! — подхватил Мейсон. — И поэтому я посоветовал бы вам лично запереть все двери, а поскольку у мисс Нордж, несомненно, имеется ключ...

— Как вы проникли сюда? — спросила она.

— Я же сказал вам, у меня есть ключ, — спокойно ответил Мейсон. — Ключ миссис Дейвенпорт.

— Она ни за что не дала бы вам ключ! Я это точно знаю.

Мейсон снова улыбнулся:

— В таком случае, офицер, поскольку миссис Дейвенпорт не давала мне ключа, значит, я не мог им воспользоваться, чтобы попасть в дом. Следовательно, меня здесь нет, и вы меня не видите.

Офицер задумчиво потер вспотевший лоб:

— Если существует, письмо, оставленное с приказом вскрыть его после смерти, письмо, объясняющее, каким образом человек умер, нам лучше забрать его и передать в руки окружному прокурору.

— Все дело в том, — спокойно заговорил Мейсон, — что никто не знает о содержимом этого пакета. С таким же успехом там может находиться завешание.

— Так давайте же посмотрим на него! — воскликнул офицер. — Вы представитель жены. Секретарь здесь. Я представитель закона. Все в порядке.

— Никто не имеет права распечатать письмо, пока не разрешит жена умершего, — сказал Мейсон.

— Обождите минуточку, — взмолился офицер, — с вами ужасно трудно договориться.

— Нет, если вы будете действовать в соответствии с законом. Как вас зовут?

— Сидни Бум, помощник шерифа. Это территория округа.

— Прекрасно. Скажите, вы желаете действовать в соответствии с законом или нет?

— Естественно, я всегда и во всем придерживаюсь законов!

— Ну так вот. Учтите, все это — общая собственность, половина которой принадлежит и всегда принадлежала жене. А вторая половина перейдет к ней после официа-

ного утверждения завещания, фактически она уже сейчас имеет на нее право, требуется лишь уплатить долги.

— Я уже говорил, что не знаю досконально правовых норм, — сказал Бум, — но хочу получить ясное представление о деле. Если здесь имеются какие-то вещественные доказательства, я не хочу, чтоб с ними что-то случилось.

— Само собой разумеется. Но с другой стороны, если это вовсе не вещественное доказательство, а какая-то ценная бумага, я хочу быть уверен, что она никуда не денется.

— Зачем эти намеки?

— Откуда мне знать, может, в этом конверте, который следует распечатать в случае смерти мистера Дейвенпорта, находятся его завещание или какие-то ценные акции, которые он хотел отдать своей секретарше. Наличные деньги, в конце концов.

— Самое правильное распечатать пакет и посмотреть его содержимое.

— С другой стороны, — продолжал рассуждать вслух Мейсон, — там может находиться нечто, представляющее особую важность для владельцев, чего не следует разглашать.

— Но он же отдал письмо секретарю!

— Не совсем так, — покачал головой адвокат. — Он поручил ей *хранить* пакет, а вовсе *не отдал* его ей. Она должна была вернуть его мистеру Дейвенпорту при его первом требовании.

— Я не это имела в виду, — вмешалась Мейбл Нордж. — Хозяин отдал его мне для того, чтобы я передала пакет офицерам после его смерти.

— Он велел отдать пакет офицерам? — спросил Мейсон.

— Его нужно вскрыть в случае его смерти.

— Хозяин не распорядился отдать пакет офицерам?

— Я не могу помнить дословно его фразу.

— Вот, пожалуйста! — развел руками Мейсон.

— Она все записывает, — воскликнула Мейбл Нордж, кивая в сторону Деллы Стрит. — Стенографирует каждое сказанное нами слово.

— Вы возражаете? — спросил Мейсон.

— Ну, мне это не кажется честным.

— Почему? Или вы намереваетесь изменить что-то из сказанного вами после того, как обдумаете свои слова?

— Вы мне кажетесь на редкость неприятным типом.

— Очень многие люди думают точно так же.

Офицер с завидным упрямством заговорил:

— Возвращаясь к тому же вопросу о вещественных доказательствах. Я не понимаю происходящего, но работающая тут молодая женщина утверждает, что у нее где-то спрятан конверт, который надлежит вскрыть в случае смерти мистера Дейвенпорта, поскольку в нем содержатся данные о... о...

— Изобличающие лицо, повинное в его смерти! — твердо заявила Мейбл Нордж.

— Вы теперь утверждаете, что он убит.

— Возможно.

— Но точно вы не знаете?

— Он ждал, что такое может случиться.

— Вы также знали и другое: хозяин находился под наблюдением врача?

— Ну... знала.

— И его предупреждали: при таком кровяном давлении и состоянии артерий он должен вести себя чрезвычайно осмотрительно, ибо все может плохо кончиться?

— Он не делился со мной такими сугубо личными обстоятельствами своей жизни.

— Рассказывал вам о своих отношениях с женой?

— Ну, не совсем.

— В таком случае вы не знаете о содержании письма, а лишь предполагаете?

— Я уже сказала о своих мыслях по этому поводу. Мы можем это незамедлительно выяснить.

Бум коротко спросил:

— Где находится письмо?

— В моем столе, в запертом на ключ ящике.

— Достаньте его! — велел Бум.

— Одну минуточку, — произнес Мейсон. — Такой поступок незаконен.

— И все же я хочу рискнуть, — сказал офицер. — Я прослежу, чтобы эта особа не дотронулась ни до чего другого в столе, кроме письма. Но если пакет существует, я хочу быть полностью уверен в его сохранности. Я не знаю, кто вы такой, но, видимо, представляете вдову. Вы очень быстро приступили к работе.

— И теперь я вижу, моя поспешность вполне оправдана, — сказал Мейсон, дружелюбно улыбаясь. — Я ста-

раюсь сохранить в целости и сохранности все имущество.

— Что вы хотите сказать?

Мейсон кивнул в сторону Мейбл Нордж, которая отпи-
рала ключом правую тумбу стола:

— А что делала она тут в такое позднее время?

— Она же здесь работает.

— По ночам?

Офицер недоуменно нахмурился и посмотрел на секре-
таршу с подозрением:

— Послушайте, мисс Нордж, как вы здесь оказались?

— Я... я проезжала мимо и увидела освещенные окна.

— Куда вы ехали? — спросил Мейсон.

— Мимо дома по дороге.

— Здесь тупик, — усмехнулся адвокат.

— Ну, я... я ехала мимо. И я...

— Вы вошли в дом?

— Это вас не касается.

— Вот, пожалуйста, — сказал Мейсон, — она была
здесь, хотя ей не полагалось тут находиться. В такое по-
зднее время у секретаря не может быть работы... Так что
же она делала?

— Послушайте, — затряс головой офицер, — вы меня
совершенно запутали. Я не хочу неприятностей.

— Вы уже сейчас совершаете ошибку. В тот момент,
когда вы, используя свою власть, позволяете дотрагивать-
ся до предметов в этой комнате, вы допускаете ошибку.

Офицер подошел к Мейбл Нордж и остановился рядом.

— Я не хочу, чтобы вы дотрагивались до чего-либо дру-
гого, кроме письма, — сказал он. — Где оно?

— В запертом ящике в письменном столе.

— Прекрасно. Письмо возьму я.

— Ящик заперт, — сказала она, выдвигая ящик пись-
менного стола, — что-то вроде моего личного сейфа.

— Понятно.

Офицер вытащил шкатулку:

— Этот ящик не заперт.

— Правда? Я считала, что он на замке. Обычно я его
всегда запираю.

Бум приподнял крышку и посмотрел на конверт.

— Советую вам не дотрагиваться до этого пакета, —
предупредил Мейсон.

Полицейский тут же опустил крышку:

— Что, по-вашему мнению, нужно с ним сделать?

— Сдайте его в суд как часть имущества мистера Дейвенпорта.

— Предположим, с ним что-то случится?

— Позаботьтесь, чтобы ничего не случилось.

— Вы считаете, я должен?

— Конечно. Заприте шкатулку. Отнесите ее в суд. Пусть судья, которому будет поручено официальное утверждение завещания, откроет его в присутствии представителей наследников.

Мейбл Нордж топнула ногой, на ее глаза навернулись слезы бессильной ярости.

— Вскройте конверт, вы, глупец!

Мейсон посмотрел офицеру в глаза:

— Предположим, конверт наполнен деньгами, тысяче-долларовыми банкнотами, которые он обещал дать секретарше? Ну а как вы потом сможете доказать, что там находится именно столько денег, сколько вы называете? Вас заподозрят в присвоении двух-трех бумажек. Какую песню тогда запоете? Нет, этот ящик нужно открывать лишь в присутствии официальных лиц.

— Верно! — изрек офицер, поворачиваясь к Мейбл Нордж.

— Вы глупец! — завопила она.

У Бума побагровело лицо.

— Я вам ясно сказала, — истерично вопила секретарь, — его жена намеревалась его убить! Он знал об этом! В письме содержатся улики, связывающие ее с другим убийством!

— Решать вам, офицер, это ваша обязанность, — сказал Мейсон скукающим голосом.

Офицер опять заколебался.

— Да не трусьте же, открывайте! — настаивала Мейбл. — Неужели вы не видите, этот человек изо всех сил старается отговорить вас, чтобы вы не получили доказательства, которые мистер Дейвенпорт хотел передать властям.

Полицейский взял в руки конверт.

— Не спешите, — остановил его Мейсон. — Не принимайте моего юридического совета, но не слушайте и эту особу. У вас же имеется окружной прокурор. Вызовите его. Спросите его, как поступить?

— Вот это правильно! — с явным облегчением воскликнул Бум и заторопился к телефону.

Мейсон авторитетно объявил:

— Лично я считаю, конверт следует открыть только в присутствии инспектора, ведающего делами наследства. Кроме того, я посоветовал бы на случай, если у вас имеются сомнения, убрать этот пакет в сохранное место.

— Что значит «убрать»?

— Сейчас он находится в шкатулке в ящике письменного стола. Заберите его и спрячьте в сейф. Но вам придется следить за тем, чтобы никто не попытался что-то предпринять в отношении содержимого данного конверта.

— Не разрешайте ему мешать вам исполнять свой долг! — закричала Мейбл. — Вскройте конверт. Добудьте доказательства.

Мейсон откровенно зевнул:

— Честное слово, это становится утомительным. Мне не хочется спорить и пререкаться. Что касается меня, то я не имею ничего против того, чтобы вы доставили этот конверт окружному прокурору. Разумеется, при условии принятия необходимых мер для того, чтобы конверт не был вскрыт лицом, не имеющим на то права.

— Ну что же, давайте поговорим с окружным прокурором.

Когда полицейского соединили с прокурором, он отпартовал:

— Говорит Бум. Я нахожусь в Парадайзе. Очень сожалею, но вынужден вас потревожить в столь поздний час: я столкнулся с одной проблемой. Здесь находится адвокат, который утверждает, что он представляет Дейвенпортов. Сам Эд Дейвенпорт умер. В его офисе имеется письмо, которое должно быть вскрыто в случае его смерти. Адвокат, представляющий его жену, утверждает, это можно сделать только в присутствии налогового инспектора... Нет, оно не адресовано полиции. На конверте просто написано: «Вскрыть в случае моей смерти, а содержимое доставить властям».

Мейбл Нордж нетерпеливо подсказала офицеру:

— Скажите ему, письмо вручено мне, оно находилось у меня.

— Оно было не у вас, — не согласился Мейсон, — а всего лишь в вашем письменном столе. Ваша же работа в данном офисе прекратилась.

— Господи, до чего же я вас ненавижу! Неужели вы не можете помолчать?

— Возможно, вы на самом деле вскоре возненавидите меня, — рассмеялся адвокат.

— И сообщите окружному прокурору: находящаяся здесь женщина стенографирует каждое слово! — снова закричала Мейбл Нордж.

— Тише! — прикрикнул на нее Бум. — Вы мешаете мне слушать.

Несколько минут Бум слушал, затем снова заговорил:

— Это адвокат Перри Мейсон... Ох; вы слышали о нем? Да, мне эта фамилия тоже показалась знакомой... Совершенно верно... Он не возражает против того, чтобы я доставил к вам в офис конверт в этом запечатом ящике, где его и распечатают в присутствии судьи и инспектора. Он предполагает, что в конверте находятся деньги... О'кей.

Бум с облегчением положил на место трубку.

— Мы, конечно, возлагаем ответственность за сохранность этого пакета на вас, мистер Бум, — предупредил Мейсон.

— Естественно. Согласен.

— Вы отвезете этот ящик окружному прокурору?

— Я прослежу, чтобы он попал к нему.

— Так вы сейчас и забираете его?

— Нет, не сразу. Мне здесь еще надо кое-что сделать, но завтра я его непременно доставлю. Прокурор сказал, что завтра. Не беспокойтесь, я прослежу за тем, чтобы с пакетом ничего не произошло.

— Прекрасно, — произнес Мейсон, — для меня самое главное, чтобы с пакетом не намудрили.

— Я заберу его с собой. А теперь, чтобы все было по правилам, я хочу получить одну из ваших карточек, и в случае если вы не представляете вдову... Ну, вы адвокат. Не мне вас наставлять уму-разуму.

— Верно, этого не требуется, — весело подхватил Мейсон. — Вот вам моя карточка.

После этого офицер Бум, держа под мышкой ящик с письмом, пошел к машине.

— Я иду с вами! — закричала Мейбл Нордж.

Делла Стрит дождалась, пока не закрылась за ними входная дверь, потом взглянула на Мейсона.

— Быстро сними чайник с плиты, — распорядился адвокат. — И на всякий случай вытри его хорошенько лю-

бым полотенцем, чтобы на нем не осталось следов пальцев. Не забудь протереть также ручки и кран на плите... Они могут подумать об этом, не отъехав очень далеко.

Делла Стрит метнулась на кухню. Через пару минут вернулась:

— Все в полном порядке.

— Прекрасно, — усмехнулся Мейсон, — мы всюду включим свет и закончим.

— Шеф, секретарша уговорит-таки офицера распечатать конверт.

— Не раньше, чем они доберутся до офиса окружного прокурора.

— Хотите поспорить?

Неожиданно тишину дома нарушил резкий телефонный звонок.

Мейсон вопросительно посмотрел на Деллу.

— Взять трубку? — спросила она.

— Возьми. Ничего не объясняй и не говори существенного, пока не выяснишь, кто говорит.

Девушка подняла трубку:

— Алло?

Она молчала с минуту, потом произнесла:

— Да, — и, прикрыв ладонью трубку, повернулась к Перри Мейсону: — С платного переговорного пункта в Бейкерсфилде. Слышно, как падают монетки.

— Что тебе сказали?

— Просто: «Вызывает Бейкерсфилд». — Сняв ладошку с трубки, девушка произнесла: — Алло?

Какое-то мгновение у нее был озадаченный вид, потом она схватила карандаш и что-то быстро записала на листке бумаги. Взглянув на адвоката широко раскрытыми глазами, она несколько раз повторила в трубку:

— Алло... алло... алло! Оператор, похоже, нас разъединили. Я разговаривала с Бейкерсфилдом... Вы уверены? — Делла осторожно положила трубку на место.

— Что такое? — спросил Мейсон.

— Как только я произнесла «алло», в трубке раздался мужской голос. Это был вызов с платного переговорного пункта в Бейкерсфилде. Человек сказал: «Пасифик Пэли-сайдс мотор корт», Сан-Бернардино, кабина номер 13», после этого нас разъединили. Вернее, я так подумала, но оператор сказал, звонивший положил трубку.

— Какая-то чертовщина! — произнес Мейсон. — Он не назвал никакого имени?

— Нет, просто мужской голос.

— И звонили из автомата?

— Да.

Мейсон поднялся со стула и принялся расхаживать по комнате. Делла Стрит обеспокоенно наблюдала за ним.

— Что случится, если Мейбл Нордж убедит Бума вскрыть конверт? — спросила она.

— Поднимется черт знает что... Когда бы это ни произошло, сразу же решат: я забрал страницы, содержавшие какие-то доказательства, заявление, сообщающее о подозрениях писавшего, выводы и предположения, уничтожил их и заменил чистыми листками.

— Можно ли доказать, что конверт вскрывали над паром?

— Конечно. А анализ покажет, для повторного скрепления использовался дополнительный клей, а не тот, который имеется на каждом конверте.

— А затем?

— Поскольку будет сформулировано подозрение, мы с тобой окажемся в округе, где у нас нет друзей, где на нас смотрят подозрительно и где власти будут иметь все основания предпринять шаги, продиктованные таким недоверием.

— Если перевести на общечеловеческий язык, то нас могут арестовать.

— Не исключено.

— Тогда не будет ли разумным...

Снова зазвонил телефон.

Делла взяла трубку и заговорила:

— Алло?.. Да...

Потом прикрыла мембрану рукой:

— Будете разговаривать с Фресно, шеф?

— Узнай, кто звонит.

— Кто вызывает? — спросила Делла и, подняв глаза, сообщила: — Миссис Дейвенпорт.

Мейсон кивнул, выражая согласие, и девушка отдала ему трубку.

— Алло?

— Это Перри Мейсон, адвокат?

— Правильно.

— Одну минуточку. Вас вызывает миссис Дейвенпорт. Через минуту Мейсон услышал бесцветный голос Мирны Дейвенпорт:

— Мистер Мейсон, произошла ужасная ошибка. Он исчез.

— Кто исчез?

— Мой муж.

— Именно так и сказала мне утром Сара Энзел. Он умер днем... Постойте, вы это имеете в виду?

— Нет. Он пропал. На самом деле куда-то исчез.

— Вы хотите сказать, что он не умер?

— Нет, не умер. Именно об этом я и говорю. И не умирает. Иного быть не может. Он исчез. Ушел. Уехал.

— Куда?

— Не знаю.

— Когда?

— Даже этого я не знаю. Сел в машину и исчез.

Мейсон, стараясь побороть гнев, сказал:

— Какие-то идиотские выдумки? Что вы пытаетесь проделать? Сара Энзел мне ясно заявила: Эд Дейвенпорт умер. Это было около трех часов дня сегодня. По ее словам, он умер за четверть часа до этого.

— Так мы считали. Нам сказал доктор. Мы все думали, он скончался, но, очевидно, он всего лишь потерял сознание. Мы не знали, где вас разыскать, и уж потом догадались позвонить по этому номеру. Мы в страшном смятении, потому что...

— Где вы находитесь сейчас?

— В аптеке, но мы немедленно уезжаем. Возвращаемся в Лос-Анджелес.

— Не ездите в Лос-Анджелес. Садитесь на первый же самолет, поезд или на худой конец автобус на Сан-Франциско, на ближайший вид транспорта в этом направлении, короче говоря. Оказавшись там, доберитесь до аэропорта, поднимитесь на второй этаж. Сидите и ждите. Вы поняли мои инструкции?

— Да.

— Вы это сделаете?

— Я должна спросить тетю Сару.

— Где она?

— Здесь, рядом.

— Ну так спросите ее, — нетерпеливо буркнул Мейсон. Он придержал трубку возле уха, чувствуя на себе встрево-

женный взгляд Деллы, потом услышал голос Мирны Дейвенпорт:

— Хорошо, мы последуем вашим указаниям.

— Ни с кем не разговаривайте. Если кто-то станет задавать вам вопросы, не отвечайте на них. Это относится к любому человеку. Понятно? К любому.

— Я понимаю, что вы мне говорите, но не понимаю почему?

— Это не имеет значения. Сделайте так, как я сказал.

Мейсон повесил трубку. Потом с сердитым видом прошел к выключателю.

— В чем дело? — взволнованно спросила Делла.

— Очевидно, мы стали жертвой грандиозного обмана.

— Эд Дейвенпорт в действительности не умер?

— Согласно последним сообщениям, он жив-живехонек, но исчез, возможно, в данный момент спешит сюда или же был тем субъектом, который звонил из Бейкерсфилда и передал зашифрованное сообщение.

— Какова же теперь ваша юридическая позиция?

— Н-да, нелепо, конечно, отстаивать имущественные права вдовы, которая не имеет никаких прав, поскольку не является даже вдовой.

Делла Стрит обдумала ответ шефа, затем проверила, все ли осталось в таком состоянии, как было раньше, выключила свет и вышла наружу.

Мейсон уже стоял у выхода.

— Пошли, Делла. Вернее, поехали.

— Куда?

— Назад в Чико, где мы вернем машину и сядем на ближайший вид транспорта. Обязательно позвоним в Детективное агентство Дрейка и попросим его направить двух оперативников в «Пасифик Пэлсайдс мотор корт» в Сан-Бернардино, чтобы они присматривали за кабиной номер тринадцать. Также поручим Полу Дрейку заняться Эдом Дейвенпортом. Живее, Делла, надо ехать.

Глава 4

В два часа сорок пять минут ночи Перри Мейсон и Делла Стрит вошли в здание аэропорта в Сан-Франциско.

— Поднимись первой, — попросил Мейсон, указывая на лестницу на второй этаж. — Осмотрись. Если они наверху, махнешь мне рукой. Если заметишь слежку за ними, не зови меня, спустишься вниз и расскажи. Хорошенько присмотришься ко всем в зале.

— Ну как же я определяю, следит кто-то за ними или нет?

— Если кто-то сидит поблизости, уткнувшись в газету или журнал или погруженный полностью в какое-то другое занятие, дай мне знать. Я не хочу угодить в ловушку.

Делла Стрит поднялась по лестнице, а через несколько минут уже снова была внизу:

— Там действительно сидит человек, читающий газету.

— А наши две женщины наверху?

— Да, похоже, крепко спят. Обе откинули головы назад, глаза у них закрыты.

— Делла, в три часа пять минут вылетает самолет на Лос-Анджелес. Возьми четыре билета, а я поднимусь наверх. Если за ними следят, придется с этим смириться. Тут уж ничего не поделаешь.

Мейсон поднялся наверх. Человек с газетой со скучающим видом перевернул очередной лист и продолжал читать.

Адвокат прошел по помещению вперед, вернулся, потянулся, зевнул и опустился на свободное кресло рядом с Сарой Энзел, которая негромко посапывала. Голова Мирны Дейвенпорт покоилась на ее плече. Она тоже крепко спала.

Мейсон дотронулся до руки Сары. Она ее отдернула.

Адвокат незаметно посмотрел на читающего, потом снова дотронулся до руки миссис Энзел. Она проснулась.

— Прошу извинить меня, — заговорил Мейсон тоном человека, обращающегося к совершенно незнакомой особе, во рту у него торчала сигарета. — Не найдется ли у вас спичка?

Женщина хотела было возмутиться, но узнала адвоката и растерянно забормотала:

— Но, я... я...

— И не могу ли я предложить *вам* сигарету? — продолжал Мейсон.

Человек с газетой по-прежнему казался с головой погруженным в чтение.

От шума проснулась и Мирна Дейвенпорт.

— Господи, здравствуйте, — заговорила она. — Я...
Мейсон нахмурился, показывая ей, что говорить не следует.

— У одной из вас, леди, найдется спичка?

Мирна Дейвенпорт достала зажигалку.

— Большое спасибо, — затянувшись, довольно громко произнес Мейсон, вытянул длинные ноги, зевнул, откинулся на спинку кресла и едва слышно сказал Саре Энзел: — В три часа пять минут отлетает самолет на Лос-Анджелес. Делла Стрит, мой секретарь, покупает билеты. Она встретит вас у выхода на посадку с билетами и пропусками, незаметно передаст их вам. Поговорим в самолете.

Мейсон снова зевнул, посмотрел на часы, подошел к балкону, посмотрел вниз и получил сигнал от Деллы: билеты получены.

Ленивой походкой адвокат прошелся вокруг балкона, посмотрел пару раз на наручные часы, уселся уже в другое кресло, закурил и стал бросать рассеянные взгляды из стороны в сторону, но краешком глаза наблюдал за тем, как Сара Энзел и Мирна Дейвенпорт спускались по лестнице.

Человек, до этого внимательно читавший газету, поднялся, подошел к балюстраде, тянувшейся вдоль балкона, и едва заметно поднял правую руку. Затем вернулся на свое место.

Мейсон спустился на основной этаж, двигаясь с медлительностью человека, которому некуда спешить, но в действительности рассчитав все свои движения до секунды. Он находился у выхода на посадку ровно за две минуты до отправления.

Делла Стрит ожидала с билетом и посадочным талоном.
— Обе женщины в самолете? Ну пошли.

Они вошли в салон и заняли места за Сарой Энзел и Мирной Дейвенпорт.

Сара Энзел повернулась, собираясь что-то сказать адвокату, но тот незаметно покачал головой и занялся своим пристяжным ремнем.

Ожили моторы, огромный самолет неторопливо покатился к взлетной полосе, остановился на несколько секунд, как бы готовясь к прыжку в небо, дожидаясь, когда его четыре мотора загудят одновременно, демонстрируя свою мощь.

Стальная птица взмыла к облакам. Через несколько минут огни Сан-Франциско внизу показались великолепным скоплением драгоценных камней, когда самолет описывал огибающую дугу, потом он лег на курс, а огни остались позади блестящим заревом.

Сара Энзел обернулась и сердито произнесла:

— Много же времени у вас ушло, чтобы добраться сюда! С какой целью вы заставили нас бегать, как пару преступниц?

— У вас есть багаж?

— Разумеется.

— Где же ваши чемоданы?

— Мы отправили их воздушным экспрессом. Мы не знали, чего вы хотите.

— Прекрасно. Раз вы не связаны багажом, вам будет гораздо проще передвигаться с места на место. А теперь расскажите мне подробно о случившемся. Вам лучше помяться местами. Делла, ты сядешь рядом с миссис Дейвенпорт, а вы, миссис Энзел, переходите на ее место.

Они обменялись местами, вроде бы не привлекая внимания других пассажиров, большинство которых опустили спинки кресел, намереваясь вздремнуть.

— Постарайтесь говорить потише мне в самое ухо, — попросил Мейсон. — Я должен знать о случившемся.

— Вас интересуют основные факты или же...

— Сначала основные факты, — ответил Мейсен, — потом я задам вопросы, чтобы выяснить интересующие меня подробности.

— Хорошо. Вроде бы Эд Дейвенпорт уехал из офиса в Парадайзе в полдень, в воскресенье. Он позвонил Мирне, мол, выехал на машине, заночует где-нибудь по дороге. Возможно, ту ночь он провел во Фресно. Затем продолжил путь и добрался до маленького городка Крэмптона, который расположен в тридцати — сорока милях от Фресно. Там он разболелся. Лично я считаю, ему стало плохо до того, как прибыл туда, но там уже у него не было сил ехать дальше.

— Какая болезнь? — поинтересовался Мейсон.

— Ответить с полной уверенностью не могу. Вообще-то он был алкоголиком, у него высокое кровяное давление, пить ему противопоказано, но он пил и ел все подряд. Во всяком случае, он сильно заболел, остановился в моте-

ле Крэмптона и спросил, есть ли в городе врач. Ему назвали трех врачей. Он позвонил одному из них, некоему доктору Рено. Тот сразу же приехал к нему по вызову и решил: заболевание серьезное... Все это происходило где-то от восьми до девяти часов утра. Мне-то думается, Эд провел предыдущую ночь во Фресно, где пьянствовал, скорее всего, о какой-нибудь женщиной. И та влила для подсыпала ему в вино снотворное. Во всяком случае, он отравился.

— Откуда вы знаете? — спросил Мейсон.

— Я подойду к этому, мистер Мейсон, но сначала хочу рассказать следующее. После того как доктор Рено приехал, у Эда был припадок — или как это назвать? — когда он потерял сознание. Доктор позвонил нам и сказал: нам необходимо приехать немедленно, Эд тяжело заболел. Он даже побоялся перевезти его в больницу. Ближайшая находится за Фресно. Он попытается разыскать сиделку, но поскольку их не хватает, самое правильное будет, если приедет Мирна и поможет за ним ухаживать.

— Продолжайте.

— После того как мы повидались с вами, мы долетели самолетом до Фресно, взяли там напрокат машину и отправились в мотель в Крэмптоне.

Эд на самом деле тяжело заболел. Как я поняла, у него была рвота, в тот момент он практически находился в состоянии полного упадка сил. Доктор побеседовал с нами и попросил вызвать его, если будут какие-то перемены. Вообще-то он пообещал возвратиться примерно через час.

Мы немного посидели возле Эда, а потом он уснул. Мне показалось, ему стало легче, но состояние у него оставалось тяжелым. Пока он спал, я ушла в свой коттедж, с Эдом осталась одна Мирна. Потом я, помывшись и приведя себя в порядок с дороги, вернулась и сменила ее. Почти сразу у Эда начался какой-то приступ. Он кашлял, задыхался, ему не хватало воздуха. Я побежала и вызвала по телефону доктора, тот сейчас же приехал. Он сказал, это очень серьезно, и отправил меня в аптеку за лекарством. Мирна в это время находилась в душевой, но, как она говорит, накинула на себя халат и прибежала. Но опоздала. Эд скончался.

Тут доктор повел себя странно. Он не скрывал: Эд сообщил ему нечто такое, вызвавшее у него подозрения. Он бросал на нас гневные взгляды, запер на ключ дверь кот-

теджа, где находилось тело Эда, и сказал, чтобы мы дожидались шерифа, коронера и окружного прокурора. Объяснил потом: некоторые обстоятельства, связанные со случившимся, не дают ему права подписать свидетельство о смерти. Нужно сделать вскрытие. Он даже намекнул, дескать, по его мнению, Эда убили.

— Как вы поступили?

— Я не обратила особого внимания на эти разговоры, и как только смогла прилично уйти, перешла через улицу к телефону-автомату на переговорном пункте и позвонила вам. Затем вернулась и попыталась успокоить Мирну. Она не убивалась от горя. Их брак шел к разводу. Эд для нее больше ничего не значил. И тем не менее, вся эта история была для нее несомненным потрясением, поэтому я хотела ее успокоить.

— Продолжайте, прошу вас.

— Итак, доктор запер дверь коттеджа, сказав, что он «запечатывает место», сам прошел вместе с нами в наш коттедж, где учинил нам форменный допрос, затем отправился вызывать коронера. Думаю, коронер появился через час с небольшим, сопровождаемый помощником окружного прокурора и представителем офиса шерифа. Они придиристо допрашивали доктора, делая упор на наркотики. Доктор вручил им ключ от коттеджа. Помощник шерифа отпер его, первым вошел внутрь и обнаружил: Эд, по всей вероятности, пришел в себя, вылез через окно и уехал.

Мейсон тихонечко присвистнул.

— Вы правы, — кивнула головой Сара Энзел, — офицеры пришли в негодование из-за такого финала. Мне показалось, у доктора Рено и прежде были какие-то неприятности с полицией. На этот раз они буквально вышли из себя.

— Что говорил доктор Рено?

— Доктор старался спасти честь мундира. Он твердил, что Эд действительно был мертв, он это твердо знает. Даже намекнул, мол, это мы куда-то девали тело, чтобы нельзя было произвести вскрытие. Во всяком случае, он без конца повторял, что опасаемся вскрытия.

Женщина замолчала, но Мейсон ее поторопил:

— Продолжайте. Мне надо знать все до конца.

— Как вы понимаете, доктор Рено упрямо твердил, что тело куда-то перевезли, но наконец помощник шерифа, ко-

торый расспрашивал обитателей соседних коттеджей, нашел человека, который видел собственными глазами, как Эд вылез из окна своего домика, сел в машину и уехал.

— Черт побери! — воскликнул Мейсон.

— Вы правы. Очевидно, ему стало гораздо лучше. Свидетель сказал: одет он был в пижаму и выскользнул наружу из заднего окна. Сразу же за коттеджем стояла какая-то машина. Эд нажал на стартер и укатил. Видимо, он угнал чужую машину, потому что его собственная осталась на месте.

— Уехал в одной пижаме?

— Так сказал свидетель. Естественно, это его сильно заинтриговало, но потом он подумал, что Эд надумал избежать рейда полиции или же неожиданного появления разгневанной супруги...

— Он находился достаточно близко, чтобы разглядеть человека, — спросил Мейсон, — сможет опознать его по фотографии?

— Нет. Он был в сотне футов в стороне. Просто видел фигуру мужчины, но он уверен: мужчина был одет в пижаму серого цвета с красными горошинками. А у Эда на самом деле такая пижама. После этого мы попытались вас снова вызвать по телефону, но вы уже успели уехать из Лос-Анджелеса, и мы не представляли, как вас разыскать. Мы оставили для вас послание в аэропорту Сан-Франциско в случае, если вы остановитесь там, но вы, очевидно, его не получили. Так что мы ждали, пока не догадались, что вы можете быть в Парадайзе, и не позвонили туда.

— Обождите минуточку, — прервал ее Мейсон, — скажите мне еще кое-что. Были ли у Эда с собой деньги?

— О да, я к этому иду. В карманах его одежды обнаружено ровно сорок пять долларов. Он заплатил за коттедж пятидесятидолларовой бумажкой, сильно потертой. Эд, как я уже говорила, очень много пил. Его часто приходилось доставлять домой чужим людям. По этой причине он всегда имел при себе пятидесятидолларовую бумажку, которую прятал под кожаной стелькой на каблук правого ботинка, чтобы любой человек, который доставит его по назначению после очередной пьянки, получил вознаграждение. Теперь в его карманах не было даже цента, только эти сорок пять долларов — сдача, которую он получил, уплатив за коттедж.

— Но почему он вылез из окна? — поинтересовался Мейсон. — И как он мог это сделать, если был так сильно болен, как уверяет врач?

— Откровенно говоря, мистер Мейсон, я думаю, вряд ли врач намерен рассказать, что действительно произошло. Вы же знаете, когда человек умирает, доктор иной раз вводит сильнодействующее возбуждающее средство прямо в сердце. Я предполагаю, доктор Рено проделал нечто подобное с Эдом, а потом не стал дожидаться достаточно времени, чтобы проверить, подействовал укол или нет. Ему слишком уж нетерпелось допросить нас с Мирной. Эд наверняка сказал ему что-то такое, связывающее болезнь с Мирной.

Конечно, доктор вообразил, что мы спрятали тело Эда и каким-то образом избавились от него, а через окно могла вылезти Мирна, переодевшись в пижаму мужа, попав в дом опять-таки через это заднее окно. Лично я считаю, когда врач определил, что сердце Эда остановилось, он ввел в него большую дозу адреналина, после чего вышел из коттеджа. Эд пришел в себя, адреналин придал ему силы подойти к двери и попытаться выйти наружу. Когда он обнаружил, что она заперта, он запаниковал, вылез из окна, сел в первую попавшуюся ему на глаза машину и уехал.

Нелепо думать, что такое хрупкое создание, как Мирна, в состоянии вытащить тело грузного мужчины. Да и потом, с какой стати нам бояться вскрытия? Он же заболел задолго до того, как мы приехали сюда.

— Где его личные вещи? — спросил Мейсон. — Одежда? Багаж?

— Все в офисе шерифа. Помощник шерифа продолжал проводить официальное расследование, когда мы уехали. У него был ключ от коттеджа, сам коттедж заперт. Мы поехали во Фресно и позвонили вам оттуда. Вы велели нам лететь в Сан-Франциско, что мы и сделали. До этого мы сказали помощнику шерифа, куда он может отправить вещи Эда, когда они больше не понадобятся.

— Как вы думаете, где находится Эд Дейвенпорт?

Женщина пожала плечами в полном недоумении:

— Как я понимаю, он не может далеко уехать в пижаме на чужой машине, без денег, без водительских прав.

— Напившись, алкоголики способны на самые невероятные поступки, — сказала миссис Энзел задумчиво. —

Мирна рассказывала, как ей несколько раз казалось, будто Эд помешался, когда у него заканчивался запой.

— Его где-то должны задержать, — настаивал Мейсон.

— Конечно. Офис шерифа направил соответствующее предписание патрульной службе. Они должны искать мужчину в пижаме за рулем машины. Он представляет несомненную опасность на дороге.

— Доктор допускает, что он может умереть или...

— Доктор не сомневается в его смерти! — твердо произнесла миссис Энзел.

— Эд Дейвенпорт сделал какое-то сообщение или заявление доктору Рено, которые пробудили у него недоверие к Мирне?

— Очевидно, да. Доктор расспрашивал Мирну про конфеты.

— Какие конфеты?

— Ну, Мирна рассказала мне про запои у Эда. Вообще-то он не любитель конфет, но обнаружил, что когда у него наступает жажда спиртного, съев большое количество конфет, ему иногда удается преодолеть эту тягу. Как я поняла, прежде чем ехать во Фресно, он почувствовал приближение запоя и принялся уничтожать конфеты. У него в портфеле всегда имелся запас.

— Какие именно конфеты?

— Шоколадные с ликерной начинкой, пьяные вишни и другие сорта. Мирна тоже говорит, съев несколько штук, он переставал иной раз думать о рюмке. Но уж если он срывался, то пил до полного оупения.

После некоторого раздумья Мейсон сказал:

— Ол-райт, я хочу вам кое-что предложить. Я вижу несколько свободных мест в передней части самолета. Мы с мисс Стрит пересядем туда. Когда же прибудем в Лос-Анджелес, я хочу, чтобы вы с миссис Дейвенпорт вышли из самолета прежде нас и взяли такси до самого вашего дома.

— Зачем? Можно же ехать сначала на лимузине, а уже потом пересесть на такси.

— Я не хочу, чтобы вы ехали тем же путем, что и лимузин. Я хочу, чтобы вы взяли такси.

— Почему?

— Мне надо проверить, будет ли за вами слежка.

— Но с какой стати за нами может быть слежка?

— Вас могли выследить в Сан-Франциско. Может быть, шериф во Фресно решил присматривать за вами.

— Чего ради? Какое им до нас дело? Это же абсурд! В конце концов, если Эд Дейвенпорт участвовал в попойке, а какая-то красотка подсыпала ему снотворного, чтобы спокойно обработать, не отвечать же Мирне?

— Могут существовать иные точки зрения, — предупредил Мейсон. — Из вашего рассказа я понял, у этого человека очень слабое здоровье. По словам доктора Рено, он должен был находиться в шоковом состоянии, настолько тяжелом, что врач поверил в его смерть. Давайте допустим, Эд Дейвенпорт отправился на машине, облаченный в одну пижаму. Он мог совершенно спокойно потерять сознание и умереть, мог совершить наезд или сам стать жертвой аварии. Если он получит даже незначительные увечья, они тоже могут оказаться для него смертельными.

— И все же, я не понимаю, каким образом можно возложить ответственность на нас за его побег из окна. Обычная ошибка врача. Эд находился в шоковом состоянии, либо у него была полная потеря сил, уж не знаю, а этот болван врач ввел ему в сердце адреналин или какой-то другой стимулятор. Это же динамит. Такое делается только с умершими, когда нет никакой надежды. Последняя рискованная игра, вызванная отчаянием. И вы думаете, этот глупец посчитал необходимым удостовериться в правильности своих выводов до того, как уйти из помещения?

Мейсон промолчал, ожидая продолжения.

— Конечно, в результате мы заварили настоящую кашу. Вы в Парадайзе считали Эда покойником. Представляете, что бы произошло, если бы он поехал в Парадайз и застал там вас роющим в его бумагах? Такой безумец, как он, мог бы сделать бог знает что! Мы с Мирной страшно переживали, что у вас будут неприятности из-за нас.

— Вы имели на то все основания, у меня действительно неприятности.

— Какие?

— Вообще-то ничего особенно серьезного. Я расскажу вам об этом, когда мы прилетим в аэропорт Лос-Анджелеса. Пока же перестаньте волноваться и постарайтесь успокоить миссис Дейвенпорт.

— Ох, она уже пришла в себя. Но мы, мистер Мейсон, должны что-то для нее сделать. Я не сомневаюсь, что Эд

Дейвенпорт распоряжался ее деньгами так же безрассудно, как своими собственными. Она совершенно не думает о финансовых вопросах, ей лишь бы выращивать цветы и...

— Какая часть наследства Делано была передана ей? — спросил Мейсон.

— Она получила какую-то часть, около ста тысяч долларов, но деньги продолжают поступать. Кроме того, Эд ухитрился получить кредит на огромную сумму по обязательству, которое подписали они оба. Он уверил ее, что это простая формальность, но мне бы такой ерунды он не посмел сказать. Я родилась на свет божий не вчера и смыслю в житейских делах!

— Должен согласиться, — поддакнул Мейсон, — но все же расслабьтесь и отдохните до того, как мы долетим до места. Там вы возьмете такси и поедете домой, и если не будет никаких новостей, жду вас у себя в офисе сегодня в два тридцать.

Мейсон поднялся, похлопал Деллу Стрит по плечу и провел ее к двум свободным местам в первом ряду кресел.

— Ну? — спросила Делла, устроившись возле окна и дождавшись, когда адвокат застегнет ремни в кресле рядом. — Выяснили, что там у них произошло?

— По большей части.

— Ну и что вы думаете?

— В известной степени это зависит от того, что Полу Дрейку удалось выяснить об отеле в Сан-Бернардино, а в еще большей степени от того, что случится, когда мы прилетим в Лос-Анджелес.

— Вы считаете, за ними следили в Сан-Франциско?

Мейсон даже не сомневался в этом.

— Человек, читавший газету, интересовался ими?

— По моему мнению, на нем было крупными буквами написано, что он сыщик. Однако, дорогая, мы можем еще немного вздремнуть до того, как прилетим.

Мейсон нажал кнопку, спинка кресла откинулась, и адвокат принял удобную позу.

— Теперь я не усну! — пожаловалась Делла.

— Ну и что станешь делать?

— Думать о происшедшем.

Мейсон сонно пробормотал:

— Подожди еще полтора часа, тогда у тебя будет гораздо больше оснований для размышлений.

Глава 5

Самолет плавно опустился, затем заскользил по бетонной дорожке к аэропорту.

Мейсон и Делла Стрит наблюдали, как Сара Энзел и Мирна Дейвенпорт прошли через здание вокзала и сели в такси. Машина промчалась по подъездной дороге и влилась в общий поток машин.

Служебная машина с высокой антенной сзади выбралась из ряда припаркованных автомобилей и поспешила следом за такси.

— Ну, этим все сказано.

— Полиция? — спросила Делла.

Мейсону даже не пришлось отвечать.

— Чего они ждут, почему не производят ареста? — спросила Делла Стрит.

— Стараются составить план действий.

— А мы?

— Сейчас возьмем два такси.

— Два? Разве не дешевле до города ехать в одной машине?

— Конечно, но на двух мы сможем запутать наших шпииков.

— Может, мне попробовать определить, не следят ли за мной?

— Нет, конечно. Ты наивное создание. Сядешь, откинувшись на подушки. У тебя был бесконечно долгий, утомительный день, ты едешь домой, примешь ванну и спишь несколько часов, пока не почувствуешь желания отправиться в контору или пока я не позвоню.

— А тем временем чем будете вы заниматься?

— Приму ванну, побреюсь, переоденусь и подожду, что случится.

— Вы считаете, что-то непременно случится?

— Я бы не очень удивился.

— А именно?

— К примеру, может быть, мне придется отправиться в «Пасифик Пэлисайдс мотор корт» в Сан-Бернардино.

— Зачем?

— Человек в домике номер тринадцать, возможно, кое-что знает про Эда Дейвенпорта.

— Ох! — воскликнула Делла, затем, немного подумав, добавила: — Предположим, он знает. И тогда?

— Я мог бы с ним потолковать, мне самому хотелось бы определить план действий.

— Так вы не сумеете хотя бы немного поспать?

— Нет, если поеду туда. По крайней мере, мне надо дожидаться, пока Пол Дрейк не сообщит, что домик занят.

— Почему не взять меня с собой?

Мейсон настаивал на своем:

— Вам, молодая леди, надлежит немного отдохнуть с закрытыми глазами. Отныне и далее игра может оказаться и напряженной, и резкой.

— А вдруг объяснение окажется очень простым? Эд Дейвенпорт отправился на попойку и...

— Действительно, нельзя исключать и такое объяснение, — согласился адвокат, — но надо учитывать осложняющие факторы... Вот и такси, Делла. Садись. У тебя достаточно денег?

— Должно хватить.

— О'кей. Увидимся позже.

Мейсон помахал рукой и стоял с рассеянным видом, зевая и поглядывая на отовес огней над городом.

Еще одна машина с антенной сзади выскользнула из ряда других машин на стоянке и последовала за такси Деллы Стрит. Мейсон сел в другое такси, с большим трудом преодолев желание оглянуться, чтобы удостовериться, следует ли за ним полицейская машина.

Адвокат расплатился с шофером перед своим домом, вошел в квартиру и первым делом принял душ. Затем, загнувшись в махровый халат, позвонил в Детективное агентство Дрейка.

Ночной дежурный взял трубку.

— Это Перри Мейсон, — представился адвокат. — Полагаю, Пол Дрейк пребывает в объятиях Морфея?

— Он был здесь почти до двух часов ночи, — пояснил дежурный, — и предупредил, если вы позвоните, чтобы мы передали вам рапорт по работе в Сан-Бернардино.

— Выкладывайте, дружище.

— Номер тринадцать, — сказал дежурный, — согласно данным, с которыми смог ознакомиться наш оперативник, был забронирован по телефону из Фресно вечером в воскресенье человеком, который назвался Фрэнком Л. Стэн-

тоном. Собирался приехать под вечер в понедельник, ему нужен домик, и специально просил его не запирасть, чтобы ему не разыскивать менеджера для получения ключа. Он может приехать даже в два или три часа ночи уже во вторник, домик же ему нужен на двое суток. Поинтересовался стоимостью, ему сообщили — шесть долларов в сутки. Он ответил, что сейчас же идет на телеграф и пошлет двенадцать долларов за двое суток.

— И послал? — спросил Мейсон.

— Да.

— Что известно о Стэнтоне?

— Оперативник звонил полчаса назад, вплоть до этого момента Стэнтон еще не показывался, но есть кое-какие новости, которые могут вас заинтересовать.

— Что именно?

— Параллельно с нами этим делом занимается еще одно детективное агентство.

— Наблюдают за Стэнтоном?

— Очевидно.

— Кто такие?

— Пока мы не вполне уверены, но предполагаем, Джейсон Бекемейер, частный детектив из Бейкерсфилда.

— Как вы определили?

— По номеру его машины. Именно он дал нашим оперативникам путеводную ниточку, потом я позвонил и попросил сообщить описание внешности Бекемейера, все совпало с внешностью водителя. Пятьдесят два года, вес — сто семьдесят фунтов. Невысокого роста, коренастый толстяк с бочкообразной грудью.

— Есть какие-нибудь соображения о его интересах?

— Очевидно, старается выяснить, кто придет в номер тринадцать.

— Это человек, за которым он наблюдает?

— Полной уверенности нет, но наши люди такого мнения. Все остальные домики заняты.

— Пусть все остаются на местах, — сказал Мейсон. — Также приставьте одного оперативника следить за Бекемейером. Возможно, рано или поздно он отправится звонить по телефону. Я бы очень хотел выяснить номер телефона, по которому он рапортует. Наверное, он воспользуется автоматом, так что вашему оперативнику удастся что-то сделать в этом отношении.

— Узнавать телефонные номера страшно трудно, но мы постараемся.

— Постарайтесь... У меня есть кое-что еще. Я работаю по делу, по которому проходит человек по имени Эд Дейвенпорт. Предполагалось, он умер вчера в небольшом городке Крэмптоне. Единственная неувязка в этой теории заключается в том, что труп вылез из окошка и уехал прочь на машине. Крайне важно выяснить, где он был и чем занимался накануне вечером и ночью перед своей «кончиной». Не исключено, он был во Фресно. Полиция тоже будет наводить справки, но на них рассчитывать нельзя. Они, разумеется, станут разыскивать по регистрационным книгам мистера Эдварда Дейвенпорта. Скорее всего, они ничего не найдут, потому что вряд ли он использует свое настоящее имя. Мотель в Сан-Бернардино, как мне кажется, подсказывает нам его псевдоним, Фрэнк Л. Стэнтон. Таким образом, мы, возможно, немного опередим полицию. Поручите своим корреспондентам во Фресно начать поиски следов Фрэнка Стэнтона. Бросьте на эту работу десяток людей, если требуется. Мне срочно нужны результаты, и я хочу, чтобы при этом была соблюдена полнейшая секретность. Это возможно?

— Возможно, — ответил дежурный. — Во Фресно у нас работают знающие ребята.

— О'кей! — воскликнул Мейсон. — Я буду у себя в конторе примерно в десять часов. Но если случится что-то важное, звоните мне домой.

Мейсон побрился, выпил горячего молока, вытянулся на диване с утренней газетой в руках, прикрылся пледом, почитал минут десять — пятнадцать, потом заснул. Разбудил его резкий и настойчивый телефонный звонок. Поскольку номер частного телефона, не фигурирующий ни в одном справочнике, был известен только Делле Стрит и Полу Дрейку, Мейсон нетерпеливо схватил трубку:

— Алло?

Голос Пола Дрейка звучал напряженно:

— Обычно ты меня будишь среди ночи, Перри. Сегодня моя очередь.

— Выкладывай, Пол. Надеюсь, что-то серьезное?

— Да, если ты представляешь Мирну Дейвенпорт. Мой ночной дежурный сказал, что ты работаешь по ее делу.

— Да, а что?

— Мирну Дейвенпорт арестовали и в данный момент допрашивают по обвинению в убийстве.

— Чем убийстве?

— Речь идет сразу о двух убийствах: Эда Дейвенпорта, ее мужа, и Гортензии Пакстон, ее двоюродной сестры.

— Как это?

— Тайный приказ об эксгумации ее тела был отдан позавчера. Тело Гортензии Пакстон извлечено из могилы. Она была племянницей Уильяма Делано и умерла незадолго до его смерти. И...

— Да, да, — прервал Мейсон, — мне это известно. Продолжай!

— В ее теле обнаружили достаточно мышьяка, чтобы убить лошадь. Нет ни малейшего сомнения, она умерла от отравления, хотя доктор подписал другое заключение.

— Что в отношении миссис Дейвенпорт?

— Ее забрали для допроса по поводу убийства мисс Пакстон, а также по распоряжению из Фресно по поводу убийства ее мужа.

— Нашли его тело?

— Мужа?

— Да.

— Еще нет, но, кажется, они обнаружили новые улики. Сначала они предполагали ошибку доктора. Трясли его беспощадно, но он не отступал и теперь, похоже, сумел убедить полицию, что этого человека убили.

— Потом труп вылез из окна и удрал в машине, — продолжил Мейсон. — Поразительно активный труп, как я считаю.

— Ну, мне не известны все подробности. Я сообщаю только то, что знаю наверняка.

— Где находится миссис Дейвенпорт?

— Ее задержала местная полиция, но, возможно, переведут во Фресно для допроса там.

— Выяснил ли ты что-нибудь о последнем вечере во Фресно, где Эд Дейвенпорт останавливался, может быть, под именем Стэнтон?

— Пока нет, Перри, но мы работаем в этом направлении. Теперь еще одна проблема. Дело касается непосредственно тебя. Ты можешь сильно погореть.

— Выкладывай.

— Как ты знаешь, главный офис горнорудного предприятия Дейвенпорта находится в Парадайзе. Полиция позвонила шерифу округа Бьютт в Оровилл. Разумеется, шериф отправился в Парадайз провести расследование. Он узнал, что вчера вечером ты там побывал, очевидно, для того, чтобы установить надзор за делами вдовы. В конторе находился конверт, оставленный Дейвенпортом, который следовало вскрыть в случае его смерти. Конверт вскрыт в офисе шерифа, в нем нашли шесть совершенно чистых листков. Они передали конверт на экспертизу, там установили: он вскрывался над паром в течение последних двадцати четырех часов и заклеен заново канцелярским клеем. Ты можешь понять, что это значит. Я подумал, мне следует тебя разбудить и предупредить, чтобы ты успел подготовиться к ответу на весьма неприятные вопросы.

— Когда?

— Как только они тебя разыщут. Они считают, ты обнаружил обвинения клиентки в убийстве в послании Дейвенпорта, поэтому уничтожил оригинал, заменив его чистыми листочками бумаги.

— Миссис Дейвенпорт формально арестована?

— Да.

— А Сара Энзел?

— Против нее не выдвинуто никаких обвинений. Делла Стрит просила передать, что миссис Энзел жаждет тебя видеть. Но Делла держит ее на почтительном расстоянии...

— Делла? — удивился Мейсон. — Разве она в конторе?

— Пришла в обычный час, свежая и жизнерадостная. Ровно в девять контора была открыта.

— Дьявол! — воскликнул адвокат. — Я же велел ей выспаться. Который сейчас час?

— Десять часов. Делла считает, что тебе необходимо отдохнуть, поэтому она открыла контору и сама разобралась в бумагах, чтобы тревожить только в случае острой необходимости.

— Она обо всем знает?

— Нет, — ответил Дрейк. — Я решил сначала позвонить тебе. Как только мы закончим разговор, я ее предупрежу.

— Передай ей, я буду в конторе через двадцать — двадцать пять минут.

— При условии, если власти не задержат тебя по дороге для допроса, — усмехнулся Пол Дрейк.

— Я приеду через двадцать — двадцать пять минут, — ровным тоном повторил адвокат и повесил трубку.

Он поспешно оделся, вышел из дома через черный ход и быстро пошел к своей конторе. На секунду задержался возле входа в агентство Дрейка, потом решил сначала по-видаться с Деллой и зашагал дальше по коридору. Отворив собственным ключом дверь кабинета, он вошел в комнату.

Делла Стрит увидела его и прижала палец к губам, чтобы он молчал. Она торопливо закрыла двери в юридическую библиотеку и примыкающую к ней комнату, затем понизила голос и сообщила:

— Шеф, вы без нужды подвергаете себя опасности.

— То есть как это?

— Поймете, когда услышите историю Сары Энзел.

— А она-то тут при чем?

— Она в ярости, ее не мешало бы связать.

— Почему?

— Она внезапно узнала, что Мирна Дейвенпорт вовсе не милое, слабенькое создание, каким она ее считала.

— Как она узнала?

— Она хочет рассказать вам. Шеф, на самом деле вы вовсе не обязаны представлять миссис Дейвенпорт в данном деле. В деле об убийстве. Вы договорились, что будете ее защитником в деле об имуществе...

— Нет!

— Нет? — переспросила Делла.

— Нет. Когда я беру клиента, я остаюсь с ним.

— Это я знаю, но подождите хотя бы до разговора с миссис Энзел.

— А ты с ней говорила?

— Конечно.

— Как все выглядит?

— Скверно.

— Ол-райт, допустим, Мирна виновна. Все равно она имеет право на беспристрастное представительство. На свои конституционные права. И что свидетели, выступающие против нее, будут объективно допрошены... Но почему-то внутренний голос подсказывает мне, что дело вовсе не такое беспросветное, как кажется. А я редко ошибаюсь, Делла.

— Этого не может быть, шеф... к сожалению. Вы хотите поговорить с Сарой Энзел?

— Впусти ее сюда... Кстати, почему ты не поспала?

— Хотела быть на месте, чтобы вы имели возможность немного отдохнуть. После денча я смогу вздремнуть. Ну а если вы не откажетесь от этого дела, то у вас хлюпот и волнений будет выше головы. Было уже несколько междугородных звонков. В том числе звонил окружной прокурор из Бьютта.

— Интересно, чего он хочет? — спросил Мейсон и улыбнулся.

— Да, — не приняла шутки Делла, — интересно...

— Ладно, займемся всем по очереди, — сказал Мейсон. — В данный момент я на важном совещании. Меня нельзя отвлекать никакими звонками. Я буду свободен через тридцать минут. А теперь посмотрим, что нам скажет миссис Энзел.

Делла Стрит кивнула, взяла телефонную трубку и сказала Герти, дежурившей у коммутатора:

— Мистер Мейсон пришел, Герти. Передай миссис Энзел, я сейчас выйду, чтобы проводить ее в кабинет.

Делла Стрит сходила за Сарой Энзел, которая оставила всякие попытки производить впечатление благовоспитанной особы. Лицо у нее было усталым и осунувшимся, под глазами образовались мешки. Она подкрасилась, но в большой спешке. Можно было не сомневаться, она совершенно не спала.

— Мистер Мейсон, — заговорила миссис Энзел, быстро пересекая комнату и в буквальном смысле слова вцепляясь в его руку. — Вы должны что-то сделать. Нам необходимо выпутаться из скандала. Какой кошмар!

— Садитесь, — спокойно сказал Мейсон, — и успокойтесь. Расскажите мне, что случилось.

— Все случилось!

— Вот и расскажите об этом.

— Я никогда себе не прощу. Не прощу за то, что оказалась такой дурой. Я позволила этой маленькой интриганке обвести себя вокруг пальца... а потом и вас втянула. Мне казалось, я хорошо разбираюсь в человеческой природе. За то сравнительно короткое время, как мы знакомы, эта особа стала мне почти дочерью. Она казалась такой беспомощной, такой беззащитной, совершенно неспособной постоять за себя. И подумать только, что произошло!

— Продолжайте. Расскажите подробно. Понимаете, у нас, возможно, очень мало времени.

— Но эта женщина — настоящая Лукреция Борджиа!¹ Распутница, отравительница, убийца!

— *Пожалуйста*, изложите факты, — слегка повысил голос адвокат, изучающе разглядывая Сару Энзел.

— Ну, начать с того, что коронер эксгумировал тело Гортензии Пакстон и установил факт ее отравления. Это сделала Мирна Дейвеннорт.

— Когда вы все это узнали?

— Все началось, когда мы приехали домой. Под дверь было подsunуто извещение о телеграмме. Мирна позвонила на телеграф. Похоже, ее послал кто-то из друзей, чтобы она позвонила немедленно, в любое время дня и ночи.

— Дальше?

— Мирна позвонила, человек сообщил ей про эксгумацию тела и о взятии желудка и других органов на анализ.

— Что потом?

— Поверьте мне, мистер Мейсон, за всю свою жизнь я не была так сильно потрясена. Мирна стояла тихая и скромная, как всегда, и неожиданно сказала: «Тетя Сара, прежде чем ~~лечь~~ спать, я хочу немного поработать в саду».

Мейсон с изумлением приподнял брови.

— Вообще-то она обожает свой сад. Это ее единственное развлечение. Но подождите, пока не услышите, что эта особа делала!

— Да-да, слушаю внимательно.

— Я была совершенно разбита, — продолжала миссис Энзел. — Я уже не молода и не так сильна и вынослива, как когда-то, чтобы совершать утомительные поездки в ночное время. Мне не терпелось добраться до постели, но все же я решила сначала принять горячий душ. Соответственно, поднялась к себе наверх. Надо объяснить, моя комната находится на третьем этаже и выходит окнами во двор позади дома. Ну и как вы думаете, что я увидела? Чем занималась Мирна?

— Что она делала? — нетерпеливо спросил Мейсон.

---

¹ Борджиа Лукреция (1480—1519), дочь Родриго Борджиа (папы Александра VI); Борджиа, знатный род испанского происхождения, игравший значительную роль в политической жизни Италии в XV—XVI вв., из-за применявшихся его членами средств достижения власти эта фамилия стала символом вероломства, авантюризма, распущенности.

— Совершенно спокойно копала яму, очень глубокую. Она вовсе не занималась цветами. У нее в руках была лопата, она копала.

— Дальше?

— Как раз в тот момент, когда я за ней наблюдала, она принесла какие-то пакетики в бумажной упаковке, бросила их в яму, после чего стала ее засыпать землей. Забросав полностью, Мирна аккуратно положила сверху снятый слой дерна. Все это у нее получилось ровно и незаметно.

— Затем?

— Все это время я стояла у окна и наблюдала за ней. Я не из тех людей, которые любят совать нос в чужие дела, но не лишена естественного любопытства, присущего всем нормальным людям.

— Что же вы сделали?

— Спустилась вниз и поймала эту лицемерку до того, как она успела избавиться от лопаты.

— Дальше?

— Я спросила ее, чем она занималась. И что услышала! Когда она, мол, нервничает, то всегда выходит в сад и занимается цветами, сейчас она окапывала некоторые растения, рыхлила землю, прибитую поливкой, теперь совершенно расслабилась, может вернуться в дом, лечь спать и проспать двадцать часов, не просыпаясь.

— Что вы сказали?

— Попросила показать, где она копала, но она ответила, мол, это не важно, кроме того, мне давно пора спать.

— Дальше?

— Я настаивала, хотела видеть, где она копала. Как будто мне интересно знать, как она это делает.

— И что же?

— Она мне всегда казалась скромной и застенчивой женщиной, совершенно безвольной, которая привыкла безропотно подчиняться всем и каждому, но видели бы вы ее в тот момент! Она была упорна, как каменная стена. На меня не смотрела, не соглашаясь с просьбами. Упрямо повторяла своим тихим голосом, что это сущие пустяки, я расстроена и нервничаю, утомлена нашим ночным путешествием, мне следует немедленно лечь в постель.

— И потом?

— Я спросила ее напрямик, почему она врет. Спросила, для чего она выкопала эту яму. А она, нагло глядя мне в глаза, все отрицала.

— Что вы сделали?

— Я выхватила у нее из рук лопату и пошла напрямиком на лужайку к тому месту, где она только что копала.

— Далее?

— Только тогда она пожелала признаться, но я не заметила, чтобы ей было стыдно, она даже не повысила голоса, когда сказала: «Тетя Сара, не делайте этого». А когда я поинтересовалась почему, она пояснила: «Я очень аккуратно положила дерн на прежнее место, никто не заметит яму. Если вы разворошите мою работу, сразу станет ясно, что здесь что-то зарыто».

— Затем?

— Затем я спросила ее о пакетиках. И как вы думаете, что она мне ответила?

— Что?

— Маленькие пакетики с мышьяком и цианистым калием. Как вам это нравится?

— Продолжайте!

— У этой нахалки хватило наглости убеждать меня в том, что они нужны в экспериментах с различными опрыскиваниями против вредителей и сорняков, у нее имелись кое-какие «активные ингредиенты», как она их назвала, которые являются весьма ядовитыми. Мышьяк она покупала, а цианистый калий достала в лаборатории мужа: он применяется при горнодобывающих операциях, уж не скажу для чего. Цель ее экспериментов: найти наиболее эффективные средства борьбы с паразитами на различных цветках, но теперь она боится, что ее коллекция ядов может быть неверно истолкована, в особенности если кто-то начнет осматривать дом, помня об отравлении Гортензии Пакстон. Вот почему она посчитала необходимым избавиться от этих веществ.

— Ну и как же вы поступили?

— Знаете, мне кажется, я должна проконсультироваться у психиатра — я ей поверила. Она не повышала голос и была такой милой и скромной, такой спокойной, что убедила меня. Я даже испытывала к ней жалость, сочувствовала и совершенно искренне удивилась: откуда у нее взялись силы, чтобы столкнуться с такими переживаниями и не впасть в

истерику. Я обняла ее за плечи, мы вернулись домой. Я поднялась к себе, легла в постель и уже засыпала, когда раздались громкие удары в дверь, домоправительница поднялась сообщить: явился офицер, который желает нас немедленно видеть по делу величайшей важности.

— Что именно было «делом величайшей важности»?

— Похоже, в лаборатории коронера нашли мышьяк в организме Гортензии, окружной прокурор пожелал расспросить Мирну.

— Дальше?

— Они увезли Мирну в офис окружного прокурора.

— А вы?

— Со мной-то все нормально. Спросили, как давно я здесь живу, потом задали еще несколько вопросов, на этом для меня все кончилось. А Мирну увезли.

— Как она это восприняла?

— Точно так же, как все остальное, — ответила Сара. — Казалась безобидной мышкой. Тихим голосом сказала, что с радостью поехала бы в офис окружного прокурора, но ей необходимо немного отдохнуть, она не спала всю ночь из-за болезни мужа.

— Дальше?

— Это все, что мне известно. Они ее увезли. Но позже я начала видеть случившееся в несколько ином свете, сопоставила факты, и мне на ум пришли конфеты, которые находились в портфеле у Эда Дейвенпорта. Знаете, мистер Мейсон, она каждый раз, когда он уезжал, сама укладывала его вещи. Якобы он совершенно беспомощный, не знает, как сложить рубашки и все такое.

— В этом нет ничего особенного. Большинство женщин делают это для своих мужей.

— Это так, но, значит, она укладывала и конфеты, поэтому я стала всюду смотреть после того, как она ушла. Понимаете, заглядывала всюду и...

— Что вы искали? — спросил Мейсон.

— Просто то, что могло бы помочь.

— Вы пошли в ее комнату?

— Ну да.

— И что же вы обнаружили?

— В ее бюро я нашла коробку шоколадных конфет, подобную той, которую Эд Дейвенпорт возил с собой в портфеле, когда разъезжал по делам. Так называемые «пьяные

вишни», наверное, вам они знакомы. Она сама сладкоежка. Припоминаю, пару раз такие же коробки лежали на столе в гостиной, и Мирна настойчиво угощала ими меня. Я съела всего две штучки, потому что слежу за своей фигурой. Однако вы понимаете важность всего этого. Боже всемогущий, возможно, она собиралась отравить и меня? Легко допустить, в коробке с конфетами, которые она предлагала мне, несколько штук было отравлено. Очевидно, судьба указала мне, какие конфеты следует взять! Помнится, она настаивала, чтобы я взяла еще. Я не взяла, все время, знаете ли, приходится думать о своей фигуре, но вы понимаете, какие мысли, по всей вероятности, крутились у нее на уме! Мне сразу показалось, будто она неоправданно настойчива. Теперь, оглядываясь назад, я ясно вижу, что маленькая мерзавка все время меня дурачила. Сейчас на ум приходит масса мелочей, которые в то время казались тривиальными, но теперь они все выстраиваются в стройную систему. Она убийца, отравительница, настоящая Лукреция Борджиа!

Несколько секунд Мейсон обдумывал услышанное, затем сказал:

— Разрешите задать вам несколько вопросов. Насколько я понял, вы, две женщины, находились вместе все время в Крэмптоне. Вы...

— Нет-нет, это неверно. Она была наедине с Эдом, когда я принимала душ. Затем, вскоре после того, как доктор сообщил о смерти Эда и запер коттедж, я уходила звонить вам. Видела, как она разговаривает с каким-то мужчиной, когда я уже возвращалась к коттеджу. В то время я не обратила на это внимания, решила, что кто-то из других постояльцев выражал ей сочувствие. Но теперь-то я понимаю, это мог быть ее соучастник. Возможно, он проник в коттедж через окно, а там надел на себя пижаму. Потом вытащил тело Эда через то же окно и увез его на своей машине. дождался момента, когда появились свидетели, снова вылез из окна, сел в машину, где уже находилось тело Эда, как я сказала, и уехал вместе с ним.

— Похоже, ваши чувства неожиданно резко изменились, — заметил Мейсон.

— Должна сказать, что вы правы. Тут нет ничего удивительного. С моих глаз упала пелена, я все увидела в истинном свете, мистер Мейсон.

— Большое спасибо за ваше предупреждение.

— Что вы собираетесь делать? — нетерпеливо спросила Сара Энзел.

— Пока еще не знаю.

— Зато я знаю, что мне делать. Я намерена восстановить свою репутацию, смыть с себя позорное пятно.

— Понятно, — протянул Мейсон. — Полагаю, вы отправитесь в полицию.

— В полицию я по собственной инициативе не пойду, но, разумеется, не стану молчать, когда они явятся ко мне.

— Ну и что же вы собираетесь им сообщить обо мне? — спросил Мейсон.

— Вы имеете в виду свою поездку в Парадайз, чтобы раздобыть то письмо? — Она сурово посмотрела адвокату в глаза и твердо произнесла: — Я намерена сказать правду.

— Именно такого ответа я от вас и ожидал, — сухо произнес Мейсон.

— Я бы не сказала, что в вашем лице я встретила единомышленника! Вы не хотите мне помочь.

— Я адвокат, а не флюгер и помогаю своим подзащитным, независимо от того, откуда дует ветер, миссис Энзел.

— Как я понимаю, вы по-прежнему собираетесь представлять эту женщину, не считаясь с тем, в какие неприятности попали из-за нее, в каком оказались положении, после всей той лжи, которую она вам наговорила, после...

— Безусловно, я намерен ее представлять. Даже если она и виновна, то я добьюсь, чтобы ее вина была доказана неопровержимыми фактами, с которыми считается закон, который не принимает во внимание домыслы чересчур впечатлительных людей.

Сара Энзел гневно вспыхнула:

— Такой глупости я от вас...

Она вскочила с кресла, с минуту яростно смотрела на Мейсона, потом произнесла:

— Мне следовало предвидеть, что я напрасно теряю время. — С этими словами она повернулась и зашагала к выходу, распахнула дверь, оглянулась и добавила: — И я еще пыталась вам помочь!

Через минуту Мейсон заметил Делле:

— Вот как может получиться, когда адвокат принимает на веру очевидное.

— Что вы имеете в виду?

— Заявление клиента адвокату является конфиденциальной информацией, — пояснил Мейсон. — При разговоре может присутствовать клерк адвоката или секретарь, информация от этого не утрачивает своей секретности, достоверности. Это предусмотрено законом. Но когда при беседе присутствует третье лицо, сообщение клиента теряет свою конфиденциальность.

— Но, шеф, эта особа явилась вместе с ней, говорила вместо нее, всюду за ней ездила...

— Да, конечно, — согласился адвокат, — тогда миссис Энзел считала, что в ее интересах быть заодно с миссис Дейвенпорт. Я был обязан настоять на том, чтобы наш разговор проходил без этой «любящей тетушки».

— Но если так получилось, что это теперь меняет?

— Разговор о письме не является сведениями, сообщенными доверительно клиентом только его адвокату.

— Вы не можете отказаться отвечать на вопросы?

— Нет, если вопросы будут должным образом сформулированы и их станут задавать люди, имеющие на то право.

— А до того времени?

— До этого я не обязан ни на что отвечать.

— А как в отношении прокурора из округа Бьютт?

— С ним мы непременно поговорим. Передай на коммутатор: теперь я могу подойти к телефону.

Делла Стрит занялась телефоном и через пару минут кивнула Мейсону, который взял трубку и заговорил самым официальным тоном:

— Говорит Перри Мейсон.

Раздавшийся в трубке голос был излишне громким, как будто говоривший хотел таким образом перебороть свою неуверенность.

— Я Джонатан Холдер, мистер Мейсон, окружной прокурор округа Бьютт, и хочу допросить вас и вашего секретаря о визите, который вы нанесли сюда, в Парадайз.

— Вот как? — самым сердечным тоном заговорил Мейсон. — Буду рад познакомиться с вами, мистер Холдер, хотя бы по телефону, но мне непонятно, с чего это вам захотелось «допросить» нас по поводу такого, как я считаю, обыденного дела.

— Ну, оно может оказаться и не таким уж обыденным, — возразил Холдер. — Каким путем мы пойдем: простым, легким или сложным?

— Сложным путем? — удивленно переспросил Мейсон. Холдер без всякой нужды заговорил еще громче:

— Конечно, я имею право представить все дело перед жюри присяжных и...

— Какое дело?

— Дело, которое привело вас сюда, то, чем вы занимались.

— Бог ты мой, коллега, — прервал его Мейсон голосом человека, беседующего с хорошим приятелем, — если по какой-то причине у вас появился официальный интерес к тому, чем мы с мисс Стрит занимались в вашем округе, мы будем только рады ответить на ваши вопросы. Зачем утруждать себя обращением в жюри, прибегать к вызову по повестке или любым другим формальностям...

— Рад слышать это! — прервал его Холдер, тон его голоса стал нормальным. — Очевидно, я вас неверно расценил. Мне сказали, вы очень находчивы и изобретательны, если не желаете быть допрошенным. Если это действительно так, мне придется прибегать к крайним мерам вплоть до ареста.

Мейсон рассмеялся:

— Ну-ну-ну... Репутация человека искажается по мере удаления от него самого, как мираж. Насколько все это важно, мистер Холдер? Когда вы хотите меня видеть?

— Как можно быстрее.

— В данный момент я очень занят, — сказал Мейсон.

И снова в голосе Холдера зазвучали напряженные начальственные нотки:

— Дело очень важное, мистер Мейсон, не только из-за ситуации здесь. Я сотрудничаю с другими офицерами в правоохранительных органах, и мы все согласились...

— Ясно, ясно, понимаю, — снова рассмеялся Мейсон. — Вы связались с кем-то из политических сфер, они стали на вас нажимать, затем, по всей вероятности, кто-то проболтался газетам, и, прежде чем вы успели что-либо подумать, вам уже надо что-то предпринимать. Если вы не вызовете меня для допроса к себе, на вас обрушится лавина критики.

Холдер, голос которого вновь утратил металлическое звучание, сказал:

— Очевидно, вы хороший психолог, мистер Мейсон. Мы здесь живем в сравнительно тесном кругу. Очевидно, вы знакомы с такими нравами.

— Хорошо, — согласился Мейсон. — Я очень занят, но мы с мисс Стрит к вам приедем. Давайте посмотрим. Я сяду на самолет на Сан-Франциско и...

— К сожалению, работа нашей гражданской авиации оставляет желать много лучшего, — прервал Холдер.

— Да, конечно... Нет, знаете, я слишком занят, чтобы ждать рейсовый самолет. Вот как я сделаю, мистер Холдер. Я доберусь до Сан-Франциско или, возможно, до Сакраменто, а оттуда зафрахтую самолет. У вас в Оровилле есть посадочная площадка?

— Да.

— Ол-райт. Я буду на этой площадке — давайте сообразим — да, ровно в пять тридцать.

— Вам вовсе незачем стараться попасть сюда к какому-то назначенному времени, — смягчился Холдер. — Мне нужно с вами поговорить, и, конечно, хотелось бы как можно скорее, но...

— Ничего страшного, вы занятой человек, у вас много неотложных дел. Я тоже занятой человек. Мне тоже многое надо сделать. Поэтому мы и должны договориться совершенно точно о встрече, чтобы вы не были связаны, а я был уверен, что, оказавшись на месте, не буду терять время на ожидание. Вас устраивает пять тридцать?

— Вполне, — сказал Холдер, затем добавил извиняющимся тоном: — Мне очень не хочется беспокоить такого занятого человека, как вы, у которого каждая минута на счету. В конце концов, это, возможно, относительно второстепенный вопрос, то есть, я хочу сказать, у вас наверняка имеется объяснение, но вы правы, на меня оказывают значительное давление и...

— Я все понимаю, — сердечно произнес Мейсон. — Не беспокойтесь, мистер Холдер. Я буду рад вам услужить. Мы с мисс Стрит будем на месте в пять тридцать. Мейсон повесил трубку и подмигнул Делле.

— Шеф, меня удивило, что вы сдались практически без сопротивления.

— Надо быть практичным, Делла.

— Так вы поступили практично? Не понимаю!

— В данный момент наше положение весьма щекотливое. Я хочу оттянуть допрос, насколько это удастся.

— Так.

— А это значит, что я не буду доступен для местной прессы, местной полиции или местного прокурора. Мне требуется какое-то время, чтобы привести в порядок свои мысли, чтобы посеянные семена начали прорастать. Необходимо еще знать, что выяснил Пол Дрейк.

— И тогда вы прямоком попадете в руки окружного прокурора Бьютта, где уже не посмеете отвечать на некоторые вопросы, не накликая беду на свою голову.

— Чем на большее число вопросов я бы ответил прямо сейчас, тем сложнее оказалось бы мое собственное положение, — засмеялся Мейсон. — Перестань думать о практических реальностях, Делла, и вообрази, какая великолепная ситуация открылась тебе.

Прежде всего мы уезжаем без промедления и в большой спешке. У нас нет времени отвечать на вопросы, заданные нам кем бы то ни было. Мы торопимся попасть на самолет, чтобы успеть на свидание с окружным прокурором Бьютта. У нас будет великолепная реклама: всем станет известно, что, как только Холдер пожелал нас допросить, мы все бросили и помчались в его округ, не заставляя его прибегать к последним отчаянным мерам.

Мы договорились о времени нашего приезда, так что вынуждены будем поторопиться. Нас нет в контроле. Мы не обязаны никому сообщать, где мы находимся. Они не смогут назвать это побегом, потому что мы находимся в пути на встречу в Бьютте по просьбе прокурора.

Более того, Делла, поскольку мы установили определенное время приезда, а газеты округа изголодались по новостям, можешь не сомневаться, пресса вместе с фотографами будет нас встречать.

— Я могу усмотреть во всем этом какие-то положительные стороны, — согласилась Делла, — это великолепная отсрочка на пять или шесть часов. Но что случится, когда мы приедем в округ Бьютт?

— На этот вопрос я и сам хотел бы знать ответ, — усмехнулся Мейсон.

— Намерены ли вы отвечать на вопросы, чем мы занимались в этом доме в Парадайзе?

— Боже упаси!

— Ну а как вы рассчитываете избежать ответов?

— Пока еще не представляю, но всему свое время... Потопляйся, Делла, пора выходить. Мне еще надо несколько минут, чтобы просмотреть кое-какие законы, потом мы отправимся в путь. Ты займись билетами, пока я занимаюсь собственной юридической подковкой.

Глава 6

Зафрахтованный в Сакраменто самолет пролетел Мерсвилл, вскоре показались своеобразные горные образования позади Оровилла. Горное плато поднималось почти на тысячу футов над окружающей местностью, плоское, как крышка стола. Доисторические потоки лавы погребли под собой решительно все, затем постепенно в малюсенькие щели стала проникать вода, процесс неизбежной эрозии эти щели увеличивал, в конце концов превратив их в долины. Теперь лава осталась лишь в отдельных местах, защищая своим покровом незатронутую выветриванием почву.

Делла Стрит посмотрела на наручные часы:

— Мы прилетим точка в точку. Причем не так уж и торопиться.

— Самое главное, нас никто не допрашивал, Делла. Полагаю, никто пока еще не ведает, где мы находимся.

— Не выскажет ли пресса в Лос-Анджелесе предположение, что вы сбежали, дабы избежать допроса?

— Ну нет, мы отправились в Оровилл, и местные власти попросят газетчиков написать сообщение и передать его по телефону. Им придется констатировать, хотя мы пока недосыгаемы, наше согласие сотрудничать с администрацией на Севере.

Самолет начал снижаться.

— Очень быстро, — покачала головой Делла Стрит, — а ведь вам необходимо изобрести способ не отвечать на вопросы. Как вы намерены поступить?

— Не знаю, пока не услышу вопроса.

— Хорошо хотя бы, что вы немного поспали в самолете.

— Как ты себя чувствуешь, Делла?

— Хорошо, но слишком нервничаю, чтобы спать.

— Пусть сперва допросят меня. Если же попытаются допрашивать тебя отдельно, скажи: ты мой секретарь, поэтому я должен отвечать на все вопросы, но ты выскажешь

свое мнение на те из них, на которые ответил я, не станешь отвечать на другие вопросы, которые не заданы мне, поскольку не знаешь, не посчитаю ли я их сведениями, которые клиент сообщает одному только адвокату. Ты не специалист в правовых вопросах, не тебе решать.

— Из всего известного нам, что можно считать «привилегированным» сообщением? — спросила Делла.

Мейсон слегка пожал плечами и достал записную книжку. Немного подумав, он пояснил:

— Это, конечно, важный вопрос. Единства в понимании его нет. Одни считают: сведения, сообщенные в присутствии третьего лица, нельзя считать «привилегированными», присутствующее третье лицо имеет право рассказать об услышанном. Но существует и противоположная точка зрения. Естественно, суд предпочитает придерживаться первого взгляда, он считает, что адвоката можно заставить дать показания о его разговоре с подзащитным, если он состоялся в присутствии третьего лица. Короче, Делла, я до сих пор не могу себе простить присутствия Сары Энзел во время беседы с Мирной.

— Но, шеф, вы не могли предвидеть хода событий!

— Почему? Считается, что адвокат обязан предвидеть не только то, что может случиться, но *возможно* случится. Нет ничего не обычного во внезапной ссоре двух друзей, просто нет оснований для присутствия третьего лица, адвокат не должен...

— Но, шеф, ведь говорила-то именно она, из Мирны Дейвенпорт мы бы не вытянули ничего связного.

— Нет, Делла, по-английски она говорит, ей не нужен переводчик. Конечно, Сара Энзел выступала в роли доминанты.

Самолет сделал круг над городом Оровиллом, летел он медленно, можно было разглядеть большие, просторные дома, занимающие стратегические позиции под возвышающимися над ними деревьями.

— Прекрасные деревья! — пришла в восторг Делла Стрит. — Отсюда видно, какие они высокие.

— Летом здесь жарко. Природа в виде компенсации превратила этот уголок в настоящий рай для развесистых деревьев. Фитовые пальмы достигают сказочной высоты и дают густую тень. Ага, вот мы и на месте, Делла. Приготовься к артиллерийскому огню, который должен на нас обрушиться.

Самолет плавно сел, покатился по дорожке и замер перед зданием аэропорта.

К самолету поспешила группа людей, возглавляемая фотокорреспондентами с камерами и вспышками, нацеленными на прибывших. Позади них двигалась более достойно, но все же торопливо группа представителей местной администрации.

Выйдя из самолета, Мейсон и Делла Стрит не позабыли принять наиболее эффектные позы, чтобы фотографы смогли сделать побольше снимков.

Репортеры вынули блокноты и карандаши, готовясь застенографировать интервью.

Один из них вырвался вперед:

— Могу ли я узнать ваше имя?

— Перри Мейсон, — с улыбкой ответил адвокат.

— Ваше полное имя?

— Перри Мейсон.

— А ваше? — спросил он, поворачиваясь к девушке.

— Делла Стрит.

— Вы доверенный секретарь мистера Мейсона?

— Да.

— Благодарю вас, — сказал репортер, пожимая руку адвоката.

— За что? — с улыбкой спросил Мейсон, но тут же слегка сдвинул брови, почувствовав, как репортер сунул ему в руку свернутую в малюсенький комочек бумагу.

Мейсон поспешно сунул правую руку в карман и улыбнулся моложавому, полноватому субъекту, который энергично проталкивался вперед.

— Мистер Холдер? — спросил Мейсон.

— Точно. Я окружной прокурор, а это — шериф округа. Здесь также присутствует один из моих помощников. Я хотел бы сразу же поехать ко мне в офис, если не возражаете, мистер Мейсон.

— Я с удовольствием сделаю все, что в моих возможностях, — наклонил голову адвокат.

— У нас здесь казенная машина, мы отвезем вас в офис и сократим интервью до предела.

— Все в порядке. Мой пилот — специалист по слепым полетам, поэтому мы сможем вернуться назад в любое время, даже ночью.

— Очень сожалею, что мы ввели вас в такие расходы, зафрахтовать самолет не очень-то дешево, мистер Мейсон. Но к сожалению, я бессилен вам помочь. Мы стараемся снизить до минимума расходы на содержание офиса.

— Мне все понятно, — сказал адвокат, — пожалуйста, не думайте о пустяках.

Прокурор Холдер повернулся к газетным репортерам:

— К сожалению, должен вас разочаровать, парии, но я не хочу, чтобы вы торчали здесь и забрасывали мистера Мейсона вопросами. Предпочитаю проводить расследование по-своему. Позднее я сделаю сообщение для прессы. Или репортеров пригласят в кабинет, если у мистера Мейсона не возникнет возражений.

— Я никогда не спорил с прессой, — широко улыбаясь, сказал Мейсон, — обычно делюсь всей имеющейся у меня информацией, за исключением, конечно, конфиденциального или не могущего быть обнародованным по стратегическим соображениям.

— Замечательно, — подхватил Холдер, — и мы, разумеется, ценим ваше сотрудничество, мистер Мейсон. А теперь, возможно, вы и мисс Стрит пройдете сразу к машине? И пожалуйста, ребята, никаких вопросов до окончания беседы в моем кабинете.

— Одну минуточку, возможно, я захватил телеграмму, которую хочу послать, — остановил прокурора Мейсон.

Он вытащил из нагрудного кармана бумажник, раскрыл его, просмотрел содержимое, потом сунул правую руку в карман, вытащил сложенный листок бумаги, который ему передал репортер, и ухитрился расправить его внутри бумажника, чтобы можно было прочитать напечатанное на нем сообщение:

«Я — Пит Ингрэм, репортер из «Оровилл Меркури». Мейбл Нордж, секретарша Эда Дейвенпорта, исчезла. Я не сумел ее разыскать в течение всего дня. Никто не знает, где она находится. Вчера днем она сняла почти все деньги со счета Дейвенпорта в Парадайз-банке. Не спрашивайте меня, каким образом я это узнал, — не могу подвести осведомителя. Передаю вам эту записку, поскольку информация может оказаться для вас ценной. Вы сможете мне отплатить, сообщив сенсационный материал».

Мейсон сложил бумажник, оставив записку внутри, засунул его обратно в карман и посмотрел поверх голов на небольшую группу людей, без труда заметив вопрошающий взгляд Пита Ингрема.

Мейсон едва заметно кивнул.

— Если вы хотите отправить телеграмму, — заговорил Холдер, — мы можем...

— Полагаю, с этим можно подождать. Ведь мы, как я понимаю, не задержимся здесь очень долго.

— Надеюсь на это! — воскликнул Холдер.

Мейсон и Делла Стрит сели в машину, шериф занял переднее место рядом с Холдером, который вел машину. Помощник окружного прокурора, которого звали Оскаром Гленсом, много старше Холдера, сидел тихонечко, ни с кем не разговаривая, на левом заднем сиденье.

Делла Стрит устроилась в середке, Мейсон сел справа.

Машина взревела, набирая скорость, Холдер напрямик промчался к зданию, в котором помещались местные органы управления.

— Если вы не возражаете, — обратился он к Мейсону, — мы проведем беседу в кабинете шерифа.

— Меня устраивает любое место.

Они вышли из машины, и шериф проводил их в помещение, где стулья были заранее расставлены вокруг стола. Мейсон, осмотревшись, почувствовал, что где-то спрятан микрофон и магнитофон.

— Садитесь же, — предложил шериф. — Джон, вы хотите сесть сюда, за стол, и задавать вопросы?

— Благодарю вас, — произнес с важным видом Джона-тан Холдер, устрояваясь во вращающемся кресле за письменным столом.

Остальные тоже расселись. Холдер подождал, когда прекратится скрип стульев, и только после этого задал первый вопрос. Он откашлялся, достал из кармана сложенный документ, расправил его на столе и заговорил:

— Мистер Мейсон, вы и ваша секретарша, мисс Стрит, вчера вечером были в Парадайзе?

— Дайте подумать, — произнес Мейсон, сводя брови. — Разве это было только вчера? Да, кажется, так, господин прокурор. Так много произошло событий, мне даже подумалось, что мы туда ездили позавчера. Нет, вы правы — вчера, двенадцатого числа, в понедельник. Все равно.

— И вы зашли в дом Эдварда Дейвенпорта на Крествью-Драйв?

— Послушайте, мистер Холдер, — дружески улыбаясь, произнес Перри Мейсон. — Вы зачитываете вопросы. Надо понимать, происходит нечто вроде формального допроса?

— Разве от этого что-то меняется? — любезно спросил Холдер.

— О, конечно! — ответил Мейсон. — Если мы с вами просто беседуем — одно дело, но если вы задаете формальные вопросы по списку, который заранее тщательно подготавливали, мне придется так же тщательно обдумывать свои ответы.

— Почему? — спросил Холдер, сразу же заподозрив ловушку. — Разве правда не одинакова в обоих случаях?

— Разумеется, но возьмите, к примеру, свой последний вопрос. Вы спросили меня, зашел ли я в дом Эдварда Дейвенпорта.

— И на него, конечно, можно ответить «да» или «нет», — заявил Холдер, глаза его смотрели настороженно.

— Ну, не совсем так просто.

— Почему?

— Давайте приведем все в полную ясность. Если у нас будет просто беседа — все в порядке. Но если речь идет о формальном допросе, я должен с особым вниманием следить за тем, чтобы мои ответы были тщательно точными.

— Именно этого я хочу и полагаю, вы желаете того же самого.

— Поэтому, — продолжал Мейсон, не обращая внимания на слова Холдера, — я и должен был бы ответить, что вошел в дом, который принадлежит миссис Дейвенпорт.

— Одну минуточку! Это же дом, где Эдвард Дейвенпорт занимался своим бизнесом...

— В том-то и дело! — прервал его Мейсон. — Как раз этот момент я и хочу подчеркнуть.

— Я вас не понимаю.

— Как не понимаете? Если б мы разговаривали неофициально, а вы спросили бы меня, входил ли я в дом Эда Дейвенпорта, то получили бы ответ: «Конечно»! Но коль скоро у нас *формальный* допрос, я обязан задуматься, прежде чем отвечать на ваш вопрос. Мне придется принять во внимание множество вещей. Я должен буду сказать себе: «Теперь я представляю Мирну Дейвенпорт, вдову Эдварда

Дейвенпорта. Если этот дом был их общей собственностью, она фактически становится его законной владелицей в тот момент, когда умирает Дейвенпорт. Если же этот дом был отдельной собственностью, но по завещанию все оставлено Мирне Дейвенпорт, тогда моя клиентка получит на него право немедленно по решению о введении ее в наследство. Таким образом, если я отвечаю на формальном допросе, что входил в дом, принадлежащий Эду Дейвенпорту, это можно было бы рассматривать как признание того, что мне известно его завещание, но я сомневаюсь в законности данного документа. Или же в качестве адвоката миссис Дейвенпорт склонен считать, что дом вообще не является общей собственностью, а принадлежит ей». Вам ясен ход моих рассуждений, коллега?

У Холдера был ошарашенный вид.

— Для чего столько юридических тонкостей?

— А как же прикажете поступать, если вы učinяете мне самый что ни на есть настоящий допрос, когда малейшая неточность в ответе может привести к серьезным осложнениям? — Мейсон совершенно обезоруживающе улыбнулся.

Холдер угрюмо выдал из себя:

— В таком случае я бы предпочел услышать ваш неофициальный ответ.

— Тогда возникает новая проблема. В конце-то концов я адвокат миссис Дейвенпорт. Я до сих пор не знаю, будет ли возбуждено уголовное дело против нее, но такая возможность, насколько я понимаю, существует. Если да, тогда я буду являться уже ее адвокатом, а также адвокатом, представляющим ее интересы при официальном введении в наследство. Очевидно, сюда входит их совместная собственность и, возможно, какая-то раздельная собственность. Существует связь, как мужа и жены, может также иметься связь по завещанию. Не исключено, что, если вы сейчас станете задавать мне вопросы по своему списку, позднее все они будут повторены в суде вместе с моими зафиксированными ответами, при этом некоторые из них смогут подвергнуть опасности интересы моей клиентки. К примеру, я могу столкнуться с вопросом: не убила ли она своего мужа, Эда Дейвенпорта? Как я понимаю, это вполне возможно при данных обстоятельствах, не так ли?

— Не знаю! — фыркнул Холдер. — Я отказываюсь предгадывать, какие действия будут предприняты официальными лицами в других ведомствах.

Мейсон тут же спросил:

— Вы ведь мне по телефону сказали о давлении на вас со стороны властей, не так ли?

— Правильно.

— Предположительно со стороны судебных органов в других округах?

— Да.

— Совершенно очевидно, подобный нажим вызван не проблемой о незаконном или неоправданном проникновении в дом Эдварда в Парадайзе, штат Калифорния. Все дело в том, что кто-то считает Эда Дейвенпорта мертвым, и существует мнение — подчеркиваю, коллега, я сейчас говорю исключительно об уме лица или лиц, оказывающих на вас давление, — о причастности миссис Дейвенпорт к смерти Эдварда Дейвенпорта. Это так?

— Боюсь, не смогу откровенно ответить на ваш вопрос, мистер Мейсон.

— Как я понимаю закон, если человек убивает другого человека, он не может унаследовать имущество покойного. Вы тоже так считаете, прокурор?

— Разумеется.

— Допустим теперь, вы зададите мне вопрос об имуществе Дейвенпорта, точнее, спросите, чем Эд Дейвенпорт владел при жизни и что оставил по завещанию своей жене. При нормальных условиях она бы имела полное право на данную собственность. Предположим далее, в своем ответе я по небрежности сообщу, что в данный момент эта собственность не принадлежит миссис Дейвенпорт. В таком случае кто-то — не вы, коллега, потому что я уверен, вы никогда не согласитесь воспользоваться подобной ошибкой, — какой-то крючкотвор, привыкший цепляться за технические неточности, использует мой ответ в качестве доказательства виновности миссис Дейвенпорт в убийстве мужа и поэтому откажет в праве унаследовать его состояние.

Мейсон откинулся на спинку кресла, улыбнулся озадаченным расследователям и достал портсигар из кармана:

— Кто-то хочет курить?

Никто не смог даже рта открыть.

Мейсон же спокойно извлек сигарету, закурил, выпустил облачко дыма и снова добродушно улыбнулся.

— Одну минуточку, — решил Холдер, — уж не знаю, как это получилось, только вопросы начал задавать я, но, похоже, сам на них и отвечаю.

— Естественно. Я хочу, чтобы был точно определен статус беседы. Теперь я спрашиваю вас, коллега: должен ли я говорить такое, что косвенным путем показывало бы, будто, по моему мнению, моя же клиентка не имеет права наследовать состояние умершего мужа?

— Нет, конечно. Никто этого и не просит.

— Все правильно. Когда вы задаете вопрос о праве собственности, я должен отвечать на него предельно осторожно. Как вы считаете?

— Не мне вам советовать.

— Верно, — согласился Мейсон. — Ценю вашу открытость, коллега. А поскольку вы не можете давать мне советы, я должен сам себе советовать. Кстати, вы подняли очень интересный вопрос. Я не уверен, могу ли при данных обстоятельствах рассуждать о праве собственности. Однако продолжайте свой допрос, а я посмотрю, что можно будет сделать.

Холдер взглянул на свои бумаги, с минуту собираясь с мыслями.

— Пока вы находились в этом доме, — сказал он, — в доме, принадлежащем Эду Дейвенпорту в Парадайзе, не отпирали ли вы письменный стол, не доставали ли из него шкатулку для документов и не извлекали ли из нее конверт, на котором рукой Дейвенпорта написано: «Следует передать властям в случае моей смерти».

Мейсон не торопился отвечать.

— Вы не можете ответить на мой вопрос? — живо спросил Холдер.

— В этом вопросе заключено множество разных факторов. Я мысленно пытаюсь их упорядочить.

— Какие, например?

— Прежде всего, вы снова поднимаете вопрос о владении домом.

— Ну, следует понимать, — сказал Холдер, — когда я называю дом «домом Дейвенпорта», то делаю это в общепринятом смысле, оставив в стороне вопрос о праве собственности.

— Ну нет, — покачал головой Мейсон, — мы договорились: меня не должны связывать условности. Между нами, коллега, возможно, это и нормально, но все может быть иначе между мной и каким-нибудь хладнокровным, расчетливым, безжалостным законником, который будет представлять интересы другого претендента на состояние.

— Какой еще другой наследник?

— Ну, — пожал плечами Мейсон, — пока я еще особенно не разбирался в данном вопросе, но возьмем, к примеру, Сару Энзел. Сестра Сары Энзел была замужем за родным братом Уильяма Делано. Давайте предположим, просто теоретически, что состояние Делано не может перейти к Мирне Дейвенпорт.

— Почему?

— По разным юридическим причинам, таким, как, например, — разумеется, это всего лишь гипотетическое предположение, — что Мирна Дейвенпорт убила Уильяма Делано.

— Она не могла этого сделать, — заявил Холдер. — Ее обвиняют в убийстве Гортензии Пакстон. А Делано не был убит, он умер естественной смертью.

— В таком случае я могу сослаться на ваши слова: мою клиентку не обвинят в убийстве Уильяма Делано? И еще одно уточнение, Уильям Делано не был убит?

— Не мое дело — уверять вас в чем бы то ни было.

— То-то и оно, мы вернулись к тому, с чего начали. Я оказался в весьма необычном положении. Мне очень хочется сотрудничать с вами, но...

— К чему вы клоните? Что Сара Энзел может быть наследницей состояния?

— Давайте рассуждать. Допустим, Мирна Дейвенпорт не в состоянии, вернее сказать, не имеет права наследовать состояние после Делано по завещанию, которое он оставил, потому что ее подозревают и обвиняют в его смерти. В таком случае миссис Энзел останется единственной его наследницей, хотя и не прямой. Так ведь? Откровенно говоря, я не заглядывал в справочник по праву наследования.

— Так же как и я, — признался Холдер.

— Может быть, нам стоит в него заглянуть сейчас?

— Нет, нет! — замахал руками Холдер. — Я и без того запутался во всех этих хитросплетениях. Я задаю ясные,

понятные вопросы и хочу получить на них такие же простые и ясные ответы.

— Был бы рад, чтобы в таком ключе и протекла наша беседа, — сказал со вздохом Мейсон, — но вы превратили ее в формальный допрос, страшно усложнив ситуацию.

— Я стараюсь превратить ее в неформальную.

— Но вы сразу предупредили о формальном допросе.

— Все зависит от того, что вы называете формальным допросом.

— Чтение вопросов с заранее подготовленного перечня.

— Что ж тут особенного, я просто постарался скоординировать мысли.

Мейсон с упреком посмотрел на окружного прокурора:

— И это было единственной причиной для подготовки списка, коллега? Единственной?

Холдер смутился под прямым взглядом адвоката:

— Конечно, я совещался с другими официальными лицами, подсказавшими специфические вопросы, ответы на которые они хотели услышать.

— И, согласившись с необходимостью задать эти вопросы, вы их записали?

— Отчасти.

— Пожалуйста! — рассмеялся Мейсон. — Тот вопрос, который вы мне только что задали, мог быть предложен окружным прокурором лос-анджелесского округа исключительно для того, чтобы выработать теорию дела, которым он сейчас занимается. И он сумеет истолковать мои ответы в наиболее подходящей для него интерпретации.

— Но вашу клиентку никто не обвиняет в убийстве Уильяма Делано, ее дяди! Ее подозревают в убийстве Гортензии Пакстон!

— И приписываемое убийство позволило ей получить большую часть состояния Уильяма Делано?

— Именно так я понимаю ситуацию.

— А тело Уильяма Делано не было эксгумировано?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он умер естественной смертью.

— Откуда вы знаете?

— Человек умирал. Его болезнь продолжалась многие месяцы.

— Умиравший человек имеет иммунитет против яда?

— Вы пытаетесь нас убедить в том, что ваша клиентка отравила и Уильяма Делано?

— Боже упаси, конечно нет! — воскликнул Мейсон. — Я знаю, она этого не делала.

— Откуда вы знаете?

— Я убежден, она вообще никого не отравляла.

— Она отравила Гортензию Пакстон! — повысил голос Холдер. — И она, возможно, отравила также и Эдварда Дейвенпорта.

— Ох, ох, коллега, остановитесь! Разве можно делать такие категорические обвинения?

— Я располагаю информацией, мистер Мейсон, которая подтверждает мои обвинения.

— Информацией, которой нет у меня?

— Вот именно.

— Это, разумеется, снова усложняет ситуацию.

Холдер выкрикнул с возмущением:

— Я задаю вам простые вопросы, а вы ходите вокруг да около.

— Вы ошибаетесь, коллега. Поставьте себя на минуточку на мое место. Стали бы вы отвечать на вопросы, касающиеся права на собственность?

— Я не могу поставить себя на ваше место. Не могу ничего вам советовать. У меня имеются собственные проблемы, о которых я должен беспокоиться.

— Совершенно верно, — охотно согласился Мейсон. — Поэтому, поскольку я не могу положиться или надеяться на ваши советы, поскольку вы боитесь принять на себя ответственность...

— Кто боится? — вскинул голову Холдер.

— Вы, разумеется.

— Я ничего не боюсь! — Лицо у Холдера побагровело. — И я не уверен, что мне нравится ваше поведение.

— Спокойнее, спокойнее, — миролюбиво заговорил Мейсон. — Не станем различие в наших официальных позициях переносить на личные отношения. Я просто подчеркиваю тот факт, что вы в вашем положении побоялись принять на себя ответственность давать мне советы...

— Я не боюсь ответственности.

— В таком случае вы хотите дать мне совет?

— Нет, конечно. Давать вам советы не входит в мои обязанности. Я представляю народ штата Калифорния, этот

округ. Вы же представляете своего клиента. Вам и решать, каковы ваши обязанности.

— Понятно, коллега. Мне кажется, своим ответом вы стараетесь избежать моего вопроса.

— Избежать вопроса? Чтобы я избегал чьих-то вопросов! — взорвался Холдер.

— Вот именно. Вы не хотите ответить определенно, обязан ли я в положении адвоката, представляющего интересы Мирны Дейвенпорт, отвечать на ваши вопросы.

— Я не обязан вообще что-либо вам советовать!

— Ну что же...

Лицо Мейсона неожиданно расплылось в довольной улыбке, как будто он нашел окончательно решение.

— Можете ли вы заверить меня, если я решусь обсудить вопросы о праве на состояние, что мои ответы не свяжут впоследствии мою клиентку?

Поколебавшись, Холдер произнес:

— Но я не представляю, как они могут ее связать?

— Можете ли вы меня совершенно определенно заверить? Возьмете ли на себя ответственность?

— Нет, конечно.

— Вот, пожалуйста! — вздохнул Мейсон.

Адвокат откинулся на спинку кресла, задумчиво разглядывая струйки дыма над сигаретой, всем своим видом показывая, что искренне старается найти выход из тупика.

Холдер посмотрел сначала на шерифа, затем на своего помощника и скомандовал:

— Мистер Мейсон и миссис Стрит, извините нас, пожалуйста, но нам надо провести коротенькое совещание. Буквально несколько минут. Мне нужно потолковать с моими ассистентами. А вы подождите здесь. Оскар и вы, шериф, пройдите вместе со мной в соседний кабинет.

Все трое отодвинули стулья и вышли из помещения.

Делла Стрит повернулась к адвокату.

— Ну, — заговорила она, — кажется, вы...

Мейсон прижал палец к губам, призывая ее к молчанию, обегал глазами всю комнату, после чего сказал:

— Да, я попал в чертовски трудное положение, не так ли, Делла? Мне бы хотелось быть совершенно откровенным с мистером Холдером. Но провалиться мне на этом месте, если я знаю, как это сделать, учитывая ту ответственность, которую я взял на себя в качестве адвоката

перед своей клиенткой. Возьми хотя бы один этот вопрос о праве на состояние, он может оказаться весьма запутанным. А у окружного прокурора список вопросов занимает несколько машинописных листов. Да уже по предварительным вопросам ясно, что совещание окажется долгим и непростым.

Мейсон неестественно громко вздохнул.

— Разумеется, я хочу с ним сотрудничать, — продолжал он задумчиво, — но у нас такая куча неотложных дел. Мы не можем здесь оставаться до бесконечности. Надеюсь, он ускорит дело.

Мейсон подмигнул Делле, которая поняла, зачем шеф устроил этот спектакль:

— Хочешь сигарету, Делла?

— Нет, шеф, благодарю.

Мейсон удобно устроился, покуривая. Через минуту он сказал:

— Надеюсь, они не займут слишком много времени на свое совещание. В конце-то концов, Делла, мы задерживаем тут зафрахтованный самолет, а ведь это дорогое удовольствие. И потом у меня в бюро столько неотложных дел, которые я бросил, чтоб лететь сюда. — Немного помолчав, Мейсон снова подмигнул Делле. — Ол-райт, хватит брюзжать. Делла, откинь голову и постарайся вздремнуть. С твоей стороны было подвигом лететь сюда после вчерашней бессонной ночи.

— Удобно ли это, шеф? Могу ли я закрыть глаза? — самым невинным голосом спросила Делла.

— Конечно, тебя никто не осудит. Если удастся отключиться на несколько минут, это будет уже кое-что.

Приложив палец к губам, Мейсон призвал к молчанию.

— Да, спасибо, — пробормотала Делла с нарочито громким зевком.

Наступил интервал в несколько минут, в течение которых в комнате стояла мертвая тишина. Делла Стрит действительно сидела с закрытыми глазами, положив голову на спинку кресла. Мейсон задумчиво курил, время от времени стряхивая пепел в большую морскую раковину на прокурорском столе.

Наконец дверь соседнего кабинета открылась, трое мужчин поочередно вошли в комнату. За ними шествовал четвертый.

Взглянув на него, Мейсон воскликнул:

— Прекрасно, прекрасно! Сидни Бум. Как поживаете, мистер Бум? Рад видеть вас снова.

Адвокат поднялся, они пожали друг другу руки. Бум улыбнулся:

— Рад вас видеть, мистер Мейсон. Здравствуйте, мисс Стрит.

Делла Стрит протянула руку офицеру:

— Очень приятно с вами снова встретиться.

— Благодарю вас.

Вновь заскрипели стулья. Видимо, Холдер изобрел новую линию атаки. Он обратился с вопросами к Буму:

— Вы офицер из Парадайза?

— Да.

— Работаете здесь, в офисе шерифа?

— Да, сэр.

— Скажите, вас вызывали вчера вечером в резиденцию Эда Дейвенпорта?

— Да, сэр. — И тут же сам задал вопрос: — Вы имеете в виду дом на Крествью-Драйв?

— Не спрашивайте, где он находится. Я задал вопрос.

— Ну, я не уверен, кому принадлежит дом. Хотя да, знаю. Мне сказала та бсоба.

— Какая особа? — спросил Мейсон.

— Секретарь. Мейбл Нордж.

— Одну минуточку, — попросил Мейсон. — Я не могу спокойно выслушивать, как вы доказываете право на собственность.

— Я совершенно ничего не доказываю, — сердито заговорил Холдер. — Я просто хочу ознакомить вас с некоторыми доказательствами, которыми мы располагаем.

— Но вы же отчетливо спросили, кто владеет собственностью, — не сдавался Мейсон, — и мистер Бум ответил, что источником его сведений была мисс Мейбл Нордж. Я предполагаю, Мейбл Нордж не является специалистом в вопросах права на собственность, поэтому любое сообщение, сделанное ею, относится к категории слухов и...

— Конечно, конечно! — замахал руками Холдер. — Мы же не в зале суда и не рассматриваем право на собственность.

— Но вы сами подняли этот вопрос.

— Я просто описываю дом.

— Тогда почему не характеризовать его номером по Крествью-Драйв?

— Ол-райт. Давайте подойдем к этому вопросу иначе. Вас вызвали в дом по Крествью-Драйв. Где он находится?

— Когда вы выезжаете на Крествью-Драйв и добираетесь до конца улицы, это самый последний дом справа: большое, беспорядочно выстроенное здание, окруженное высокими деревьями, фруктовыми и просто дающими тень.

— Вы различаете для себя эти два вида деревьев? — поинтересовался Мейсон.

— Да, — ответил Бум.

— В действительности-то, мистер Бум, некоторые фруктовые деревья тоже дают густую тень. Возьмите, для примера, фиговые пальмы...

— Одну минуточку! — вмешался Холдер, в его голосе звучал гнев. — Я провожу расследование, мистер Мейсон. В данный момент допрашиваю мистера Бума, потому вынужден просить вас соблюдать тишину.

— Независимо от того, будут ли содержаться в утверждении Бума некоторые неточности?

— Независимо от всего! — окончательно обозлился Холдер. — Я прошу вас сидеть тихо.

— Прекрасно. Полагаю, все, находящиеся в этом помещении, слышали, мне предложено соблюдать тишину, независимо от того, будут ли в показаниях Бума неточности или нет. Больше я не стану прерывать. Продолжайте.

— Вы заходили в этот дом? — спросил Холдер.

— Заходил.

— По чьей просьбе?

— Мейбл Нордж.

— Кто она такая?

— Как я понял, личный секретарь Эда Дейвенпорта. Я ее довольно часто видел в Парадайзе.

— Вы были знакомы с Дейвенпортом при жизни?

— Да, я с ним несколько раз разговаривал.

— И вы приехали в этот дом по просьбе Мейбл Нордж?

— Да, она звонила в полицию.

— Что вы обнаружили?

— Обнаружил незапертую дверь, всюду горел свет, а мистер Мейсон и мисс Стрит чувствовали себя как дома.

— Что еще?

— Мейбл Нордж поручила мне отыскать письмо, написанное мистером Дейвенпортом и оставленное у нее, с указанием открыть его в случае его смерти.

— Что вы сделали?

— Я нашел письмо, то есть нашел шкатулку для документов, в которой находился запечатанный конверт. На конверте рукой мистера Дейвенпорта было написано, что письмо нужно вручить полицейскому в случае его смерти.

— Что вы с ним сделали?

— Я забрал его под свою ответственность.

— Этот конверт находится при вас?

— Вы его взяли.

— Вы отдали его мне, не так ли?

— Совершенно верно.

— И он находится у меня, в этом столе. Вы узнаете конверт, если увидите его?

— Конечно.

— Каким образом?

— Потому что я расписался на нем.

— И поставили дату?

— И поставил дату.

— Что вы сделали с ним позднее?

— Отдал его вам.

— У нас состоялся разговор о том, как следует поступить с письмом, не так ли?

— Правильно.

— И я положил его в сейф?

— Вероятно. Вы мне сказали, что положили его в сейф.

— А сегодня утром мы вновь собрались все вместе?

— Правильно.

— И решили, нам лучше посмотреть, что находится в конверте?

— Точно.

— Мы распечатали его?

— Да, сэр.

— В нем ничего не оказалось, кроме нескольких совершенно чистых листков бумаги?

— Верно.

— Тогда мы начали разглядывать конверт и решили, что с ним кое-что сделано?

— Верно.

— Тогда мы вызвали эксперта по подобным делам, и он сообщил нам: конверт был вскрыт над паром, а затем вновь заклеен канцелярским клеем, причем на протяжении последних суток.

— Правильно.

— Ол-райт, — сказал Холдер, поворачиваясь к Мейсону: — Что вы можете сказать по этому поводу?

— Я бы сказал, что вы задавали вопросы слишком быстро, а Бум отвечал на них без малейшего колебания.

— Нет, нет, я не это имел в виду... Что вы можете сказать относительно точности данного заявления?

— Великий боже! Вы поражаете меня... Вы же сами просили меня не открывать рот, даже когда его заявления неточные.

— Я просто не хотел, чтобы вы его прерывали.

— Нет, вы соизволили выразиться совсем не так, тут нет никакого сомнения, — покачал головой Мейсон. — Обождите минуточку, мистер Бум, и не надо сердиться. Полагаю, вам кажется, что ваши заявления точны и правильны, но я с вами не могу согласиться.

— Почему они неверны? — спросил Холдер.

— По многим пунктам. Например, мистер Бум сказал: Дейвенпорт написал своей рукой на конверте, что в случае его смерти письмо нужно вручить полицейским.

— Верно.

Мейсон решительно повернулся к Буму:

— Вы встречались с Дейвенпортом раньше?

— Встречался.

— Вы не знали, что он умер?

— Я этого не знаю даже сейчас. Мне сказали о его смерти.

— Вот теперь, — заметил с улыбкой Мейсон, — по моему мнению, вы отвечаете на вопросы так, как следует, мистер Бум. Вы ограничиваете свои заявления известным вам лично. Вы сказали, письмо надписано рукой мистера Дейвенпорта, но ведь в действительности вы этого не знаете, верно?

— Мне сказала Мейбл Нордж, что это его почерк.

— Знаю, знаю, — кивнул Мейсон, — это слухи. Фактически вы не знаете, что конверт надписывал Дейвенпорт.

— Вы правы, не знаю.

— Постойте, — вмешался Холдер, — я пригласил сюда мистера Бума не для того, чтобы вы учинили ему перекрестный допрос.

Мейсон впервые рассердился:

— Что вы пытаетесь сделать со мной? Хотите загнать в такое положение, чтобы позднее цитировать мои ответы в искаженном виде?

Холдер резко вскочил с места и выкрикнул:

— На что вы намекаете?

Мейсон холодно ответил:

— Я вовсе не намекаю. Я спрашиваю. Сначала вы меня попросили, чтобы я молчал, даже если утверждения Бума неточны. Потом вы предложили мне указать, в чем их неточность. Я начал задавать Буму вопросы для того, чтобы продемонстрировать с помощью собственных заявлений Бума, где его ответы расходятся с истиной, а вы вскочили с места и обвинили меня в том, что я не имею права подвергать Бума перекрестному допросу.

— Вы действительно не имеете такого права.

— Это не перекрестный допрос.

— А мне кажется, да.

— Я всего лишь стараюсь выполнить ваше желание: показать неточность заявлений мистера Бума.

— Именно это я и называю перекрестным допросом. Укажите место, где сделано неверное заявление. Могу поспорить, вам не удастся это сделать!

— Ну что вы, таких мест было очень много, — возразил Мейсон.

— Укажите хотя бы одно.

— Например, вы пару раз сказали: конверт имел надпись, сделанную рукой Дейвенпорта, что в случае его смерти письмо должно быть вручено полицейским.

— Я уже объяснил, что знаю о почерке лишь со слов Мейбл Нордж, — уточнил Бум.

— Значит, вы не знаете, чей это почерк на самом деле?

— Не знаю, нет.

— Далее. Откуда вам известно о надписи на конверте, будто письмо должно быть вручено полицейским?

— Я видел эту надпись, — завопил Бум, — видел собственными глазами.

— Одну минуточку, не разрешайте гневу взять верх над собой, мистер Бум. Вы хороший, дисциплинированный офицер. Вы вовсе не это имеете в виду.

— Я отвечаю за каждое сказанное мной слово.

— На конверте было написано не это, — сказал Мейсон.

— Это суть надписи. И я хорошо помню, какие слова Мейбл Нордж говорила мне по этому поводу.

— Совершенно верно, — сказал Мейсон. — Теперь, если окружной прокурор любезно покажет вам конверт, мистер Бум, вы обнаружите на конверте другое. Вы прочтете: «Следует вскрыть в случае моей смерти, а содержимое должно быть доставлено властям», а под этим стоит, видимо, подпись Эда Дейвенпорта.

— Разве это не то же самое? — спросил Холдер.

— Разумеется, нет! — воскликнул Мейсон. — В одном случае инструкция предписывала, чтобы письмо доставили властям нераспечатанным, но инструкция, фактически написанная на конверте, поручает его юридическим представителям, при условии, разумеется, что слова были написаны самим мистером Дейвенпортом, сначала вскрыть конверт и только потом доставить его содержимое властям.

В офисе воцарилась гробовая тишина.

— Таким образом, вы видите, — продолжал Мейсон, улыбаясь Буму, — Мейбл Нордж описала вам другой конверт. Таким образом, заменены вовсе не страницы ~~внутри~~ конверта, но, очевидно, весь конверт. Конверт, который описала вам Мейбл Нордж, не смогли найти. Конверт, представленный ею, совершенно не тот, о котором она говорила, ибо он по-другому написан.

— Минуточку! — закричал Холдер. — Но это же чистейший вздор. Вы просто пытаетесь внести неразбериху.

Мейсон сердито свел брови:

— Сэр, я рассматриваю ваши слова как оскорбление. Я всего лишь пытаюсь внести ясность в спорный вопрос. Я предлагаю вам проанализировать сказанное мной и найти того, кто старается «внести неразбериху», как вы изволили выразиться. Я прибыл сюда, готовый сотрудничать с вами и помочь, чем смогу. А ведь я мог бы послать вас ко всем чертям. Мог предложить оформить повестку с вызовом на допрос. А может, потребовал бы вызвать меня на жюри присяжных, где я имел бы возможность настаивать на юридической точности ваших вопросов.

Вместо этого я зафрахтовал самолет, запер контору на целый день, когда у меня по горло срочной работы. Я объяснил вам совершенно откровенно свою позицию, попросил вас поставить себя на мое место и посоветовать мне, как я должен поступить.

Вы не осмелились предложить иной путь действий, а теперь обвиняете меня во вставлении палок в колеса. Вношу неразбериху в суть дела. Мне это не нравится. Черт возьми, сэр, я отказываюсь с вами сотрудничать. Мне больше нечего вам заявить.

— Вам придется дать еще очень много показаний! — заорал Холдер. — Вы находитесь в моем округе. И не сможете покинуть его без моего разрешения.

— Что вы имеете в виду, делая такое заявление?

— Я могу вручить вам повестку с вызовом в суд. Я могу... могу вас арестовать!

— За что?

— За то, что вы сообщник... нет, пособник преступления!

— Какого преступления?

— Убийства.

— Чьего убийства?

— Эда Дейвенпорта.

— Так кто же я: сообщник или пособник убийства?

— Не знаю. Впрочем, нет, знаю. Пособник.

— Каковы элементы убийства? — холодно спросил Мейсон.

— Вы их знаете не хуже меня.

— В таком случае вам лучше их доказать, — усмехнулся Мейсон. — Одним из первых элементов является мертвое тело, труп.

— Мы пока еще не нашли его, но непременно найдем.

— Черта с два найдете! Почему вы не проснетесь?

— Проснусь от чего или для чего?

— Проснетесь для того, чтобы рассмотреть вероятность того, что Эд Дейвенпорт вылез из окна и убежал со своей смазливой секретаршей, Мейбл Нордж. Где сейчас находится мисс Нордж? Найдите ее. Приведите ее сюда. Она обвинила меня в подмене содержимого конверта. Так пусть она все это скажет мне в лицо.

— Я... Мы до сих пор не смогли разыскать мисс Нордж. Пока не смогли.

— Ваше «пока» будет очень долгим! — рассмеялся Мейсон.

— Она была страшно расстроена случившимся.

— Я адвокат, — сердито сказал Мейсон. — И не намерен сидеть здесь и выслушивать обвинения Мейбл Нордж, будто я совершил какое-то преступление. Я требую немедленной встречи с Мейбл Нордж, пусть она лично повторит свои обвинения, а я допрошу ее касательно их.

— Я допрашиваю вас... То есть пытаюсь допросить.

— Вы предъявили мне обвинения, подсказанные вам мистером Бумом и Мейбл Нордж, и в то же время отказываетесь представить мне моих обвинителей.

— Мистер Бум здесь.

— Его обвинения основаны на слухах, он говорит с чужих слов.

— Далеко не все, мистер Мейсон!

— Все до единого! — повысил голос Мейсон и повернулся к Буму: — Как объяснила вам Мейбл Нордж причину своего появления в столь поздний час в этом доме?

— Сказала, что проезжала мимо.

— Вы прекрасно знаете, это не может быть правдой. Ей просто некуда было «проезжать мимо».

— Она могла сделать круг по подъездной дороге и выехать снова на шоссе.

— Несомненно, — подтвердил Мейсон. — Но люди так просто не «проезжают мимо». Возле дома тупик, конец дороги. Она не говорила, что заехала в дом, чтобы проверить, все ли в порядке. А заявила, что «случайно проезжала мимо», а позднее, когда я стал расспрашивать ее более настойчиво, призналась, что запуталась в словах, не так ли?

— Ну, я как-то прослушал. Возможно, конечно, но я не уверен...

— И она ничего не сказала вам о своем присутствии в доме раньше вечером?

— Ну, она работает там. Я полагаю...

— О ее приезде туда минут за тридцать до нашего прибытия?

— За тридцать минут до того, как вы приехали? Она тогда там побывала? — спросил Бум.

— Она об этом вам не упомянула?

— Нет.

— Не сообщила, что открыла письменный стол, извлекла из него шкатулку, в которой находился конверт, и заменила его другим?

— Нет, конечно нет. Вы же там были. Присутствовали при разговоре.

— Она уехала вместе с вами. По дороге она не сидела с закрытым ртом... Так она вам об этом не сказала?

— Нет.

— И не сообщила вам, как после полудня ходила в банк и сняла практически все до последнего цента со счета Эда Дейвенпорта с помощью чека, который он предварительно ей выписал, очевидно, именно на данный случай?

Бум совершенно растерялся:

— Она ничего мне про это не говорила! Я выяснил позднее в банке...

— Вот вам, пожалуйста, — сказал Холдеру сердитым тоном Мейсон. — Почему вы не можете разыскать людей в своем собственном округе? Почему не разберетесь самостоятельно в этой истории, не обращаясь к окружному прокурору во Фресно или в Лос-Анджелесе, которые уверяют вас в свершившемся убийстве, как будто вы какой-то молокосос, нуждающийся в их указке?

Почему не принимаете энергичных мер по горячим следам вместо вызова очень занятого человека из Лос-Анджелеса для того, чтобы он ответил на беспочвенные обвинения легкомысленной особы, которая тем временем ухитрилась сбежать?

Холдер оторопело спросил у Мейсона:

— Черт возьми, каким образом вы узнали про деньги, снятые со счета в банке, про исчезновение Мейбл Нордж?

— А что? Или мне не полагалось об этом знать?

— Об этом никто не знает. Этот секрет тщательно оберегался. Я распорядился в офисе вообще молчать об этом.

— Бог ты мой! — воскликнул Мейсон. — А я-то считал это очевидным с самого начала, весьма тривиальная история.

— Так вы считаете, в данном случае никакого убийства не произошло?

— А кто, черт возьми, вообще говорит об убийстве?

— Врач уверяет: человек был мертв.

— А свидетель уверяет: покойник вылез из окна.

Холдер закусил губу.

— Давайте-ка внесем ясность, — холодно заговорил Мейсон. — Вы пытались от меня скрыть информацию?

— Я ее не афишировал.

— Вы старались, чтобы я не узнал о Мейбл Нордж?

— Ну, если желаете, да.

— Мое мнение таково: поскольку я в течение некоторого времени прилагал все усилия, чтобы найти с вами общий язык и быть полезным, то теперь я имею полное моральное право официально заявить: мне больше нечего сообщить. Я отвечал настолько свободно и откровенно, насколько мог. Подарил вам почти целый час!

— Меньше часа.

— Вполне достаточно для того, чтобы вы могли тщательно разобраться в ситуации. Теперь я отправлюсь назад к себе в контору.

— Вы не можете покинуть пределы округа, пока я не дам вам разрешения.

— Попробуйте меня задержать!

— У меня десятки способов сделать это!

— Ох, не советую даже и пытаться... Краснеть за такую глупость пришлось бы вам одному, и как краснеть!

Перри Мейсон кивнул Делле Стрит и вышел из кабинета, оставив в комнате группу озадаченных людей, которые принялись о чем-то жарко спорить.

Когда Мейсон вышел из здания, его окружили репортеры.

— Ну? — посыпались вопросы. — Что произошло?

Мейсон закрыл за собой дверь, усмехнулся и сказал:

— Как я понимаю, ребята, теперь окружной прокурор намерен опубликовать заявление, в котором будут сообщены все новости. Если вы отправитесь к нему и зададите вопросы, полагаю, он с радостью ответит на них, а я в данных обстоятельствах предпочитаю, чтобы это сделал он.

Мейсон почувствовал на себе взгляд репортера из «Оровилл Меркури» и подмигнул ему. Остальные репортеры распахнули двери и толпой устремились во внутренний офис.

Пит Ингрэм подошел к Мейсону.

— Все в порядке? — спросил он.

— Довезите-ка нас побыстрее до аэропорта, — попросил адвокат. — Поговорим по дороге.

— Сюда, — предложил Ингрэм.

Они поспешили к машине репортера, припаркованной у обочины.

— Постарайтесь действовать без задержки, ладно?

— Что случилось? — спросил Ингрэм, включая мотор.

— Это была примечательная беседа, можете мне поверить. Вы имеете о ней хотя бы малейшее представление?

— Практически единственное — нам точно известна ее продолжительность по времени. Мы слышали гул голосов, похоже, к концу они звучали гневно. Видимо, беседа началась в дружеском тоне, к концу же появились кислые ноты.

— Интервью записано на магнитную ленту. Почему бы не настоять на том, чтобы...

— Безнадежно. Наш окружной прокурор очень высокого мнения о себе, он тут единоличный хозяин. Даже не сознается о наличии записи.

— Разрешите мне вести машину, — попросил Мейсон. — Задавайте вопросы, можете, если угодно, делать записи, я буду отвечать, потому что мы взлетим в ту же самую минуту, когда окажемся на аэродроме.

Репортер остановил машину, обегал вокруг нее и занял место рядом с Мейсоном, который скользнул за руль.

— Ол-райт, — сказал Мейсон, — спрашивайте.

— Что случилось? — спросил Ингрэм.

— Прежде всего окружной прокурор заявил о формальном допросе, поэтому он и проводился здесь. Каждый раз, когда он задавал вопрос, например относящийся к дому в Парадайзе, я выставлял возражения, ссылаясь на право собственности.

— Расшифруйте, пожалуйста.

Мейсон охотно дал необходимые пояснения и подробно отчитался о встрече с Холдером.

В аэропорту Перри Мейсон и Делла Стрит выскочили из машины и поспешили туда, где летчик слушал радио.

— О'кей, — крикнул Мейсон летчику, — давайте займемся последними известиями по радио уже в воздухе.

— Сейчас вылетаем, — ответил пилот. — Скажите, вы слышали новости, которые только что передавали?

— О чем именно?

— Вы интересуетесь этим делом во Фресно? Так они нашли тело.

— Чье тело?

— Дейвенпорта, которого убила жена.

— Где находилось тело?

— Было зарыто в неглубокой могиле в двух или трех милях от Крэмптона. Во всяком случае предполагают, что это тело Дейвенпорта. Одет в пижаму с красными точечками или какими-то фигурками. Оно обнаружено несколько минут назад. Могилу продолжают раскапывать.

Мейсон посмотрел на Ингрема, тот подмигнул в ответ.

Адвокат снова обратился к пилоту:

— Живее готовьте машину к отлету, выводите ее на летное поле. Пусть моторы прогреются на взлетной полосе, чтобы взлететь без задержки. Кто бы ни пытался вас остановить, взлетайте. Пошли. Получите лишнюю сотню, если вам удастся беспрепятственно отсюда улететь.

Они поднялись в самолет, пилот запустил мотор, а через несколько секунд медленно двинулся к дальнему краю поля, где описал круг, повернул самолет носом к взлетной полосе и стал прогревать моторы.

Наклонившись вперед, Мейсон крикнул:

— Скоро взлетим?

— Теперь уже через несколько секунд.

— Сюда заворачивает машина, я хочу, чтобы мы оказались в воздухе до того, как она подъедет. Больше никаких задержек.

— Не беспокойтесь, она непременно остановится, чтобы...

— Она не остановится!

— Я тоже, — засмеялся летчик, показывая белые зубы.

Самолет побежал вперед по бетону. Машина круто повернулась, так что свет фар пересек взлетную полосу. Кроваво-красный свет прожектора, установленного на ее крыше, казался неестественно ярким, сирена выла на самой высокой ноте.

Пилот ухмыльнулся, колеса самолета плавно оторвались от земли.

— Эти моторы производят такой немыслимый шум, — сказал он, — что в момент взлета ровным счетом ничего не слышно. На какое-то мгновение мне даже послышался вой сирены... Что за чертовщина!

— Лично я ничего не слышал, — сказал ему Мейсон.

— Назад в Сакраменто? — спросил летчик.

— Не в Сакраменто, а во Фресно. И если вы сможете сделать там посадку таким образом, что никому об этом не будет известно, это меня вполне устроит.

— Вы не хотите лететь в Сакраменто?

— Минуйте Сакраменто на максимальной высоте, понятно?

Глава 7

Самолет приблизился к освещенному пространству, которое обозначало границы Фресно.

— Вы сможете лететь дальше до Лос-Анджелеса? — спросил Мейсон.

— Конечно. Нужно будет только заправиться.

— Приземлитесь во Фресно так, будто это вынужденная остановка из-за бензина. Вы доставите мисс Стрит в Лос-Анджелес.

— А вы?

— Я останусь здесь.

— О'кей, как вам удобно.

— Когда окажетесь в Лос-Анджелесе, — продолжал Мейсон, — я бы попросил вас не говорить слишком много с газетчиками. Если вам удастся приземлиться таким образом, чтобы избежать интервью, я буду вам очень признателен. Мисс Стрит расплатится с вами чеком перед самой посадкой. Договорились?

— Конечно.

Мейсон обратился к Делле Стрит:

— Я буду поддерживать с тобой связь, Делла. Постарайся хорошенько выспаться по дороге.

— Как быть с Полом?

— Я позвоню ему отсюда.

Девушка схватила адвоката за руку, он успокаивающе похлопал ее по плечу:

— Будь умницей.

— Когда вы вернетесь?

— Вероятно, завтра утром. Здесь я должен кое-что сделать.

— Большая работа?

— Не знаю.

— Пристегните ремни, — предупредил пилот, — мы пошли на посадку.

Он описал большой круг и приземлился в аэропорту. Как только машина, пробежав положенное расстояние по бетону, замерла, адвокат вылез, торопливо прошел в административное здание, нырнул в будку телефона-автомата, облокотился правой рукой на столик, чтобы его лицо не видели проходящие, и заказал разговор с Полом Дрейком.

Через несколько минут в трубке раздался голос детектива.

— Что делаешь во Фресно? — был его первый вопрос.

— Надо же мне все взвесить, прежде чем начать действовать.

— Они тебя сцапали?

— Кто?

— Тамошняя администрация.

— Нет.

— Тебя разыскивают.

— На каком основании?

— Власти считают, что ты сбежал, обведя их вокруг пальца.

— Вот как?

— Все из-за письма, которое Дейвенпорт оставил с просьбой вскрыть после его смерти.

— Ну и что?

— Считают, ты забрал письмо, заменив его шестью совершенно чистыми листочками.

— Ну и как я теперь выгляжу?

— Здешний окружной прокурор без колебаний отнес тебя к пособникам преступления.

— Давай дальше, — попросил Мейсон. — Что еще? Где миссис Дейвенпорт?

— Очевидно, во Фресно.

— Как я понял, труп нашли?

— Точно.

— Точно установили личность?

— Точно. Тело закопано в неглубокую могилу. Есть любопытные подробности, Перри: могила вырыта заранее, за двое или трое суток. Так сказать, ждала наготове.

— Ты уверен?

— Железно.

— Откуда знаешь?

— Возле могилы играли ребяташки, превратив ее в крепость. Вот почему и труп так легко обнаружен. Ребятиш-

ки пожаловались, что кто-то забросал землей их форт. Описали подробно родителям, какой у них был чудесный форт, форму, размеры, все такое. Отец одного из мальчишек пошел посмотреть, в чем дело. Он заподозрил неладное. Земля не была утрамбована. Он взяв лопату, выкопал яму глубиной в пару футов и наткнулся на ногу трупа. После этого, понятно, он побежал в полицию, и они извлекли тело Эда Дейвенпорта.

— Как давно он умер?

— Вчера. Очевидно, доктор Рено оказался прав, тамошние власти униженно просят у него прощения.

— Что в отношении того человека, который видел, как труп вылезал из окна?

— Полиция придерживается мнения, что сообщник-мужчина погрузил сначала труп в машину, а потом зачем-то вошел снова в дом и уже вылез через окно. Я в этом не очень-то разобрался.

— Одевшись в пижаму?

— Они считают, что это был камуфляж на случай, если его кто-то заметит.

— Что еще?

— Ты совершенно правильно догадался в отношении вымышленного имени. Полагаю, тут мы опередили полицию. Мистер Фрэнк Л. Стэнтон был зарегистрирован в «Велчбург-мотеле» во Фресно. Скорее всего, действительно Дейвенпорт. Описание его внешности совпадает, и он даже сообщил настоящий номер своего автомобиля. Но он там не пил. У него был поздний визитер, совещание продолжилось далеко за полночь. Разговаривали они очень громко, одна из пар в соседнем коттедже даже жаловалась.

— Мужчина или женщина?

— Кто жаловался?

— Нет, кто был у Дейвенпорта?

— Мужчина. Но нам об этом мало известно. Мы как бы между прочим порасспрашивали миссис Велчбург, чтобы не встревожить ее. Побоялись, как бы она не отправилась в полицию, если мы станем задавать слишком много вопросов. А тебе это могло не понравиться!

— Можешь не сомневаться.

— О'кей, Ферри. Я еще не все выложил. Должен рассказать о милой твоему сердцу Саре Энзел, которая осаждала твою контору. Герти, когда дежурила на коммутаторе,

подсказала ей, что она может передать через меня решительно все, поскольку я, возможно, свяжусь с тобой.

— Чего она хочет? — спросил Мейсон.

— Сейчас она полна раскаяния, она изменила свои мысли и чувства полностью. Сокрушается, что действовала импульсивно, когда утратила веру в миссис Дейвенпорт. Тогда она очень устала и позволила необоснованным подозрениям взять верх над благоразумием. Теперь жалеет, почему не отрезала себе болтливый язык.

— Но до этого «просветления» она успела все выболтать полиции? — спросил Мейсон.

— Совершенно определенно, положила не только факты, но и свои досужие домыслы. Полиция отнеслась к ней недостаточно почтительно, и это привело ее в ярость. Она начала хладнокровно рассуждать и поняла, что осудила Мирну, основываясь на косвенных доказательствах, даже не соизволив выслушать ее. Теперь, как я уже сказал, она сокрушается и проливает слезы. Она желает сообщить, что ты можешь на нее целиком положиться. Надеется через тебя передать доброе слово Мирне.

— Как трогательно!

— Выбалтывает все, что знает, и воображает, а затем вспоминает о всепрощении... Или, возможно, надеется раздобыть новый камень, чтобы в подходящий момент швырнуть его в Мирну или в тебя.

— Ты думаешь, ее подослала полиция? — спросил Мейсон.

— Не исключено, — задумчиво ответил Дрейк, — но если это игра, то она превосходная актриса. Она же по-настоящему рыдает! И просит, чтобы ты вызвал ее. Или позвонил ей, как только я с тобой свяжусь. Оставила номер телефона. Он тебе нужен?

— Нет! — решительно ответил адвокат. — Не верю в бескорыстие и искренность этой особы. Я закажу с ней отсюда междугородный разговор, а через пять минут она сообщит об этом полиции, и у меня на хвосте повиснут все полицейские этого округа.

— Я подумал то же самое. Что ты собираешься делать теперь?

— Отправляюсь в «Велчбург-мотель», сниму комнату и попытаюсь выудить информацию из миссис Велчбург.

— Зарегистрируешься под чужим именем?

— Нет. Это было бы расценено как бегство. Зарегистрируюсь под своим. Если повезет, у меня будет от двадцати минут до получаса до того, как меня схватит полиция... Давно была выкопана могила, Пол?

— Самое малое три дня назад. Ребята играли в ней в течение трех дней до того, как ее закидали землей.

— Скверно... Окружной прокурор использует этот факт как доказательство преднамеренности.

— Он уже заявил об этом в интервью для прессы. Сказал, это одно из самых трусливых и хладнокровных предумышленных убийств, с которыми он когда-либо имел дело.

— О'кей, Пол. Увидимся.

Мейсон оставался в телефонной будке до тех пор, пока не убедился в отсутствии за ним наблюдения, затем выскользнул, сел в такси и поехал в «Велчбург-мотель».

Женщина, сидевшая за письменным столом в офисе, являла собой тип почтенной матроны лет пятидесяти, с добрым, улыбчивым ртом, но внимательными, зоркими глазами.

— Хэлло, — поздоровался Мейсон. — Я здесь без багажа. Не думал оставаться. Единственное, что у меня есть, — так это деньги.

— А это единственное, что нам требуется, — ответила миссис Велчбург. — У нас остались два свободных номера. Выбирайте любой за пять долларов.

Мейсон отдал ей деньги и одновременно протянул одну из своих визитных карточек.

— Я адвокат, — объяснил он, — и пытаюсь узнать кое-что о деле, которым в настоящий момент занимаюсь.

— Неужели?

— Меня интересует некий Фрэнк Л. Стэнтон. Он останавливался у вас пару дней назад.

— Да, да. Послушайте, вы второй человек, который расспрашивает о нем.

Дружески улыбнувшись, Мейсон пояснил:

— У мистера Стэнтона разнообразные интересы.

— В чем дело? Он что-то натворил?.. Уж не...

— Нет, — поспешил ее успокоить адвокат. — Все дело в том, что ему надо вручить кое-какие бумаги.

— Ох! — воскликнула женщина, а через минуту подозрительно спросила: — Развод?

— Я не имею права вдаваться в подробности, дело связано с правом на горнодобывающую собственность. Срок истекает через пару дней, и в случае если покупатель пожелает приобрести право... Короче, вы понимаете, получится крайне неудобно, если нам не удастся разыскать мистера Стэнтона.

— Да, да, все ясно. Он останавливался здесь всего на одну ночь, но оставил свой адрес в Лос-Анджелесе.

— У меня есть его адрес, — сообщил Мейсон, — но его нет дома и... Конечно, в запасе есть еще два дня, но дело страшно осложнится, если он будет продолжать прятаться. Вы что-нибудь о нем помните?

— Не очень много, — сказала женщина. — Он говорил о своем бизнесе, связанном с шахтами. Это точно. При нем было два чемодана, очевидно весьма тяжелых, помнится, сказал, что в них находятся образцы.

— Образцы руды?

— Полагаю, что так. Кроме того, у него был еще только что купленный ручной чемодан небольших размеров.

— Новый?

— Да, он был еще завернут в бумагу, наружу торчала одна ручка, и сразу видно — пустой, а вот те два чемодана — набиты.

— Оба?

— Да.

— Скажите, он прибыл один?

— Да, он приехал один. Это я помню отчетливо. Зато к нему заходили какие-то посетители. Приблизительно в половине двенадцатого позвонил постоялец, занимающий соседний номер. Он сказал, что не любит жаловаться, но люди в коттедже, который я сдала мистеру Стэнтону, очень громко разговаривают, он не может заснуть. И очень вежливо попросил меня позвонить туда и предложить им вести себя потише.

— Громкие разговоры? Спор?

— Очевидно, нет. Они говорили нормальными голосами, но, поскольку было уже поздно, всюду стояла тишина, казалось, разговор шел на повышенных тонах. Вы сами знаете, как это бывает, если вы пытаетесь уснуть, а какой-то негромкий монотонный звук, неисправный туалет, капли воды из крана или что-то в этом роде действуют на нервы и под конец становятся совершенно непереносимыми.

— Понимаю, — кивнул Мейсон. — Едва ли вы можете знать, в котором часу уехал утром мистер Стэнтон?

— Нет, я этого не знаю. Ведь я нахожусь на ногах до часа-двух, а то и до трех часов ночи, утром поднимаюсь поздно. Горничные занимаются уборкой номеров.

— У вас очень приятное местечко.

— Благодарю вас.

— Сколько у вас номеров?

— Пятьдесят два.

— Большое заведение. Руководить им непросто!

— Вы совершенно правы.

— Полагаю, у вас много проблем. Что ответил мистер Стэнтон, когда вы позвонили и сказали ему о соседе?

— Сказал, у него проходило совещание, но они уже обо всем договорились. Мне думается, так оно и было. Я выглянула из окна и заметила машину, припаркованную перед его номером. Через несколько минут она уехала.

— Вы не обратили внимания, какая была машина?

— Нет, самая обычная машина, из наиболее распространенных. Именно по этой причине я не обратила на нее внимания. Понимаете, машины меня не интересуют... Вот мой муж, взглянув на машину, с точностью назовет вам не только марку, но и год выпуска, фирму, модель и так далее. Я же в этой области профан.

— Стэнтон не заказывал отсюда междугородных разговоров? — спросил Мейсон.

— Этого я не знаю. Понимаете, мы не можем контролировать разговоры, если они ведутся в номерах. Поэтому, если люди хотят заказать междугородный разговор, мы предлагаем им воспользоваться услугами платного переговорного пункта в холле. Конечно, это громко сказано, просто у нас там находятся две кабины для междугородных переговоров. Разумеется, мы можем устроить подобный разговор из номера. И иногда это делаем, когда знаем человека, но для незнакомых постояльцев этот порядок не действует.

— А мистер Стэнтон не просил устроить ему междугородный разговор?

— У меня нет, я уверена, он никуда не звонил, на его счете не сделано пометки.

— Но он мог спуститься в вестибюль и позвонить?

— Да.

— Это было бы замечено?

— Нет. Исключено.

Мейсон улыбнулся:

— С вашего разрешения я сам позвоню.

Продолжая улыбаться, он вошел в телефонную будку и попросил его соединить с офисом шерифа. После того как ему ответили, он настойчиво потребовал, чтобы с ним переговорил старший офицер. Услышав, что с ним беседует помощник шерифа, он представился:

— Я Перри Мейсон, адвокат. Прибыл сюда, чтобы проконсультироваться с моей клиенткой, миссис Эдвард Дейвенпорт. Вы заключили ее в тюрьму. Я хочу с ней поговорить.

— Вы... Вы... Вы — Перри Мейсон?

— Совершенно верно.

Голос внезапно стал предупредительно вежливым.

— Где вы сейчас находитесь, мистер Мейсон?

— В «Велчбург-мотеле». Я хочу вызвать такси, чтобы ехать в ваш офис. Хочу поговорить с моей клиенткой.

— Вам вовсе не нужно беспокоиться, мистер Мейсон. — Голос стал еще любезнее. — Мы всегда стараемся быть гостеприимными, обязательно обеспечим вас машиной. Оставайтесь на месте, машина придет через пять минут.

— Так уж и через пять минут?

— Возможно, и скорее. Одну минуточку, пожалуйста. Я посмотрю, что можно сделать. Подождите у аппарата.

Секунд тридцать трубка молчала, затем голос вновь появился:

— У нас есть машина для вас, мистер Мейсон. Мы вас разыскивали.

— Неужели?

— Да. Вы ездили в дом мистера Дейвенпорта в Парадайзе, не так ли?

— Нет.

— Не ездили? — недоверчиво спросил голос.

— Нет, — твердо повторил адвокат. — Я ездил в дом миссис Дейвенпорт, а на тот случай, если вас интересует содержимое конверта, я бы посоветовал вам обратиться к Мейбл Нордж, секретарю мистера Дейвенпорта, и хорошенько ее допросить. На тот случай, если вы еще чем-то интересуетесь, могу сообщить, что мистер Дейвенпорт останавливался в этом мотеле вечером накануне своей смер-

ти. Да, да, в «Велчбург-мотеле». Он зарегистрировался под именем Фрэнка Л. Стэнтона.

— Вы уверены? — спросил офицер.

— Описание внешности совпадает, а также номер его машины.

— Почему вы сообщаете нам об этом?

— Бог ты мой! — удивленно воскликнул Мейсон. — А разве у меня есть основания не сообщать вам этого?

— Да нет, вроде бы нет... Просто я подумал, вы бы предпочли не делиться с нами известными данными.

— Откуда у вас такие старомодные воззрения? Ага, я вижу, на подъездную дорогу завернула машина с красным светом. Полагаю, это мой транспорт. Вы прибыли сюда весьма быстро.

— Мы стараемся быстро работать, мистер Мейсон, — заявил помощник шерифа. — Наша машина патрулировала в районе по соседству с вами, она объезжала все мотели, стараясь установить, в котором из них останавливался мистер Дейвенпорт.

— Ну рад, что избавил вас от излишних хлопот, — сказал Мейсон и повесил трубку, когда два широкоплечих помощника шерифа вошли в холл.

Глава 8

Полицейская машина резко затормозила у обочины, и Мейсона проводили в здание. Высокий человек с добродушной усмешкой шагнул ему навстречу и протянул руку:

— Перри Мейсон?

— Он самый, — подтвердил адвокат, пожимая предложенную ему руку.

— Я Талберт Вэндлинг, окружной прокурор здесь, во Фресно. Похоже на то, что мы с вами в одном деле, только с разных сторон.

Мейсон оценивающе взглянул на местного окружного прокурора. Спокойные, внимательные глаза, легкая, свободная приветливость исходила от него.

— Мне кажется, — сказал Мейсон, — вы можете быть весьма опасным противником.

— Стараюсь, — ответил Вэндлинг. — Что это за история со вскрытым письмом в округе Бьютт?

— Предполагают, что его вскрыл я? — спросил Мейсон.
— У тамошнего окружного прокурора нет ни малейших сомнений.

— Это считается преступлением?

— Ну, — пожал плечами Вэндлинг, — все зависит от того, как смотреть.

Мейсон понимающе улыбнулся:

— Полагаю, у вас полно забот в своем округе.

— Можете не сомневаться.

— В таком случае, думаю, вам совсем не обязательно одадживать проблемы из округа Бьютт только для того, чтобы не чувствовать себя бездельником.

Вэндлинг откинул голову и засмеялся.

— Как мне сообщили, вы держите у себя миссис Дейвенпорт. Она моя клиентка. Я хочу поговорить с ней и дать ей несколько советов.

Улыбка моментально исчезла с лица Вэндлинга.

— В этом деле есть некоторые моменты, которых я не понимаю, мистер Мейсон. Начнем с того, что я бы не хотел осудить невинного человека. По ее словам, она ничего не знает об убийстве. Иначе говоря, она невиновна.

Мейсон красноречиво молчал.

— К несчастью, — продолжал Вэндлинг, — кое-какие обстоятельства не позволяют мне принять ее заверения.

— Как вы относитесь к труп, выбравшемуся из комнаты через окно? — спросил Мейсон.

— Это один из моментов, к которому я перейду позже. А прежде чем выложить перед вами все свои карты, я хотел бы, чтобы вы ответили мне тем же самым.

— Что ж, согласен. Только зачем же их выкладывать все сразу? Выложите одну, а я посмотрю, есть ли у меня равная ей.

— Ол-райт, будь по-вашему... Должен откровенно признаться, полиция допустила грубейшую ошибку.

— Не понимаю.

— Человек, который видел, как фигура, одетая в пижаму, вылезла из окна и уехала на машине, ускользнул от нас.

— Как такое могло случиться?

— Он дал полицейским ложный адрес и, очевидно, выдуманное имя.

— И офицеры, ничего не проверяя, отпустили его с миром?

Вэндлинг с досадой развел руками, мол, в полиции работают тоже люди, а им свойственно ошибаться.

— Судите сами, он зарегистрировался здесь, в мотеле. И был не один. Парочка назвалась мужем и женой. Он сообщил полицейским, что видел, как какой-то человек, одетый в пижаму, вылез из окна и уехал на автомобиле. Полицейские спросили у него имя и адрес, он назвал данные, записанные в регистрационном журнале. Полицейские сверились с записью. Оказалось, пара приехала накануне, все данные совпадают, и на этом они успокоились. Конечно, им следовало потребовать водительские права и проверить номер машины... Они даже не попросили предъявить документы. Повторяю, это грубейшая ошибка. Единственное объяснение такой халатности — полицейские были убеждены в том, что не существовало никакого тела, а просто запертый в комнате человек улизнул через окно от непривлекательной жены.

Глаза у Мейсона посуровели.

— Продолжайте.

— Очевидно, этот человек затем призадумался и сообщил, что будет неизбежно вызван в качестве свидетеля, его подлинная фамилия, а возможно, и фамилия его спутницы будут установлены, и он поспешил удалиться.

— Так что полицейские не знают, кто это был?

— Не имеют ни малейшего понятия. У них есть только названное им имя, но, разумеется, оно не настоящее, в этом я полностью уверен. Адрес фиктивный, точно так же, как и номер машины, записанный в регистрационном журнале.

— Откуда вы знаете?

— Мы проверили владельца автомобиля с таким номером. Он живет в южной части штата, женат, имеет семью, и нет ни малейшего сомнения в том, что он не тот человек, который нам нужен. Более того, на протяжении последних двух суток он нигде не отлучался из дома, его автомобиль тоже на месте. Он никому не одалживал машину и, скорее всего, вообще никогда не бывал в этой части штата.

Мейсон с досадой стукнул по столу и воскликнул:

— А ведь этот человек из мотеля является самым важным свидетелем защиты!

Вэндлинг посмотрел на адвоката даже с некоторым сочувствием.

— Если бы этот свидетель был необходим для обвинения, я сомневаюсь, чтобы ваши полицейские его так бездарно упустили.

Вэндлинг проглотил пилюлю, но не смолчал:

— В ваших словах содержатся определенные намеки, и мне не нравится, каким тоном вы их произнесли.

— Я намекаю на случившееся, а оно мне тоже весьма не нравится.

Заразительная улыбка тут же вернулась на лицо Вэндлинга.

— Конечно, Мейсон, но будем справедливы. Если бы этот человек был свидетелем обвинения, его заявление доказывало бы факт совершения преступления. Правильно?

— По всей вероятности.

— Тогда бы полицейские знали: они работают по делу об убийстве, с них снимут головы, если свидетель скроется, и в этом случае, естественно, непременно предприняли бы шаги для установления его личности, чтобы не было трудностей, когда потребуется вызвать его для дачи показаний. Но в данном случае рассказ очевидца доказывал, что никакого преступления не было. И полицейские действовали с меньшей ответственностью, чем следовало бы. Во всяком случае, я надеюсь, такого ляпсуса не случилось бы. Непозволительная ошибка, я с вами вполне согласен, и она не дает мне покоя.

— Это крайне важный свидетель, — снова повторил Мейсон. — Полиция должна принять меры для того, чтобы его разыскать.

— Полностью согласен с вами.

— Ну и что же теперь получается? — спросил Мейсон.

— Боюсь, — ответил Вэндлинг, — у нас с вами прямо противоположные интересы в итоге. Учитывая то, как обстоят дела в настоящий момент, я намерен предъявить Мирне Дейвенпорт обвинение в убийстве и привлечь ее к уголовной ответственности. Естественно, я не стану этого делать, если Эд Дейвенпорт на самом деле вылез из окна того домика. Однако даже если нам удастся разыскать свидетеля, практически он может подтвердить лишь одно: да, он видел мужчину, одетого в пижаму, когда тот вылезал из окна, заметил, что он был босым, что сел в стоявший тут же автомобиль и уехал. Вообще-то человек соответствует в общих чертах описанию Эда Дейвенпорта.

- Вы нашли труп? — спросил Мейсон.
- Нашли.
- Никаких сомнений, что это Эд Дейвенпорт?
- Абсолютно никаких.
- Как труп одет?
- В пижаму. С босыми ногами, похоронен в могиле, выкопанной дня за два-три до этого.
- Вы хотите сказать, тело опустили в яму, которая уже была приготовлена?
- Вы так ее описываете. А я считаю, это была самая настоящая могила, вырытая заблаговременно со специальной целью: положить в нее тело Дейвенпорта!
- Каким образом он умер?
- Пока мы точно этого не знаем, но есть основания предположить отравление ядом.
- Мышьяк?
- Цианистый калий. Вскрытие еще не произведено.
- В таком случае смерть должна была быть почти мгновенной?
- Вэндлинг согласился, ожидая других вопросов.
- Конфеты? — спросил Мейсон.
- Конфеты в его портфеле начинены мышьяком и цианистым калием. В большинстве шоколадок имелся мышьяк, в нескольких — цианистый калий. Поразительно аккуратно осуществленное отравление... Частично жидкая начинка вытянута с помощью шприца, надо полагать, и заменена жидкостью, содержащей яд.
- Какого дьявола кому-то вздумалось прибегнуть к помощи двух видов яда? — спросил Мейсон.
- Вэндлинг пожал плечами:
- Хотел бы я знать ответ на ваш вопрос.
- В особенности странно, что один из ядов действует медленно, второй же — молниеносно.
- Это непростой вопрос, — согласился Вэндлинг. — Фактически в данном деле имеется целый ряд вопросов, на которые я не могу ответить. Я не люблю выступать в качестве обвинителя в деле, в котором не разобрался до конца. Если я призову жюри вынести смертный приговор этой женщине, я должен быть уверен: именно она виновна в совершении хладнокровного, преднамеренного убийства.
- Мейсон с одобрением взглянул на собеседника.

— Я много читал о вас, — продолжал Вэндлинг. — Вы упорный и находчивый борец. Вы верите в силу драматизма. Мне бы не хотелось выступить против вас в деле, в котором не все раскрыто и выяснено.

— И что же? — спросил Мейсон.

Вновь на лице Вэндлинга появилась дружеская улыбка.

— Это все, что я могу вам сказать *в настоящий момент*.

— Как это?

— Могу повторить. Не в моих правилах требовать смертного приговора в деле, пока я не буду уверен, что это хладнокровное, преднамеренное, заранее подготовленное убийство. А в данном деле есть моменты, которые я до сих пор не смог объяснить. И не могу найти на них ответы. Есть свидетель защиты, которого упустила полиция. Я должен заботиться о своей репутации. Вы опасный противник. Если в деле выплывет такой факт, который обвинение не сможет объяснить, вы так его обыграете и драматизируете, что он будет казаться самым важным.

— И дальше?

— Это все, больше я не могу ничего сказать в настоящий момент.

— Ну что же, как я считаю, мы понимаем друг друга, — выдохнул Мейсон.

— И вы хотите увидиться с обвиняемой?

Мейсон подтвердил свое требование.

— Я лично приехал сюда, — заговорил Вэндлинг, — потому что хотел познакомиться с вами и не чинить препятствий для свидания... В нашем округе мы не сторонники допросов третьей степени, мы разрешаем обвиняемым встречаться с их защитниками, поэтому миссис Дейвенпорт ожидает вас в зале свиданий. И я даю вам слово, помещение не оборудовано никакими подслушивающими устройствами. Если миссис Дейвенпорт пожелает встретиться со мной, я задам ей кое-какие вопросы. А не захочет на них отвечать, это ее право. Вы ее адвокат, в нашем округе мы будем относиться к вам с подобающим уважением и станем охранять права обвиняемой с таким же рвением, как и вы.

— Благодарю, — поклонился Мейсон.

— Но если улики будут доказывать преднамеренное отравление, я потребую для нее смертного приговора, — добавил Вэндлинг.

Мейсон согласился:

— Все правильно.

— А если ее оправдают здесь, то прокурор из Лос-Анджелеса намерен обвинить ее в отравлении мисс Гортензии Пакстон.

Мейсону и тут оставалось только кивнуть в знак согласия.

— Я подумал, что мне необходимо все это вам сказать, — продолжал Вэндлинг, — в особенности если ваша подзащитная признает себя виновной. Сейчас, учитывая бегство от полиции свидетеля защиты, если миссис Дейвенпорт по вашему совету добровольно признает себя виновной, я ограничусь для нее требованием пожизненного заключения, а не смертной казни.

— После чего ее переведут в Лос-Анджелес и станут судить за убийство Гортензии Пакстон, — продолжил ход событий Мейсон. — И хотя суд не будет располагать ни малейшими доказательствами ее вины, окружной прокурор непременно вспомнит об осуждении во Фресно за отравление мужа, после чего все члены жюри единогласно решат, что она отравительница, и уже не станут слушать ничего, говорящего в ее пользу, признают виновной в смерти Гортензии Пакстон и приговорят к смерти.

Вэндлинг потер обеими ладонями себе щеки и медленно кивнул:

— Да, коллега, у вас свои проблемы.

— Итак, я отправляюсь беседовать с моей подзащитной, — напомнил Мейсон. — Благодарю за то, что вы положили свои карты на стол. Убежден, имея вас противником на суде, мне придется тяжело.

Вэндлинг с достоинством пожал руку Мейсону:

— Буду стараться из всех сил, чтобы так оно и получилось... А что случилось в Парадайзе? Меня интересует конвэрт с чистыми листочками бумаги, распечатанный над паром. Хотите сделать какое-нибудь заявление?

Мейсон состроил гримасу наивного непонимания.

— Я так и думал, — усмехнулся Вэндлинг. — Тамошний окружной прокурор предупредил меня по телефону: вы охотно отвечаете на все вопросы, но при этом ничего не говорите. Якобы вы его форменным образом «заговорили».

— Человек меняет свою тактику с разными людьми и при разных обстоятельствах. Полагаю, с вами трудно много говорить и ничего не сказать.

Вэндлинг заразительно рассмеялся:

— Ол-райт, Мейсон, идите на свидание со своей клиенткой. И если вам что-нибудь потребуется, звоните мне. Я буду в клубе «Ротариэн», мне бы очень хотелось, чтобы вы приехали туда. Я бы познакомил вас со своими друзьями. Если пожелаете сыграть в гольф, мы сможем...

— Большое спасибо, — прервал его адвокат, — боюсь, я буду очень занят.

— Ну, желаю удачи. Полагаю, она нужна нам обоим, — попрощался Вэндлинг.

Глава 9

Миссис Дейвенпорт ожидала Мейсона в небольшой комнатке, напоминающей офис, с удобными креслами и столом. Если не считать особого сладковатого запаха, смешанного с запахом жаренки, столь характерного для мест такого рода, ничто не указывало на помещение тюрьмы.

Мирна Дейвенпорт быстро посмотрела на адвоката, затем сделала несколько шагов с протянутой рукой. Ее пальцы, казалось, вцепились ему в руку, как будто она хотела почерпнуть от него силы.

— Я страшно рада вашему приходу, — произнесла она своим монотонным голосом. — Меня предупредили, что вы здесь. Окружной прокурор очень симпатичный.

— Вы с ним разговаривали?

— Да.

— Что вы ему сказали?

— Все, что знаю о случившемся.

— Вы ничего не подписывали?

— Нет.

— С этого момента перестаньте разговаривать. Пусть говорят другие.

— А что мне отвечать, если меня будут спрашивать?

— Отсылайте ко мне. Объясните, на все вопросы отвечаю я.

— Но, мистер Мейсон, мне хотелось бы внести полную ясность...

— Конечно, конечно. Кому этого не хочется? Но когда вам удастся все прояснить в отношении вашего мужа, они намерены переправить вас в Лос-Анджелес и судить за убийство Гортензии Пакстон.

— Господи, как же так?

— Каждый округ рассчитывает, что не он, а другой сломит ваше сопротивление. Мало того, если вас осудят хоть за что-то в одном округе, то во втором наверняка вынесут смертный приговор. Поговорим откровенно. Выложите свои карты на стол, надо смотреть правде в лицо.

Мирна Дейвенпорт буквально упала в одно из кресел, очевидно, не держали ноги.

— Это очень больно? — спросила она.

— Что именно?

— Смерть от газа.

Мейсон вскинул на нее глаза:

— Уверяют, это безболезненно. Человек делает вдох и умирает через десятую долю секунды.

— Ну, вы немного меня успокоили. Кто-то говорил, люди кашляют, задыхаются, долго мучаются перед тем, как умереть.

— Кто вам это сказал? Полицейский?

— Один из здешних заключенных.

— Женщина?

— Да.

Мейсон решительно заявил:

— Держитесь от нее подальше. Ни с кем не разговаривайте. Не заводите ни с кем дружбу. Сидите тихо. Все эти «доброжелатели» могут действовать с определенной целью. Предоставьте мне вести ваше дело.

— Так вы и дальше согласны представлять меня, мистер Мейсон?

Адвокат подтвердил свое намерение.

— Я боялась, что вы можете... вы отступитесь.

— Нет, я не отступлюсь. Даже если вы виновны, то имеете право на справедливый суд. Имеете права, которые вам дарует закон. Моя обязанность — проследить за тем, чтобы вас ни в чем не ущемили.

— Благодарю вас.

— Вы виновны?

— Нет.

— Но вы отравили Гортензию Пакстон?

— Не я.

— А мужа?

— Только не я.

— Вам придется кое-что объяснить, — устало произнес Мейсон. Подтянув стул, он сел против нее.

— Знаю.

Мейсон придирчиво наблюдал за ней.

— Ваша приятельница, Сара Энзел, ополчилась против вас.

— Теперь она снова на моей стороне.

— Откуда вы знаете?

— Она звонила по телефону.

— Они разрешили вам с ней разговаривать?

— Да.

Мейсон опять сердито нахмурился:

— Они записали ваш разговор... Что она вам сказала? Что-нибудь существенное?

— Только о своих сомнениях во мне, о разговоре с полицией, которой она выложила известное ей и свои предположения, но потом хорошенько обо всем подумала, и ей стало стыдно за такое поведение.

— За свое предательство, вот как это называется, миссис Дейвенпорт. Ее никто не тянул за язык, а она сообщила полиции, что наблюдала за тем, как вы выкопали яму и зарыли в нее какие-то яды.

Мирна подняла голову и посмотрела в глаза Мейсону. На какое-то мгновение на ее лице появилось паническое выражение.

— Неужели она рассказала об этом полиции?

Мейсон от возмущения только рукой махнул.

— Зачем? — почти простонала Мирна, сложив на коленях руки, потом опустила голову и сказала со вздохом: — Конечно, у нее были все основания сомневаться во мне.

— Вы укладывали чемодан мужу, когда он уезжал в поездки?

— Да.

— Он возил с собой конфеты?

— Да, всегда.

— Их покупали вы?

— Да.

— Конфеты в его портфеле были отравлены.

— Знаю. Мне об этом сказали.

— Вы их не отравили?

— Нет.

— Кто тогда?

- Не знаю.
- Вы жили в доме в Парадайзе?
- Да.
- А после того, как заболел ваш дядя, Уильям Делано, перебрались к нему?
- Да.
- А что делал ваш муж?
- Большую часть времени он проводил в Парадайзе, но иногда приезжал нас навестить.
- Вашему мужу не нравилась идея вашего переезда в Лос-Анджелес?
- Нет.
- Почему?
- Он сказал, я слишком много вожусь с лекарствами, превратилась в форменную сиделку, тем более когда дядя Уильям умрет, я не получу ни цента из его состояния.
- Что заставляло его так говорить?
- Он считал, что по завещанию все получит Гортензия. Даже после того, как она умерла, Эд не хотел, чтобы я оставалась там.
- Что так?
- Ему не нравилась тетя Сара. По какой-то причине Эд думал, что ей удастся получить львиную долю денег дяди Уильяма.
- Если вас осудят за убийство Гортензии Пакстон, она еще сможет на это рассчитывать, — сообразил Мейсон. — Тут возникает весьма любопытный юридический вопрос.
- Я не убивала Гортензию. Я ее очень любила.
- Ваш муж так и не перебрался в дом в Лос-Анджелесе, верно?
- Перебрался, но только после того, как умер дядя Уильям. Но все равно он проводил много времени в Парадайзе, тот дом он превратил в свой офис. Он говорил, ему легче управлять своими горнорудными делами оттуда.
- Вы укладывали ему чемодан и портфель. Вспомните, как вы это сделали, когда он уезжал в последний раз в Парадайз.
- Я прекрасно помню.
- Что именно вы запаковали?
- Кое-что из одежды, так как большая часть его гардероба находится в Парадайзе. Я уложила несколько рубашек, носки, пижаму.

- Вы помните пижаму?
- Да.
- Как она выглядела?
- Белая с красными небольшими фигурками.
- Что за фигурки?
- Подобие геральдических линий.
- Вы видели эту пижаму на нем, когда было найдено тело?
- Нет.
- Они ее вам не показывали?
- Нет.
- Полиция не просила вас взглянуть на труп?
- Нет.
- Возможно, они еще это сделают, — предупредил Мейсон. — Вы должны подготовиться к шоку.
- Да, я знаю.
- Думаете, вам удастся сохранить спокойствие?
- Да, конечно.
- Почему вы говорите «конечно»?
- Я не слишком впечатлительна.
- Да, с этим я могу согласиться, — сердито произнес Мейсон. — Похоже, вы не понимаете, в какое затруднительное положение попали!
- Я все понимаю.
- Итак, когда вы в последний раз укладывали вещи мужа перед отъездом из дома, вы положили в портфель коробку с конфетами?
- Да.
- Где вы взяли конфеты?
- Купила в кондитерском магазине. Две коробки. Одну положила в портфель, вторую оставила в ящике бюро.
- Вы не открывали ни одной из этих коробок?
- Нет.
- Вы уверены?
- Да, конечно.
- Вы даже не нарушили обертку?
- Нет. Коробки оставались в том виде, как они получены из кондитерской. Я только сняла оберточную бумагу. Коробки были упакованы в целлофан. Его я не повредила.
- В таком случае вы уверены: полиция не может обнаружить следов ваших пальцев ни на одной конфете?

- Конечно нет.
- Кто-то вскрыл коробку и наполнил конфеты ядом, вернее, двумя ядами разных видов.
- Так мне сказали.
- Это не ваша работа?
- Нет, конечно.
- Подобная обработка шоколада — дело трудоемкое. На поверхности конфет непременно должны остаться отпечатки пальцев.
- Прекрасно. Это не мои.
- Я могу быть в этом уверенным?
- Несомненно. Я обещаю, даю честное слово.
- Сколько чемоданов было у вашего мужа, когда он уезжал?
- Один в форме большого портфеля. Вы знаете такие.
- Какого рода?
- Самый обычный большой портфель.
- Обождите минуточку, — сказал Мейсон. — Он где-то приобрел чемодан до приезда во Фресно.
- Не представляю, для чего он это сделал.
- Но у него с собой было два чемодана, вернее, большой портфель и чемодан.
- Не знаю, откуда взялся другой. Я хочу сказать, почему он оказался у него. Почти все его вещи находились в Парадайзе. Он брал с собой лишь самое необходимое для короткого визита, когда приезжал сюда.
- Он не оставлял никаких чемоданов в Парадайзе, когда вы переехали?
- Не думаю. Вещи были уложены в дорожные баулы и отправлены в Лос-Анджелес. Все эти баулы находятся там.
- Сколько, не скажете?
- Четыре или пять.
- Так вы ничего не знаете о тех двух чемоданах, с которыми явился ваш муж?
- Нет.
- И не знаете, куда они девались?
- Нет.
- Вам известно, что в чемоданах он возил образцы руд?
- Нет, но думаю, это возможно.
- Вы не знаете, не должен ли он был с кем-то повидаться во время этой поездки?

— Нет. Он говорил мне о намерении продать какую-то шахту. Уверял, если сделка состоится, он получит хорошую прибыль.

— И это все, что он вам сказал?

— Да.

— Он не звонил вам из Парадайза и не сообщал дополнительных сведений?

— Нет.

— Вы хотите сказать, он вообще не звонил вам из Парадайза?

— Один раз звонил. В воскресенье. Сказал, что уезжает и придет в понедельник поздно вечером. То есть вчера.

— Больше он вам не звонил?

— Нет.

— За какой период времени?

— Больше чем за неделю, дней за десять.

— Почему всего раз?

— Не знаю. Возможно, из-за тети Сары.

— А она тут при чем?

— Он был уверен, что она подслушивает наши разговоры по параллельному телефону. Сначала он звонил мне гораздо чаще. Потом сказал: ему не нравится, когда его подслушивают, сократил звонки до минимума, причем если и звонил, то был предельно краток. Он не любил тетю Сару.

— А она не любила его?

— Да.

— Вам что-нибудь известно о деловых связях вашего мужа?

— Очень мало.

— Он намеревался с кем-то встретиться и заключить выгодную сделку?

— Так он мне сказал.

— Где?

— Как я поняла, где-то в районе Фресно или Модесто, во всяком случае в этом районе.

— Вы не знаете никого, с кем он должен был встретиться в Сан-Бернардино?

— Нет. Он в Сан-Бернардино не собирался.

— Откуда вы знаете?

— Он же ехал напрямик домой.

- А откуда такие сведения?
- Так он мне сказал.
- Когда?
- Когда звонил.
- Когда звонил в первый раз?
- Он вообще звонил один раз.
- Вы имеете в виду последнюю поездку?
- Да.
- Не могли бы вы описать чемодан, который вы укладывали для него.
- Это большой чемодан-портфель из коричневой кожи. С одной ручкой. На нем его золотые инициалы.
- Мейсон отодвинул стул.
- Куда вы идете?
- Мне надо будет еще побродить по городу. Надеюсь, там я узнаю больше, чем услышал от вас. Вы мне практически ничего не сказали.
- Потому что я ничего не знаю.
- Будем надеяться, вы сумеете убедить в этом жюри.

Глава 10

Мейсон успел на последний поезд на Лос-Анджелес и без десяти одиннадцать вошел к себе в контору, где застал Деллу Стрит за разборкой почты.

- Что теперь? — спросил он.
- Господи, шеф! Я не слышала, как вы вошли. Как прошла поездка?
- О'кей. Окружной прокурор во Фресно показался мне симпатичным малым, но, конечно, будет яростно сражаться... Почему у тебя было такое удивленное выражение лица, когда ты просматривала письма?
- Да неужели?
- Несомненно, — подтвердил Мейсон, подходя и забирая у девушки листок. — Что это такое?
- Послание от детектива из Бейкерсфилда. Я его лишь просмотрела.
- Чего он хочет?
- Денег.
- Мейсон взял письмо и прочитал:

«Дорогой мистер Мейсон.

Я печатаю это на своей портативке в Сан-Бернардино. Только сейчас услышал по радио, что Эдвард Дейвенпорт из Парадайза умер, в его убийстве обвиняют его жену и вы ее представляете. Полагаю, вы также занимаетесь вопросами наследования его состояния. Я выполнял задание для Эда Дейвенпорта в соответствии с его указаниями, когда узнал про его смерть.

Я не могу дожидаться, когда будут улажены все формальности с введением в наследство, чтобы получить свои деньги. Мистер Дейвенпорт уверял меня, что выполняемая мной работа имеет для него значительную важность; я решил, что вы, являясь в данный момент поверенным миссис Дейвенпорт по имущественным вопросам, знаете обо мне, да и сама миссис Дейвенпорт должна быть в курсе этих дел.

Я не могу ничего выиграть от того, что буду соблюдать лояльность к покойнику, и если приложенный рапорт представляет для вас интерес, вы можете не сомневаться, что ко мне по профессиональной линии может обратиться кто угодно и я постараюсь быть предельно полезным. Вместе с вышеупомянутым рапортом я вкладываю счет на двести двадцать пять долларов за услуги и понесенные мной расходы в связи с заданием мистера Дейвенпорта, поручившего мне следить за номером 13 в «Пасифик Пэ-лисайдс мотор корт» в Сан-Бернардино.

Для информации: я познакомился с мистером Дейвенпортом в связи с другим заданием, которое я успешно выполнил для него два года назад, оно касалось горнорудной промышленности. С тех пор мы не встречались, но, очевидно, он запомнил мои координаты на случай, если ему вновь потребуются услуги такого же рода.

Буду счастлив оказать вам помощь в дальнейшем.

Искренне Ваш,

Джейсон Л. Бекемейер
«Бекемейер детектив сервис».

— Ну, — усмехнулся Мейсон, — похоже, нам удалось прояснить одну фазу загадки только для того, чтобы наткнуться на другую. Какого черта Дейвенпорту понадобилось следить за этим номером в мотеле в Сан-Бернардино?

— А нам почему понадобилось? — спросила Делла.

— Нас заставил это сделать непонятный телефонный звонок, который, кстати, раздался уже через некоторое время после смерти Дейвенпорта... Давай-ка взглянем на рапорт этого детектива.

Делла Стрит протянула листок бумаги с напечатанным на нем машинописным текстом.

«В связи и в соответствии с указаниями, полученными по телефону приблизительно в 9.15 вечера 11-го числа от Эдварда Дейвенпорта, звонившего из Фресно в штате Калифорния, который назвал себя и договорился со мной о работе, я выехал в Сан-Бернардино вечером 12-го, чтобы установить наблюдение за номером 13 в «Пасифик Пэлсайдс мотор корт».

Я прибыл в Сан-Бернардино приблизительно в час ночи 13-го числа. На дверях конторы «Пасифик Пэлсайдс мотор корт» висело объявление о том, что свободных мест не имеется. Я припарковал свою машину в таком месте, что оттуда мог наблюдать за входом в номер 13, и оставался там до 10.30 утра. За этот период времени я ни разу не отлучался с наблюдательного поста.

Примерно в 10.30 утра 13-го числа в номер вошла горничная, отперев дверь запасным ключом. Предварительно она постучала. У горничной был портплед с постельным бельем, полотенцами и т. п., которые она забрала в ранее прибранных ею помещениях. Я немедленно вылез из своей машины, прошел к номеру 13 и постучался в неплотно прикрытую дверь. Горничная мне ответила, я вошел внутрь и заявил, что хочу поговорить с девушкой, которая только что привела в порядок номер 10. Поскольку я видел, что эта горничная вышла только что из номера 10, я знал, что обращаюсь по адресу.

Она немного встревожилась и пожелала выяснить характер моего дела. Я притворился офицером полиции, фактически не сказав ей этого, и попросил ее описать, в каком состоянии она нашла номер 10, сколько человек его занимают, не заметила ли она чего-то, указывающего на то, что эти люди использовали наркотики или занимались их распространением. Девушка мне поверила и довольно продолжительно со мной беседовала, так что я смог хорошо рассмотреть номер 13. Ночью там никого не было. Незаметно задав несколько вопросов, я выяснил: помещение снято по теле-

фону накануне вечером, плата переведена телеграфом. Горничная не знала фамилию человека, снявшего номер.

Предупредив девушку, что она ни при каких обстоятельствах не должна никому говорить о моем визите, я вернулся в машину и продолжал наблюдение до 6 часов вечера. Мне не было дано указаний, что я должен делать в том случае, если номер окажется незанятым, поскольку мистер Дейвенпорт вроде бы не сомневался, что его займут вечером 12 числа. Мне следовало установить, кто туда явится утром 13-го числа. Для уверенности я решил продежурить до позднего вечера.

В номер так никто и не заходил. У меня с собой был запас бутербродов и термос с кофе, и мне не нужно было никуда отлучаться, чтобы поесть. Поэтому я с полной уверенностью заявляю, что это так.

Около 6 часов вечера 13-го числа, слушая последние известия по радио, я узнал, что Эд Дейвенпорт умер накануне, его жену задержали по подозрению в убийстве мужа, а ее адвокатом является Перри Мейсон.

Учитывая это, а также то, что номер не был занят, я решил попробовать действовать иначе. Пошел на телеграф и поднял скандал по поводу того, что не было доставлено телеграфное извещение в «Пасифик Пэлисайдс мотор корт» о том, что я послал деньги в оплату за номер. На телеграфе просмотрели записи, спросили, зовут ли меня мистером Стэнтоном. Я сказал, что да. Тогда мне показали копию квитанции о том, что телеграфный перевод, отправленный из Фресно Фрэнком Л. Стэнтоном, был своевременно доставлен. Я попросил извинения и ушел.

Если я и дальше смогу быть вам полезным, будут к вашим услугам.

Джейсон Л. Бекемейер
«Бекемейер детектив сервис».

— Что ж, это совпадает с информацией Пола Дрейка, — заметила Делла Стрит.

— Но какого черта Дейвенпорту было необходимо узнать, кто занимает тринадцатый номер? Почему он сначала заплатил за него, а потом нанял детектива наблюдать за номером?

— Очевидно, там должен был остановиться человек, которому он намеревался подстроить какую-то ловушку. Или же человек, в лояльности которого он сомневался.

- Но кто?
- Похоже, снова надо прибегнуть к услугам Пола Дрейка.
- Несомненно.
- Мистер Бекемейер стремится сотрудничать?
- Просто из кожи вон вылезает, — проворчал Мейсон.
- И спешит получить свои деньги.
- Очевидно, дела у него плохи... Давай, Делла, отправим ему чек. Тогда он будет нам обязан.
- Должна ли я написать о его привлечении к работе?
- Напиши, что, возможно, позднее мы к нему обратимся.
- Вы подпишете письмо?
- Нет, сама подпиши. Пускай подумает, что ты отослала деньги по собственной инициативе. Чек отнесешь на специальные расходы.
- Девушка записала поручение шефа.
- Что еще в почте? Есть интересное?
- Ничего важного.
- Позвони Полу Дрейку, попроси его прийти сюда, если может.
- Мейсон занимался просмотром корреспонденции, пока не услышал условный стук Пола Дрейка в дверь.
- Делла Стрит впустила детектива.
- Взгляни-ка вот на это, Пол, — сразу же приступил к делу Мейсон, протягивая рапорт Бекемейера.
- Нахмурившись, Пол Дрейк внимательно прочитал донесение.
- Ну? — спросил Мейсон.
- Не знаю, что и сказать, Перри.
- Теперь очень важно выяснить, действительно ли Эд Дейвенпорт посылал эти деньги в «Пасифик Пэлисайдс мотор корт». Как считаешь, Пол, сумеешь это сделать?
- При данных обстоятельствах довольно трудная задача. Поскольку во Фресно расследуется дело об убийстве Дейвенпорта, власти не отнесутся благосклонно к тем, кто добивается информации о Дейвенпортах... Ты уверен, что этот Фрэнк Стэнтон и Эд Дейвенпорт одно и то же лицо?
- Полной уверенности у меня, естественно, нет, но инстинктивно я в этом не сомневаюсь. Описание внешности совпадает, совпадают номера машин, но, конечно,

хорошо было бы раздобыть регистрационный листок, заполненный им в мотеле, провести графическую экспертизу.

— Ты останавливался в этом мотеле во Фресно?

— Верно. Стэнтон отметилсЯ раньше в тот же вечер. При нем было два тяжелых чемодана. Официально в них находились образцы руды из какой-то шахты, необходимые для какой-то промышленной сделки. Он был крайне заинтересован в том, чтобы багаж оставался у него на глазах. Кроме того, он приобрел новехонький портфель, который распаковал уже в мотеле.

— А чемоданы?

— Если они и находились в автомобиле или в мотеле под Крэмптоном, власти об этом молчат.

— Предполагаешь, кто-то с ними улизнул?

— Не знаю. Есть данные, что Дейвенпорта кто-то подвез до места, когда он находился во Фресно. Если это так, значит, он был вдребезги пьян, и чемоданы забрал этот человек. В них могли находиться ценные слитки.

— В каком смысле ценные?

— Правомерный вопрос. Трудно представить, чтобы из-за каких-то образцов руды стоило испытывать столько трудностей.

— Все зависит от того, какую сделку он собирался провернуть. И что доказать с их помощью.

— Возможно, конечно... Кстати, Пол, окружной прокурор во Фресно — опытный борец, который, как мне думается, одинаково хорошо наносит удары как левой, так и правой рукой. Я думаю, он человек честный и принципиальный. Убежден, он не привлечет Мирну к уголовной ответственности, если не будет абсолютно уверен в ее вине. Предварительное слушание назначено на завтра.

— Думаешь, он выложит свои козыри? — спросил Дрейк.

— Только те, что необходимы для ее дальнейшего содержания под стражей, — ответил Мейсон. — Он действует напару со здешним окружным прокурором.

— Ты хочешь сказать, в прокуратуре собираются провернуть два процесса?

— Конечно, им не так-то просто будет связать эти два преступления, — сказал Мейсон, — даже при нынешних либеральных правилах, разрешающих показывать так называемую общую схему. Окружной прокурор во Фресно

может притянуть отравление Гортензии Пакстон под предлогом демонстрации мотива убийства Эда Дейвенпорта. Ну а лос-анджелесские законники постараются провести убийство Дейвенпорта как составную часть дела Пакстон. Возможно, поэтому они решили судить Мирну Дейвенпорт сначала во Фресно по обвинению в убийстве мужа.

— Все ясно, — сказал Пол Дрейк.

— А раз так, нам совершенно необходимо выяснить решительно все факты, и по возможности первыми.

— Это будет довольно сложно, — вздохнул детектив, — ты сам понимаешь, у здешних властей куда больше возможностей. Начиная с количества задействованных людей. В случае необходимости они могут поднажать, да и внутренне связи им тоже известны.

— Все равно я рассчитываю: они не понимают важности информации о Стэнтоне, необходимости как можно быстрее увязать ее с другими фактами.

— Кое-что уже установлено совершенно определенно. Эд Дейвенпорт работал над чем-то крайне важным, торопился проверить какую-то аферу. К сожалению, его жене ничего не известно.

— Вот некоторые данные об этой сан-бернардинской истории. Когда мы с Деллой двенадцатого числа были в Парадайзе, позвонил телефон. Звонили с платного переговорного пункта в Бейкерсфилде. Трубку сняла Делла. Какой-то мужчина, услышав ее «алло», произнес: «Пасифик Пэлисайдс мотор корт» в Сан-Бернардино, номер 13». И повесил трубку.

— Больше ничего?

— Одна фраза.

— Ну, — задумчиво протянул Дрейк, — ясно одно: этот мотель должен был быть использован для чего-то крайне важного. Далее. Зачем бы Дейвенпорту платить за номер, а потом устанавливать за ним наблюдение? В особенности если он намеревался занять его сам.

— Его жена убеждена: он не собирался там останавливаться, выехал из Фресно прямо домой.

— Ты не можешь полагаться на слова его жены, — покачал головой Дрейк. — Она заинтересованное лицо, не исключено — виновное.

— В телефонном звонке в Парадайз есть один примечательный момент, — заговорил Мейсон. — Я как-то не

сразу об этом подумал. Чувствовал какую-то странность, но в чем она заключается, дошло лишь теперь.

— Что ты имеешь в виду?

— Человек, звонивший из Бейкерсфилда, не спросил, говорит ли он с мисс Мейбл Нордж. Как только Делла произнесла «алло», он передал сообщение. Если бы звонил сам Эд Дейвенпорт, он сразу бы понял, что ему отвечает кто-то другой, не Мейбл Нордж. Уловил бы разницу в голосе, а если подумал, что ошибся, поспешил бы в этом удостовериться. К тому же мы теперь знаем, что в это время Эд Дейвенпорт был уже мертв.

Более того, если бы человек передавал послание в соответствии с инструкциями, естественно ожидать, что он предпринял бы какие-то шаги, чтобы убедиться, говорит ли он с тем человеком, который ему нужен.

— Он этого не сделал?

— В том-то и дело.

— Почему?

— Имеется единственный ответ, — медленно произнес Мейсон. — Он ничего не знал о положении вещей в Парадайзе. Не знал, кто такая Мейбл Нордж. Ее голос не был ему известен. Он просто позвонил, передал сообщение и быстренько повесил трубку.

Дрейк обдумал сказанное, затем согласился.

— И есть еще одна задача, — продолжал Мейсон, — необходимо хорошенько присмотреться к Саре Энзел. Так сказать, «просветить» ее со всех сторон.

— Верно. Сомнительная особа, — согласился Дрейк.

— Помни, — продолжал Мейсон, — Сара Энзел получила значительное наследство после смерти Гортензии Пакстон.

— Вообще-то довольно неожиданное, — уточнил Дрейк. — Она не могла не сомневаться, что Делано изменит завешание и включит ее.

— Да, она не могла быть уверенной, согласно тем сведениям, которыми мы располагаем в данный момент, — уточнил Мейсон, — но, когда мы добудем побольше информации, может оказаться, у нее имелись основания предвидеть, что случится именно так.

— Если она узнает о твоём намерении заняться ее персоной, она будет вне себя, — засмеялся Дрейк.

— В любом случае сия особа является источником постоянного беспокойства, — сердито произнес Мейсон. —

Собери всю информацию, которую сможешь, Пол. Пусть твои люди во Фресно приступают к работе. Завтра утром у нас предварительное слушание.

— Не слишком ли они торопятся?

— Я сам спешу и их подгоняю, — сказал Мейсон. — Хочу задать кое-какие вопросы до того, как окружной прокурор будет знать на них ответы.

— Будем надеяться, его ответы не погубят твою клиентку!

— Вот почему, Пол, я и прошу тебя бросить все остальные дела и заняться исключительно моими. Я не желаю задавать вопросы, которые спровоцируют пагубные ответы.

Глава 11

Было совершенно очевидно, что Талберт Вэндлинг, окружной прокурор Фресно, мог допустить любые ошибки, но недооценка Перри Мейсона в качестве противника исключалась.

Вэндлинг, спокойный, вежливый, невозмутимый и наблюдательный, начал излагать дело на предварительном слушании с той тщательной продуманностью, которая могла быть уже перед составом жюри присяжных.

— Моим первым свидетелем, — объявил он, — будет Джордж Медфорд.

Джорджем Медфордом оказался девятилетний мальчик с веснушчатой рожицей, смущающийся и забавный, с вытаращенными глазами и оттопыренными ушами, однако чувствовалось, он говорит правду.

— Где ты живешь? — спросил Вэндлинг.

— В Крэмптоне.

— Как давно ты там живешь?

— Три года.

— С отцом и матерью?

— Да, сэр.

— Как зовут твоего отца?

— Мартин Медфорд.

— Чем он занимается?

— У него есть станция обслуживания.

— В Крэмптоне?

— Да, сэр.

— Теперь, Джордж, я хочу спросить, ходил ли ты со своим отцом в одно место, приблизительно в трех милях от Крэмптона?

— Да, сэр.

— Ты был знаком с этим местом?

— Да, сэр.

— Где оно находится?

— Это маленький холм среди густого кустарника. Там растут еще невысокие дубочки, они повыше, и кустарники, полынь, что ли. Да вы знаете, они растут на всех пустырях.

— Ты там и раньше бывал?

— Да, сэр.

— Как ты туда добирался?

— На велосипеде.

— Туда ездил только ты один?

— Нет, сэр. И мои дружки.

— Кто именно?

— Джимми Итон.

— Джимми Итон — мальчик твоего возраста?

— На полгода старше.

— А он как попадал туда?

— Тоже на велосипеде. Как и все остальные ребята. Мы там часто собирались.

— Зачем вы туда ездили? Чем занимались?

— Играли.

— Зачем надо было забираться так далеко?

— Туда здорово ехать на велосипеде, там хорошая дорога, на которой почти не встречаются машины. Нам не позволяют ездить на велосипедах по шоссе из-за транспорта, а туда — пожалуйста, родители разрешают. На холме когда-то стоял старый дом, теперь он заброшенный, в нем поселились птицы... Там очень даже интересно играть, сэр.

— Как давно вы стали ездить туда?

— Точно не скажу, месяцев восемь-девять.

— Вы заметили, что там была вырыта яма?

— Да, сэр.

— Когда вы ее заметили?

— В первый раз мы ее увидели в пятницу.

— Ты имеешь в виду последнюю пятницу, девятого числа? — спросил Вэндлинг.

— Да, сэр. Наверное, так. Девятого. Да, правильно.

— В котором часу вы туда приехали?
— Где-то днем, часа в три или четыре.
— И что вы увидели?
— Эту яму.
— Можешь ты ее описать?
— Ну, большая такая яма.
— Что значит «большая», Джордж? Покажи руками, каковы ее размеры.

Мальчик протянул в стороны руки.

— Ты показываешь примерно размер в три с половиной фута, — определил Вэндлинг. — Это что? Длина или ширина ямы?

— Ширина, сэр.

— А длина?

— В нее можно лечь, вытянувшись во весь рост, и еще оставалось место.

— Ты хочешь сказать, вытянув прямо ноги, не поджимая их?

— Да, сэр. Я так и сказал, во весь рост.

— Какой она была глубины?

Джордж показал рукой себе до живота:

— Доходила до сих пор.

— Вы были там в четверг, восьмого числа?

— Нет, сэр.

— Были ли вы там в среду, седьмого?

— Да, сэр.

— Была ли там уже эта яма?

— Нет, ее не было.

— Что находилось в том месте, где появилась яма?

— Просто земля.

— Итак, когда вы приехали туда в пятницу в четыре часа, вы увидели яму?

— Да, сэр.

— Яма была вырыта полностью?

— Да, сэр.

— Что это была за яма?

— Хорошая яма.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, у нее были ровные края, углы тоже аккуратные, ровные. Очень хорошая яма.

— Где была земля, которую вынули из ямы, когда ее копали, Джордж?

— Она лежала кучей, с одной стороны ее лежало больше, с другой — чуть меньше.

— Ты имеешь в виду, не в конце ямы, а по обе ее стороны?

— Да, сэр.

— А что ты скажешь про дно ямы?

— Оно тоже было очень ровное. Хорошая яма, это уж точно.

— И девятого числа днем эта яма уже стояла готовой?

— Да, сэр.

— А в среду ее еще там не было?

— Да, сэр.

— Ездили ли вы все туда в субботу?

— Да, сэр.

— Что вы делали?

— Играли в этой яме.

— Как же вы в ней играли?

— Мы все прыгнули в нее, это был наш форт, и затаились на дне, чтоб нас не заметили враги. Мы не шевелились, думали, что к нам подойдут близко птицы... Ну и все прочее. Очень была хорошая яма!

— А в воскресенье вы туда ездили?

— Нет, сэр.

— В понедельник?

— Нет, сэр.

— Ездили ли вы туда во вторник, тринадцатого числа?

— Вы говорите про последний вторник?

— Да.

— Да, мы поехали туда.

— И что случилось?

— Вся яма была забросана землей.

— Ну и что вы сделали?

— Я сказал папе, что...

— Не надо пересказывать того, что ты ему сказал.

— Мы играли.

— А затем?

— Поехали домой.

— В тот день вы вернулись туда еще раз?

— Да, сэр.

— Через сколько времени после того, как вернулись домой?

— Примерно через час.

— Кто отправился с тобой?
— Мой папа и Джимми.
— Твой отец — это Мартин Медфорд, находящийся здесь, в суде?

— Да, сэр.

— Это все, — произнес Вэндлинг.

— Вопросов нет, — заявил Мейсон, — во всяком случае сейчас. Но хочу заявить, ваша честь, с некоторыми из свидетелей я, возможно, пожелаю встретиться еще раз для перекрестного допроса, если их показания нужно будет связать с важными для моей подзащитной моментами.

— Все эти свидетели очень важны, — вставил Вэндлинг. — Я могу заверить суд и коллегу: обвинение так же заинтересовано в раскрытии истины, как и защита. Поэтому мы не будем возражать против того, чтобы судья вызывал любого свидетеля по своему усмотрению для перекрестного допроса, если таковой уместен.

Судья Сайлер наклонил голову:

— Ол-райт, это будет учтено. Права защиты ни в коей мере не должны ущемляться.

— Моим следующим свидетелем будет Мартин Медфорд, — объявил Вэндлинг.

Мартин Медфорд показал, что он отец Джорджа; во второй половине дня тринадцатого числа мальчик, вернувшись домой, рассказал ему про обнаруженную детьми яму, которая теперь засыпана землей; он решил проверить эту историю, поэтому взял заступ и поехал вместе с сыном и Джимми Итоном к старому дому; на указанном ребятами месте почва была очень рыхлой, он принялся раскапывать яму и на глубине примерно в два с половиной фута наткнулся на препятствие; разбросав землю, он обнаружил человеческую ногу; после этого он немедленно прекратил раскопки и поспешил к телефону, чтобы поставить в известность шерифа.

— Приступайте к перекрестному допросу, — предложил Вэндлинг.

— Назад вы вернулись с шерифом? — спросил Мейсон.

— Да, сэр.

— И стояли рядом, пока яму откапывали?

— Да, сэр.

— Вы сами помогали откапывать?

— Да, сэр.

— Что было обнаружено?

- Тело мужчины.
- Как он был одет?
- В пижаму.
- И только?
- И только.
- Больше вопросов нет, — заявил Мейсон.

На свидетельское место прошел шериф и рассказал, как поехал вместе с двумя помощниками на место, указанное по телефону Мартином Медфордом. Там они отбросили рыхлую землю, которой, очевидно, недавно была заброшена яма, потому что земля не успела осесть. Она была совсем мягкой, хотя сверху слегка утрамбована.

В яме находилось тело Эдварда Дейвенпорта. Его перевозили в морг. Позднее шериф вернулся и очень тщательно исследовал рыхлую почву, чтобы установить размеры выкопанной ямы. Яма выкопана в достаточно плотной почве, на ней сохранились следы первоначальной выемки земли. Так что без особого труда удалось установить: яма размером три фута и пять дюймов на шесть футов аккуратно вырыта в форме совершенно правильного прямоугольника.

В ответ на специальный вопрос Вэндлинга шериф показал, что была предпринята попытка обнаружить следы, но благодаря отпечаткам велосипедов мальчиков и Мартина Медфорда, когда он раскапывал яму, все кругом было утоптанно, ничего значительного найти не удалось.

— Перекрестный допрос, — объявил Вэндлинг.

— Я не буду задавать вопросов, — ответил Мейсон. — Вызову свидетелей позднее в случае, если выясню нечто, не получившее до этого момента достаточного освещения.

— Все ясно. В таком случае это все, шериф, — подытожил Вэндлинг.

Следующим свидетелем был доктор Милтон Хокен. Он представился как специалист по судебной медицине и токсикологии и показал, что был вызван произвести вскрытие в морге вечером тринадцатого числа, обстоятельства помешали ему это сделать до полуночи, так что он приступил к вскрытию, как только смог освободиться от своих собственных пациентов.

Он увидел труп мужчины ростом пять футов и восемь дюймов, весом сто сорок фунтов, приблизительно тридцати пяти лет от роду, страдавшего артериосклерозом; но, очевидно, умершего от отравления. Он произвел несколь-

ко тестов и обнаружил наличие яда, в итоге пришел к заключению: смерть наступила от цианистого калия. До момента вскрытия человек был уже мертв от двадцати четырех до тридцати шести часов.

— Перекрестный допрос, — объявил Вэндлинг.

— Вы производили специальное тестирование на цианистый калий? — спросил Мейсон.

— Да, сэр.

— А на другие яды?

— Я проверял на мышьяк.

— Мышьяк был обнаружен?

— Нет, сэр. В значительных дозах — нет.

— Но сколько-то вы нашли?

— Недостаточно, чтобы иметь значение с медицинской точки зрения.

— Какие-нибудь другие яды вы нашли?

— Не нашел, сэр. Нет.

— Были ли жизненно важные органы удалены из тела?

— Да, сэр.

— Что с ними сделано?

— Они отосланы в лабораторию Калифорнийского университета для дополнительного исследования.

— Был ли получен ответ из университета?

— Нет, насколько мне известно.

— Таким образом, вы точно не знаете, что человек умер от отравления упомянутым ядом?

— В организме покойного находилось достаточное количество яда, чтобы привести к гибели, поэтому я сделал вывод: смерть наступила от отравления.

— Почему вы отослали органы в Калифорнийский университет?

— Чтобы иметь тщательно произведенный лабораторный анализ.

— Вы искали и другие яды?

— Да, я счел необходимым произвести общую токсикологическую проверку.

— Иными словами, вы не были убеждены, что смерть наступила от отравления цианистым калием?

— Нет, в этом я не сомневался. Но я хотел посмотреть, не было ли сопутствующих факторов: может быть, имелись указания на прием так называемых нокаутующих капель, или барбитуратов, с помощью которых было ос-

лаблено сопротивление организма этого человека, чтобы без труда ввести ему яд.

Мейсон, нахмурившись, обдумал ответ врача.

— Продолжайте, — подтолкнул судья Сайлер.

— Одну минуту, ваша честь, — попросил Мейсон. — Я думаю, открывается совершенно новая область.

— Не вижу, каким образом, — удивился судья.

— Совершенно очевидно, первоначально у шерифа имелась теория в отношении того, каким образом яд дан покойному, но что-то в выводах доктора Хокси не подтвердило ее.

— Нет, я не улавливаю связи, — прервал судья Сайлер. — Продолжайте допрос.

Мейсон подчинился.

— Искали ли вы признаки съеденного шоколада в желудке этого человека, доктор?

— Искал. Я старался проверить содержимое его желудка самым тщательным образом.

— И что же вы нашли?

— Человек умер приблизительно через час после того, как поел яичницу с беконом. Следов шоколада не обнаружено.

— Проверяли ли кровь на алкоголь, доктор?

— Да.

— И что нашли?

— Нашел пятнадцать сотых процента алкоголя.

— Не могли бы вы объяснить это доступно?

Доктор Хокси обстоятельно пояснил:

— Одна десятая процента алкоголя считается нормальным, но у человека начинают проявляться признаки медицинской интоксикации. При двух десятых он интоксцирован, у него эмоциональная неуравновешенность, процессы торможения сильно ослаблены.

— Таким образом, каковы ваши выводы относительно интоксикации у обследованного вами трупа с учетом процентного содержания алкоголя?

— Он находился в начальной стадии интоксикации.

— Он чувствовал воздействие алкоголя?

— Да.

— Внешне опьянение проявлялось?

— По всей видимости, для случайного наблюдателя — нет, но для специалиста — несомненно.

— Вы не сомневаетесь в том, что найден труп Эдварда Дейвенпорта?

— Никаких сомнений.

— Разрешите задать вам гипотетический вопрос, доктор. Допустим, если этот человек отравлен цианистым калием в шоколадной конфете, подобной тем, что найдены в коробке среди вещей мистера Дейвенпорта в мотеле в Крэмптоне, была бы его смерть почти моментальной?

— Она была бы очень скорой.

— Иными словами, в каждой конфете достаточно цианида, чтобы вызвать почти молниеносную смерть?

— Не в каждой конфете, мистер Мейсон. Некоторые содержали морфий и...

— Я не пытаюсь подстроить вам ловушку, доктор. Я говорю лишь о конфетах, содержащих цианид.

— Вы правы, сэр. Да.

— Прогресс симптомов потери сознания очень быстр после того, как человек проглотит такую дозу цианида, которая содержалась в конфетах?

— Да, сэр.

— Теперь, доктор, если человек умер от такой отравленной конфеты, разве вы не обнаружили бы остатков шоколада у него в желудке?

— Конечно, ситуация непонятная, — подтвердил доктор Хокси, — признаюсь, я поставлен в тупик.

— Так вы не обнаружили шоколада?

— Нет.

— Но было бы естественно его найти, если бы человек съел отравленную конфету?

— Откровенно говоря, я этого ожидал, если только он не надкусил конфету, почувствовал странный привкус и выплюнул шоколад, однако все же проглотил достаточно отравленной начинки из конфеты, чтобы умереть. Полагаю, именно так и случилось, но я не смог найти никаких вещественных доказательств, которые дали бы мне право настаивать на правильности моего заключения. Да и потом, я как-то не представляю, каким образом он тогда проглотил яд? Ведь в его желудке я обнаружил его столько, сколько находилось, как минимум, в двух конфетах, а не в одной.

— Короче, вы фактически не знаете, каким образом человек принял дозу яда, повлекшую за собой смерть?

— Да, сэр, этого я не знаю.

- Как давно он умер?
- Я не в состоянии точно установить. Приблизительно от двадцати четырех до тридцати шести часов до обнаружения трупа.
- Что показывает процесс трупного оцепенения?
- К моменту вскрытия оцепенение было ярко выражено в бедрах и ногах, но шея и плечи оставались гибкими.
- Что в отношении синюшности?
- Синюшность была хорошо развита, указывая на то, что положение тела не менялось после смерти, то есть вскоре после смерти.
- Как я понимаю, трупное оцепенение захватывает лицо, челюсти, затем постепенно распространяется ниже?
- Правильно.
- Сколько времени требуется для наступления полного трупного оцепенения?
- Это бывает по-разному, но при обычных условиях — от восьми до двенадцати часов.
- Когда тело окоченеет, трупное оцепенение исчезает?
- В основном это правильно. Да.
- Для достижения полного оцепенения требуется восемнадцать часов, так?
- По-разному.
- Доктор Ле Муан Снайдер в своей книге «Криминалистические исследования» утверждает, что в таких случаях, как вы описали, когда трупное оцепенение уже существует в бедрах и ногах, это является показателем наступления смерти за двадцать девять — тридцать четыре часа до этого.
- Я не знаком с этим трудом.
- Но вы сказали, что в своей сути это правильно?
- Вполне вероятно, да.
- Вы характеризовали состояние тела в то время, когда производили вскрытие.
- Правильно.
- Вскрытие произведено уже через некоторое время после того, как было найдено тело?
- Верно.
- Как я понял, оно производилось около полуночи?
- Да, сэр.
- Таким образом, вы характеризуете состояние тела в тот момент, когда видели его?
- Да, сэр.

— Таким образом, есть основания считать, что человек умер от двух часов до семи вечера предшествующего дня, то есть в понедельник, двенадцатого числа. Правильно?

— Правильно, но надо учитывать, что трупное оцепенение может развиваться почти немедленно, когда смерть наступила после борьбы, когда температура...

— В данном случае есть ли какие-то признаки борьбы?

— Нет. Никаких.

— Вы знакомы с признаками мышьякового отравления, доктор?

— Да, сэр.

— Каковы его симптомы?

— Жжение во рту и горле. Желудочные боли, сопровождающиеся тошнотой и рвотой. Обычно бывает понос. Иногда первые признаки запаздывают, но, как правило, симптомы появляются очень быстро после принятия еды.

— Благодарю вас, доктор, — откинулся на кресло Мейсон, — у меня больше нет вопросов.

Вэндлинг распорядился:

— Вызовите Гарольда Титуса.

Титуса привели к присяге. Будучи помощником шерифа, он специализировался на отпечатках пальцев. Присутствуя при обнаружении тела Эдварда Дейвенпорта в могиле, приблизительно в трех милях от Крэмптона, он взял отпечатки пальцев умершего и сверил с отпечатками на водительских правах.

— Проводили вы до этого расследование в Крэмптоне в связи с данным делом? — спросил окружной прокурор.

— Да, сэр.

— В котором часу оно проводилось?

— Приблизительно в половине четвертого двенадцатого числа.

— В понедельник?

— Да, сэр.

— Что вы обнаружили?

— Обнаружил запертую комнату, в которой, как предполагалось, заперт покойник. Когда дверь открыли, никакого тела в комнате не оказалось. Комната была пуста. Окно запахло. В комнате лежали мужская одежда, большой портфель и коробка с конфетами, а также бумажник с различными бумагами, удостоверяющими, что комнату занимал некто Эдвард Дейвенпорт.

- Вы видели обвиняемую, Мирну Дейвенпорт?
- Да, сэр.
- Сделала ли она какие-нибудь заявления относительно личности человека, занимавшего комнату?
- Да, сэр.
- Что она сказала?
- Комнату занимал Эдвард Дейвенпорт, ее муж.
- Она знала, в каком он состоянии?
- Он находился при смерти, когда приехала она и ее компаньонка, миссис Энзел.
- Говорила обвиняемая о том, что она и миссис Энзел заходили в комнату?
- Да. Они обе заходили в комнату, потом она ушла, вскоре после этого ее мужу стало хуже, дыхание сделалось поверхностным, пульс едва ощутимым, был вызван врач, который заявил, что положение больного очень серьезное. Врач находился при нем, когда он умер. Врач же запер помещение, ибо обстоятельства смерти не позволяли ему подписать свидетельство о смерти.
- Сделала ли обвиняемая дальнейшие заявления?
- Несколько. Она высказалась, будто по поведению доктора ей стало ясно, что он обвиняет ее в убийстве мужа, сама же она, естественно, это отрицает.
- Какова была ваша позиция в это время?
- Титус усмехнулся и не замедлил с ответом:
- Мы узнали, Эдвард Дейвенпорт был заправским пьяницей. Порыскали и нашли свидетеля, который видел, как кто-то в такой же джигаме, в которую был одет Дейвенпорт, вылез в окно, поэтому мы решили: парень протрезвел и удрал куда-то, чтоб опохмелиться.
- Ваши действия потом?
- По настоянию доктора Рено мы забрали ключ от комнаты и занялись дополнительным расследованием.
- Были ли наложены какие-нибудь ограничения на обвиняемую или ее компаньонку?
- Никаких.
- Чем они занялись?
- Заперлись в другом номере мотеля.
- Вы не давали им ключ?
- Нет, сэр.
- Ключ оставался у вас?
- Да, сэр.

— Были ли предприняты попытки установить наблюдение за обвиняемой?

— В то время — нет. Позднее — да.

— Почему?

— Ну, обвиняемая сказала нам, что останется на ночь в мотеле, но примерно, точно не знаю, да, около семи часов менеджер позвонил нам, мол, она и миссис Энзел уехали. Мы проследили их до Фресно и узнали об их отлете самолетом в Сан-Франциско.

— Как вы поступили?

— Мы позвонили в Сан-Франциско, чтоб там ее встретили при посадке и установили за ней наблюдение.

— Это было сделано?

— Да, но теперь я знаю только факты из донесений.

— Я понимаю и не буду спрашивать о сделанном кем-то другим. Скажите, когда вы в следующий раз видели обвиняемую?

— Уже четырнадцатого числа.

— В какое время?

— В половине пятого дня.

— Где вы ее увидели?

— В вашем офисе.

— У вас состоялся с ней разговор?

— Да, сэр.

— Что сообщила вам обвиняемая о коробке конфет, которая была ей предъявлена?

— Она приобрела эту коробку и положила ее в дорожный портфель мужа, тот всегда возил ее с собой, так как был запойным пьяницей. Временами он чувствовал непреодолимое стремление к спиртному, но, когда съедал конфету, не одну, а порядочное количество, ему удавалось перебороть в себе эту тягу.

— Она призналась вам в покупке этих конфет?

— Да, сэр.

— Вы спросили ее, открывала ли она коробку и обрабатывала ли как-то конфеты?

— Она объяснила мне, что просто приобрела шоколад и положила его в портфель мужа не открывая, в таком виде, как коробка была получена в кондитерской. Она сняла внешнюю упаковку, так как купила две одинаковые коробки, но целлофановую обертку на них не нарушала.

— Вы обследовали эту коробку шоколада?

- Да, сэр.
- С целью обнаружения скрытых отпечатков пальцев?
- Да, сэр.
- И какой результат?
- Нашли две конфеты, на которых имелись следы правого большого и указательного пальца обвиняемой.
- Вы смогли их сфотографировать?
- Да, сэр.
- У вас фотографии с собой?
- Да, сэр.
- Пожалуйста, покажите их адвокату обвиняемой, после чего я намерен их причислить к вещественным доказательствам.
- Не возражаю, — заявил Мейсон, торопливо взглянув на фотографии.
- Позднее вы присутствовали при том, как эти две конфеты проверялись на наличие яда?
- Присутствовал.
- Вы каким-нибудь образом отметили эти конфеты?
- Да, сэр. Мы прикрепили по маленькому кусочку бумаги к нижней стороне конфет, написав на одной из них номер один, а на второй — номер два. Кроме того, я поставил свои инициалы.
- После чего обе конфеты проверены на яд?
- Да, сэр.
- Перекрестный допрос, — с удовлетворением объявил Вэндлинг.
- Мейсон словно соскучился и с нетерпением ожидал момента заговорить:
- Известно ли вам, что обнаружено в этих конфетах?
- Только понаслышке.
- «Понаслышке» от токсиколога, проводившего экспертизу?
- Да, сэр.
- Но вы находились в то время там?
- Да, сэр.
- Что он сказал?
- В двух конфетах находится цианистый калий, а в остальных — мышьяк.
- Вам известно, что при мышьяковом отравлении смерть наступает довольно медленно?
- Да, сэр.

— А при цианиде очень быстро?

— Да, сэр.

— Вы не пытались выяснить, почему эти две шоколадки с молниеносно действующим ядом лежали попеременно с конфетами, начиненными медленно действующим ядом?

— Нет, сэр. Я спросил об этом обвиняемую, но она упорно настаивала, что не вскрывала коробку и не дотрагивалась ни до одной конфеты.

— Это все, — удовлетворился Мейсон, — больше вопросов не имею.

— Приглашаю Сару Энзел, — объявил Вэндлинг.

Сара Энзел, сидевшая в конце зала, выступила вперед и воинственно заявила:

— Я не хочу быть свидетелем в этом деле. И не знаю ничего такого, что может хоть чем-то помочь обвинению. Молодая женщина, которую вы тут судите, племянница моей сестры. Бедная девочка невиновна.

— Подойдите сюда, вас приведут к присяге, — попросил Вэндлинг.

— Я уже сказала, не хочу быть свидетелем. Я...

— Подойдите сюда и клянитесь говорить одну только правду, — строго произнес судья Сайлер, но так как Сара Энзел еще колебалась, добавил: — В противном случае вас будут судить за неуважение к суду. Вы вызваны в качестве свидетеля, присутствуете в суде. Так выходите вперед.

Сара Энзел медленно пошла через вращающуюся калитку в отсек для адвокатов и свидетелей и поднялась на возвышение. Она протянула правую руку, приняла присягу, постаралась улыбкой приободрить Мирну, после чего уселась и посмотрела на Вэндлинга.

— Вы Сара Энзел? — спросил тот. — В настоящее время проживаете в Лос-Анджелесе с подсудимой в доме, который ранее принадлежал Уильяму Делано. Это так?

— Верно! — фыркнула женщина.

— В каком родстве вы находились с Уильямом Делано?

— Я не состояла с ним в кровном родстве. Моя сестра была женой брата Уильяма.

— Они оба умерли?

— Да, оба.

— Какие родственники были у Делано, когда он умер?

— Никого, кроме Мирны, если не считать меня родственницей.

- Он считал вас невесткой?
- Да, сэр.
- Как часто вы видели Уильяма Делано при жизни?
- Довольно часто.
- А незадолго до смерти вы его видели?
- Да, конечно.
- За сколько дней до смерти?
- Приблизительно за месяц.
- Можете ли вы описать условия в доме Делано в то время? Кто там находился?
- Я и его племянница Гортензия, а также Мирна и Эд Дейвенпорт. Мирна приехала помочь Гортензии.
- Вы говорите о Гортензии Пакстон?
- Да, сэр.
- Что случилось с Гортензией Пакстон?
- Она умерла.
- А Уильям Делано умер уже после нее?
- Да, сэр.
- Приблизительно через какой срок после смерти мисс Пакстон?
- Через две недели с небольшим.
- Эти две недели он сильно болел?
- Да, сэр.
- За это время он составил новое завещание?
- Не знаю.
- Он не говорил вам в присутствии обвиняемой, Мирны Дейвенпорт, об изменении завещания?
- Не совсем так. В дом приехали адвокаты для составления документа. Он был очень больным человеком.
- По новому завещанию вы унаследовали кое-какие деньги, не так ли?
- Вас это не касается.
- По его последнему завещанию вы получили сколько-то денег, не так ли?
- Отвечайте на вопрос! — прогремел со своего места судья.
- Да, сэр! — в тон ему ответила миссис Энзел.
- Сколько?
- Сто тысяч долларов и пятую часть дома.
- Когда вы впервые познакомились с обвиняемой, Мирной Дейвенпорт?
- Когда приехала навестить Уильяма Делано.

- Она проживала в то время в его доме?
- В то время — нет. Она находилась там, помогала Гортензии, но...
- Одну минуточку. Вы имеете в виду Гортензию Пакстон, его племянницу, которая скончалась?
- Да, сэр.
- Гортензия Пакстон вела дом, смотрела за хозяйством, руководила слугами и обслуживала Уильяма Делано?
- Да, все точно.
- Так продолжалось некоторое время?
- Она жила у него более двух лет... Гортензия — его любимица. Они были очень близки.
- Вскоре после того, как вы приехали навестить Уильяма Делано, Мирна Дейвенпорт переехала на жилье к нему? Правильно?
- Все не так просто. То есть нельзя делить вот так на какие-то периоды. Мирна сначала приехала с визитом помочь Хорти по хозяйству...
- Под «Хорти» вы имеете в виду Гортензию Пакстон?
- Естественно.
- Хорошо, продолжайте.
- Так вот, она приехала навестить дядюшку, помогала Хорти, потом решила вернуться домой, вот не помню, то ли перед самым моим приездом, то ли сразу после него. Но так или иначе, они с Эдом, это ее муж, уступили настоятельным просьбам Хорти и поселились в доме.
- Однако мистер Дейвенпорт продолжал работать в своем офисе, который находился в этом же штате, в Парадайзе, где они с Мирной Дейвенпорт до этого жили?
- Да, так все и было.
- Сначала Эд Дейвенпорт тоже находился в доме мистера Делано вместе с женой?
- Да, сэр.
- Сколько времени?
- Весьма недолго.
- После вашего приезда и после смерти мистера Делано мистер Дейвенпорт начал отлучаться из дома на продолжительное время, не так ли?
- О каком доме вы говорите?
- В то время это был особняк, в котором скончался Уильям Делано, не так ли?
- Очевидно. Да.

— Именно этот особняк я и называю домом, а здание в Парадайзе я именую конторой. Офисом.

— Понятно.

— Вскоре после того, как вы окончательно перебрались в этот дом, вы заметили, что мистер Дейвенпорт частенько отсутствовал, не так ли?

— Я не знаю, куда вы клоните и чего стараетесь добиться, но я отвечу вам совершенно откровенно: мы с Эдом Дейвенпортом не ладили. Но это не имело ничего общего с его поездками. Он не любил меня точно так же, как я его. Из этого никто не делал секрета, хотя я изо всех сил старалась быть с ним любезной, но он считал, будто я настраиваю Мирну против него. Фактически я лишь пыталась раскрыть Мирне глаза на то, что творилось.

— А что творилось?

— Он смешивал деньги Мирны со своими, не считаясь с ее мнением и желанием, тратил их по собственному усмотрению, причем расчеты были до того запутаны, что бедняжка даже не представляла, остался ли у нее вообще хоть какой-то капитал. Когда мы стали интересоваться его недвижимой собственностью, прибылью, которую он имеет от шахт, чем занимается, сколько личных денег Мирны вложено в эти предприятия и в какие именно, каков размер ее дивидендов, он либо замолкал, либо вскакивал с места и выбегал из комнаты. А вскоре после этого отправлялся в очередную «деловую поездку». Ну а если пытались по-настоящему его прижать, то слышали целый набор уклончивых ответов, из которых ровным счетом ничего нельзя было понять. Я догадывалась о его делишках, а он понимал, что я открыла тайные мысли.

Сара Энзел воинственно хмурилась, глядя на Вэндлинга.

— Так вы знали о его делах?

— Конечно. Слава богу, не вчера родилась на свет.

— Каким образом вы могли знать?

— Очень просто: задавая ему вопросы и выслушивая ответы, наблюдала за тем, как он ведет себя, и все такое.

— А он догадывался об этом?

— Разумеется. Я не делала из этого никакого секрета. То есть я задавала ему совершенно откровенные вопросы, значение которых нельзя истолковать иначе.

— В присутствии его жены?

— Естественно. Ведь я как раз и добивалась того, чтобы у нее открылись глаза.

— И надо думать, вы разговаривали отдельно с его женой?

— Да, сэр.

— Советовали ей обратиться к адвокату?

— Да, и это тоже.

— Что еще?

— Советовала нанять частного детектива, чтобы установить за ним наблюдение. Он шлялся по всей стране, просил Мирну уложить ему чемодан, распоряжаясь таким тоном, будто она его служанка, и сообщал об отъезде на одну из шахт. Не называя, разумеется, какую именно. Представьте, какая удобная формулировка: «на одну из шахт»?

— У него их было несколько?

— Он приобрел их, прикарманив деньги Мирны. На деньги Делано он сумел развернуться. Причем как ловко, знали бы вы! Все сделки были так запутаны, что сам черт не смог бы в них разобраться!

— Он спекулировал на деньги жены?

— Разумеется, на чьи же еще! Своих денег у него не было. У него была пара каких-то сомнительных шахт, которые ему удалось приобрести по дешевке, поскольку они убыточные. А вот после того, как умер Уильям Делано, Эд сразу превратился в крупного промышленника. Он получал огромные кредиты под залог денег, принадлежавших жене. Он заставил ее получить колоссальную ссуду в банке, а потом окунулся с головой в спекуляции ценными бумагами Мирны, чтобы иметь свободные наличные деньги. Банковский же счет Мирны полностью исчерпан.

— Вам известно, как он осуществлял операции? Советовался ли с миссис Дейвенпорт? Получал ли ее согласие?

— Нет, конечно. Он просто заставил ее положить все деньги на общий счет, из которого она брала средства только на хозяйство да изредка себе на платье или какой-то другой пустяк.

— Вы предупреждали миссис Дейвенпорт об этом?

— Разумеется!

— Таким образом, скажем, неделю назад у Мирны Дейвенпорт были все основания не доверять своему мужу, ненавидеть его и желать убрать со своей дороги, не так ли?

— Постойте, что это вы делаете? На каком основании вы вкладываете мне в рот такие слова?

— Я всего лишь суммирую сказанное вами... Вы говорили миссис Дейвенпорт, что муж растрчивает ее деньги?

— Да, много раз.

— И проводит время с другими женщинами?

— Я это подозревала.

— И запустил руку в унаследованное ею состояние, практически присвоив его, и что в результате его финансовых махинаций она может вообще все потерять?

— Ну, я употребляла не в точности эти слова.

— Но суть вашей речи была такова?

— Да, сэр.

— Примерно десять дней назад Эдвард Дейвенпорт объявил об отъезде в свой офис в Парадайзе?

— Да, сэр.

— И попросил жену уложить его чемодан?

— Да, попросил.

— Про конфеты что-нибудь говорилось?

— Он попросил купить свежие конфеты, прежние съел почти все, в коробке остались две или три штуки.

— Вам известно, как поступила миссис Дейвенпорт в отношении конфет и укладки вещей в чемодан?

— Сама я этого не видела, но позднее узнала, что она купила две коробки.

— И одна из этих коробок была положена мужу в чемодан?

— Полагаю, что так, своими глазами, разумеется, я этого не видела.

— Вам что-нибудь известно о наличии у миссис Дейвенпорт ядов?

— Она очень увлекается садом и сама приготавливала какие-то смеси для опрыскивания цветов и деревьев. Пользовалась рецептами и советами из справочника для садоводов-любителей.

— Был ли у нее мышьяк и цианистый калий?

— Не знаю.

— Вы когда-нибудь говорили с ней о ядах?

— Ну... да.

— И она сообщила вам, что у нее имеется мышьяк и цианистый калий?

— Она сказала мне, у нее кое-что есть для опрыскивания.

— Сказала ли она вам, что у нее был мышьяк и цианистый калий?

Мейсон заметил:

— Ваша честь, похоже, коллега предпринимает попытку подвергнуть допросу собственного свидетеля.

— Она враждебно настроенный свидетель, — уточнил Вэндлинг.

— Возражение не принято, — заявил судья. — Совершенно очевидно, миссис Энзел является враждебно настроенным свидетелем.

— Сообщила ли обвиняемая вам, что у нее имеется мышьяк и цианистый калий? — в третий раз переспросил Вэндлинг.

— Да, сэр.

— Обсуждала она с вами свою попытку спрятать яды, когда зарыла их в землю, чтобы власти не смогли найти?

Наступило долгое молчание.

— Отвечайте на вопрос! — поторопил Вэндлинг.

— Да, — произнесла очень тихо Сара Энзел.

— И вы фактически видели, как она закапывала в саду пакетики, содержащие эти яды?

— Она не хотела, чтобы ее мучили бесконечными допросами и...

— Вы действительно видели, как она зарывала яды?

— Я видела, как она копает яму, а что она в нее положила, я не знаю.

— Сказала ли она вам, что туда положила?

— Да, потом.

— Что, по ее словам, она туда бросила?

— Яды.

— Теперь припомните события двенадцатого числа, понедельника. Вы и миссис Дейвенпорт находились в доме Делано?

— Да.

— Утром, примерно в девять часов, вам позвонил доктор из Крэмптона, некто Херкимер С. Рено.

— Да, такой звонок был.

— С доктором разговаривали вы или Мирна Дейвенпорт?

— Я.

— Что сказал вам доктор Рено?

— Он просил позвать миссис Дейвенпорт. Я ответила, что он говорит с теткой Мирны Дейвенпорт и что я могу передать ей любое сообщение. Он объяснил, это важная новость, касающаяся ее мужа.

— Относительно данного телефонного разговора, — Вэндлинг обратился к судье, — допускаю, это доказательства, основанные на слухах, но...

— Я не возражаю, — прервал его Мейсон, — продолжайте.

— Хорошо. Каково содержание вашего разговора?

— Доктор Рено сообщил мне: Эд Дейвенпорт находится в мотеле в Крэмптоне и очень серьезно болен, у больного высокое кровяное давление и уплотнение артерий, поэтому он считает желательным, чтобы миссис Дейвенпорт прибыла туда как можно быстрее.

— Я не хочу терять время на выяснение подробностей, — пояснил Вэндлинг, — но вы с миссис Дейвенпорт тут же собрались в дорогу, заказали билеты на самолет, который прибывал во Фресно после полудня. Поймали такси, затем уговорили миссис Дейвенпорт заехать в контору адвоката. И вы действительно заехали к Перри Мейсону, не так ли?

— Да, сэр.

— До этого вам стало известно, что мистер Дейвенпорт оставил какое-то письмо, которое следовало доставить полицейским в случае его смерти?

— Он обвинял Мирну, ох, во многих вещах и предупредил ее, что оставил письмо, которое должно быть доставлено полицейским в случае, если с ним что-то случится.

— И вы отправились в контору Перри Мейсона вместе с миссис Дейвенпорт и поручили мистеру Мейсону съездить в Парадайз и раздобыть это письмо, чтобы его нельзя было передать полицейским в случае смерти мистера Дейвенпорта? Дело обстояло таким образом, да?

— Одну минуточку, ваша честь, — заговорил Мейсон. — Я вынужден возразить; ибо ответ на данный вопрос требует обнаружения конфиденциальных сведений, сообщаемых клиентом адвокату.

— Вы сами не нанимали мистера Мейсона, не так ли? — спросил Вэндлинг у Сары Энзел.

— Я? Нет, конечно. Зачем мне адвокат?

— А Мирна Дейвенпорт наняла?

— Она говорила ему, что надо делать.

— И вы тоже, не так ли?

— Понимаете, Мирна была взволнована, и она...

— И поэтому вы сказали адвокату, что он должен сделать, так?

— Ну, возможно, я кое-что объяснила...

— Вы присутствовали во время их разговора?
— Да, конечно.
— Расскажите нам, что говорилось во время этой беседы.
— Возражаю. Вы требуете сведений, не подлежащих разглашению, — громко заявил Мейсон.
— Это не так, поскольку при разговоре присутствовал третий человек, — возразил Вэндлинг.

Судья Сайлер покачал головой:

— Ответ на данный вопрос требует изложения инструкций, полученных мистером Мейсоном как адвокатом от миссис Дейвенпорт.

— Да, ваша честь, в присутствии Сары Энзел, третьего лица.

— Я не думаю, что это допустимо, — изрек судья Сайлер.

— Прошу извинить суд, я могу привести авторитетные мнения по данному вопросу, — заупрямился Вэндлинг. — Я считаю, это совершенно законно.

Судья нахмурился, он не терпел возражений.

— Прекрасно, я изучу мнение авторитетов, но на это требуется время. Мне не по душе идея воспользоваться данными, сообщенными клиентом адвокату.

— Я дам вашей чести необходимые...

— Подождите минутку, — попросил судья Сайлер. — Я займусь этим вопросом после полудня. И тогда можно будет вернуться к данному вопросу. Разве вы не можете отозвать этого свидетеля и вызвать другого?

Вэндлинг с неудовольствием сдался:

— Да, полагаю, это можно сделать.

— Прекрасно. У нас имеется вопрос. И возражение мистера Мейсона. Вы располагаете мнением авторитетных лиц. После перерыва мы вернемся к данному вопросу, тогда будет ясно, должна ли свидетельница отвечать или нет, а защитник сможет продолжить перекрестный допрос.

— Все ясно, — сдался Вэндлинг, — я не возражаю. Миссис Энзел, вы можете вернуться в зал.

Сара Энзел гневно сверкнула глазами в сторону Вэндлинга.

— Но никуда не уезжайте из города, — предупредил прокурор. — Не забывайте, вы вызваны повесткой. Поэтому обязаны оставаться в сфере досягаемости суда на протяжении всего процесса. И вам следует явиться в зал заседаний после дневного перерыва.

— Да, — предупредил судья Сайлер, — не вздумайте отсюда уехать. Вы должны находиться во Фресно до конца судебного разбирательства. Вы понимаете?

Миссис Энзел высокомерно взглянула на него.

— Понимаете? — раздраженно переспросил судья.

— Да, — недовольно бросила женщина.

— Вызывайте следующего свидетеля, мистер Вэндлинг.

— Теперь я вызываю доктора Рено.

Доктор Рено, щедушный человек лет пятидесяти, всем своим видом показывая, что он врач, поднялся на место для свидетелей и посмотрел на окружного прокурора холодными глазами, которые ровным счетом ничего не выражали. Очевидно, подобная манера держаться была специально отработана. Вне всякого сомнения, он бывал на месте для свидетелей неоднократно и приготовился взвешивать вопросы и ответы с ловкостью «бывалого солдата».

— Ваше имя Херкимер Рено? — спросил Вэндлинг.

— Совершенно верно. Да, сэр.

— Вы имеете лицензию на право заниматься врачебной деятельностью в данном штате в качестве врача-терапевта?

— Да, сэр.

— Где вы практикуете, доктор?

— В Крэмптоне.

— Сколько времени вы там живете?

— Около трех лет.

— Утром двенадцатого числа вас вызвали к пациенту, который находился в мотеле Крэмптона?

— Да, сэр.

— Кто был этот пациент?

— Эдвард Дейвенпорт.

— В то время вы были с ним знакомы?

— Нет, сэр.

— Видели ли вы тело Эдварда Дейвенпорта после того, как оно было извлечено из земли, но до вскрытия?

— Да, сэр.

— Присутствовали ли вы при вскрытии?

— Нет, сэр.

— Увиденное вами тело было телом человека, которого вы лечили двенадцатого числа?

— Да, сэр.

— Беседовали ли вы с обвиняемой двенадцатого числа этого месяца?

— Да, сэр.
— Видела ли она человека, которого вы лечили?
— Да, сэр.
— Назвала ли она этого человека?
— Да, сэр.
— Кто, по ее словам, это был?
— Эдвард Дейвенпорт, ее муж.
— Теперь я хочу, чтобы вы в точности описали процесс вашего лечения и состояние мистера Дейвенпорта.

— Ну, — начал доктор Рено, — я не могу этого сделать, не повторив сказанного мне пациентом...

Вэндлинг, предвидя возражения со стороны адвоката, стал весьма пространно объяснять, почему, по его мнению, в данном случае можно отступить от правил, но Мейсон прервал его с улыбкой.

— Я ничего не имею против, коллега, — заявил он. — Приступайте.

Вэндлинг усмехнулся:

— Теперь я вижу, ваша честь, защита ведет умную игру. Она хочет, чтобы мы показали все наши козыри.

— Я хочу ознакомиться с фактами, — согласился Мейсон.

— А я хочу разобраться в фактах, — фыркнул Вэндлинг, несколько обескураженный спокойствием Мейсона.

— В таком случае прекратите пикироваться, — рассердился судья. — Отвечайте на вопрос, доктор. Сообщите о случившемся. Можете упомянуть, что говорил вам пациент.

Доктор Рено расправил плечи:

— Он сказал мне, что съел конфету и ужасно разболелся. Это его жена пыталась его отравить.

— Он уточнил, когда съел конфету?

— Приблизительно в семь часов утра.

— В котором часу вы его осматривали?

— Между восемью и девятью.

— Он связывал конфету с болезнью?

— Да, сэр.

— И что он вам точно сказал?

— Его жена, мол, отравила одну из своих родственниц, чтобы получить деньги умирающего дядюшки, недавно он раздобыл доказательства этого, а теперь решила отделаться от него, но он попытался принять меры предосторожности и оставил письмо, так что, если что-нибудь с ним случится, власти узнают о происшедшем.

— Как вы поступили?

— Сначала я лечил его от пищевого отравления, посчитав, что его подозрения могут быть и преувеличенными. Потом допустил, возможно, его на самом деле отравили. Во всяком случае, человек слабел на глазах, а когда увидел его крайне тяжелое состояние, я позвонил жене. Она приехала вместе с какой-то родственницей.

— Вы им сказали, что мистер Дейвенпорт при смерти?

— Я им сказал о его серьезной болезни.

— И дальше?

— Где-то от двух до трех дня они вызвали меня по телефону, я помчался в мотель. Войдя в комнату, я увидел, что мистер Дейвенпорт умирает. Я проверил пульс. Попытался дать ему сердечное, но он не реагировал. Он слабел на глазах и внезапно умер.

— Как вы поступили дальше?

— Я сказал миссис Дейвенпорт: ввиду таких обстоятельств не могу подписать свидетельство о смерти, мне необходимо сохранить доказательства. Запер дверь и ушел.

— Что вы предприняли?

— Поставил в известность власти.

— А затем?

— Когда я вернулся с представителями администрации, труп исчез.

— Одну минуту, доктор, — поднял руку Вэндлинг. — В каком смысле исчез?

— Труп увезли, — заявил доктор Рено с ученым видом. Сделав приличествующую делу паузу, он повторил медленно и внушительно: — *Труп увезли.*

— Какие факты заставляют вас так говорить, доктор?

— Но ведь трупы не встают и не уходят из комнаты.

— Вы уверены в смерти мистера Дейвенпорта?

— Я знаю, он умер. Я видел, как он умирал.

— Бывали случаи, когда допускались ошибки и состояние комы признавалось за смерть?

— Полагаю, такое вполне могло быть, но лично я таких ошибок не допускал. И мне думается, если заняться подобными случаями, то выяснится: ошибки допускались только в тех случаях, когда у человека было каталептическое состояние или же летаргия, ну и врач констатировал смерть. Короче говоря, если врач стоит возле умирающе-

го человека и наблюдает за его агонией, а не приезжает уже после смерти, он не может ошибиться.

— Сколько времени вы отсутствовали? — спросил Вэндлинг.

— Отсутствовал?

— Да, сколько времени прошло с того момента, когда вы объявили миссис Дейвенпорт о смерти ее мужа и покинули мотель, до вашего возвращения туда с представителями власти?

— Полагаю, около часа.

— В таком случае вы готовы заявить, что мистер Дейвенпорт был мертв. В котором часу это случилось, доктор?

— Он умер где-то от половины третьего до трех часов дня. Я не посмотрел на часы в этот момент, но это уже и не столь важно. Я готов заявить без колебаний: труп вынесен каким-то человеком или людьми из того помещения, где умер мистер Дейвенпорт и оставался после моего ухода.

— Перекрестный допрос, — объявил Вэндлинг.

Мейсон заговорил не сразу, в упор разглядывая врача:

— Давайте внесем полную ясность. Вы в первый раз видели Эда Дейвенпорта между восемью и девятью часами утра?

— Совершенно верно.

— И он сказал вам, что заболел приблизительно в семь часов утра?

— Да, сэр.

— Каковы были признаки его недуга, когда вы его осматривали в первый раз?

— Он страдал от ужасной слабости в результате резкого упадка сил, изнеможения. Состояние, близкое к коллапсу, то есть полному упадку сил.

— Были признаки мышьякового отравления?

— В то время — нет. По словам Дейвенпорта, его сильно рвало, тошнота не проходила, иногда рвота возобновлялась, теперь уже одной слюной, так как он освободился от всего, что съел, его било как в лихорадке, не проходили желудочные колики.

— Это не признак мышьякового отравления?

— Мистер Мейсон, если человек проглотил мышьяк где-то до семи часов утра, после чего почти сразу же началась рвота, я бы считал, что его состояние могло быть таким, как он описал.

— Значит, в этот момент Дейвенпорт заявил вам, что подозревает свою жену в попытке его отравить?

— Весьма недвусмысленно.

— Он съел шоколадную конфету из коробки, которую положила ему в портфель жена, поэтому был уверен, что отравился конфетой?

— Да, сэр.

— Объяснил ли он вам, как случилось, что в семь часов утра он лакомился конфетами?

— Да, сэр. Иной раз у него бывали длительные запои, поэтому очень часто, когда появлялось непреодолимое желание выпить спиртного, он справлялся с этим, съев большое количество ликерных конфет.

— Итак, стоило ему почувствовать недомогание, он заподозрил конфеты? — спросил Мейсон.

— Ну, вообще-то он выразил это иначе, но, как я понял, дело обстояло именно так. Да, сэр.

— Когда вы осматривали его, он был в шоковом состоянии? Депрессия и все такое?

— Да, сэр.

— Состояние не улучшалось?

— Нет, сэр.

— Вы считали возможным наступление конца?

— Да, сэр.

— От истощения и шока, а не от мышьякового отравления?

— Да, сэр, учитывая его общее физическое состояние.

— Поэтому вы вызвали его жену?

— Да, сэр.

— Вы знакомы с симптомами цианистого отравления?

— Да, сэр.

— Далее. Как случилось, доктор, или, скорее, как вы объясните такой факт: если человек подозревал в девять часов утра, что первая проглоченная им конфета отравлена, он решился съесть вторую в три часа дня?

— Ох, одну минуточку, — вмешался Вэидлинг. — Это спорный вопрос!

— Я хочу услышать мнение врача, — пояснил Мэйсон.

Судья Сайлер, принимавший довольно пассивное участие в происходившем, очевидно надеясь, что стороны сами разберутся, переводил глаза с одного на другого.

— Он этого не делал! — отрезал доктор Рено.

— Чего не делал? — спросил Мейсон.

— Не ел второй конфеты.

Вэндлинг, махнув рукой, уселся и с улыбкой сказал:

— Ну, продолжайте. Кажется, доктор продвигается вперед весьма успешно.

— Вы слышали свидетельство доктора Хокси о смерти от отравления цианистым калием?

— Да, сэр.

— Вы не согласны с подобным выводом?

— Я никогда не спорю с заключением патологоанатома, производившего вскрытие.

— Прекрасно, — наклонил голову Мейсон. — Выходит, человек умер от отравления цианистым калием? Вы видели, как он скончался. Вам известны симптомы. Так у него появились признаки цианистого отравления или нет?

— Нет, сэр. Нет.

— Таких признаков не было? — уточнил Мейсон.

— Нет! — ответил доктор Рено, стискивая зубы.

— В таком случае вы не думаете, что причиной его смерти явился яд?

— Одну минутку, мистер Мейсон. Это другой вопрос. Я считаю, яд явился причиной смерти.

— Но вы думаете не о цианистом калии?

— Да, сэр, я считаю, Дейвенпорт умер от сильнейшего шока, последовавшего за отравлением мышьяком, который к тому времени, когда наступила смерть, в основном был удален из организма.

— Не спешите, — покачал головой Мейсон. — Вы занимались этим человеком. Вы видели, как он умер?

— Да, сэр.

— И вы считаете, он умер от цианистого калия?

— Нет, сэр, не считаю.

— Одну минуточку, ваша честь, — заговорил Вэндлинг. — Возникает ситуация, которой я не предвидел. Надо признать, я не допрашивал доктора Рено относительно причины смерти Эда Дейвенпорта, не сомневаясь, что наличие яда, обнаруженного при вскрытии, полностью отвечает на вопрос, из-за чего умер этот человек.

— Сейчас вы имеете возможность допросить его дополнительно, — предложил Мейсон. — Я задаю доктору специфические вопросы при перекрестном допросе. И получаю

специфические ответы. Я хочу, чтобы эти ответы были за-
протоколированы.

— Да, конечно, их запротоколируют, — заверил Вэн-
длинг.

— Вы стараетесь опротестовать мой перекрестный до-
прос? — поинтересовался Мейсон.

Вэндлинг взял себя в руки и согласился:

— Нет, продолжайте, коллега. Давайте выясним факты,
какими бы они ни были.

Мейсон повернулся к Рено:

— Давайте внесем полную ясность в это дело, доктор.
Вы видели, как умер ваш пациент?

— Да, сэр.

— Вы знакомы с симптомами отравления цианистым
калием?

— Да, сэр.

— Вы не думаете, что он умер от данного яда?

— Я абсолютно уверен! В наличии не было ни одного из
типичных симптомов. Его смерть вызвана слабостью, шоком
и неспособностью оправиться от проглоченного яда.

— Вы сами не знаете, какую гадость он проглотил?

— Я знаю то, что он мне говорил. И знаю, какие сим-
птомы имелись в наличии.

— Но большинство симптомов описано больным, так?

— Ну он, естественно, описал мне свое самочувствие.
Врачи всегда задают подобные вопросы.

— Откуда вы знаете о принятии какого-то яда?

— Его состояние совпадало с описанным им самим.

— Он сказал вам о попытке жены отравить его. Он ска-
зал также, что съел одну конфету из коробки и вскоре после
этого...

— Немедленно после этого, — поправил врач.

— Ол-райт, немедленно после того, как он съел конфе-
ту из коробки, у него начались боли, понос и рвота?

— Да, сэр.

— И по мнению Дейвенпорта, это было вызвано мы-
шьяковым отравлением?

— Отравлением, да. Вроде бы он не упоминал мышьяк.
Хотя да, вроде бы упомянул. Да.

— Вы сами его упомянули?

— Возможно.

— Покойный какое-то время находился в Парадайзе?

- Так он сказал.
- Он ехал домой в Лос-Анджелес?
- Да, сэр.
- И он сказал вам, что съел конфету и тут же заболел?
- Я повторил это уже много раз. Да, сэр. Мне кажется, я отвечал на данный вопрос в той или иной форме неоднократно.
- Но вы не знаете, что он съел такую конфету?
- Только с его слов.
- Вы сами не видели, что он съел конфету?
- Нет, сэр.
- Но вы знаете твердо: Дейвенпорт не умер от отравления цианистым калием?
- Симптомы его недомогания ни в чем не совпадали с симптомами, которые следовало бы ожидать от такого яда. Нет, сэр, цианистый калий здесь ни при чем...
- Пойдем с вами немного дальше, доктор. Вы показали, что Эд Дейвенпорт обрисовал симптомы отравления?
- Да, сэр.
- И его состояние совместимо с таким отравлением?
- Да, сэр.
- И когда вы оставили человека около трех часов дня, он был мертв.
- Да, сэр.
- Если дело обстояло так, то *где он раздобыл яичницу с беконом, которую доктор Хокс обнаружил в его желудке, съеденные, по мнению врача, незадолго до смерти?*
- Вас интересует мое мнение? — спросил доктор Рено.
- Я вас спрашиваю.
- По моему мнению, его жене удалось, уже не знаю каким образом, уговорить его поесть после того, как она осталась с ним наедине. И именно эта пища явилась причиной его смерти.
- Каким образом?
- Не знаю. Я не одобрил бы такой пищи. В его состоянии ему требовалась жидкая еда, ничего твердого, ничего тяжелого. Фактически я ввел ему внутривенное питание.
- Каким образом человек, умирающий от шока, слабости и истощения, может сидеть в постели и есть яичницу с беконом? — спросил Мейсон.
- Не могу сказать. Не знаю.
- У вас на это не существует объяснения?

— Нет, сэр.

— Можете ли вы сказать, что состояние больного не позволяло ему пообедать яичницей с беконом?

Доктор Рено заговорил деловито:

— Нет сомнений, труп, вскрытие которого производилось, есть тело того человека, который был моим пациентом. Я, конечно, не мог предполагать, что он способен съесть такую пищу. Несомненно, ему нельзя было разрешать это делать. Поскольку яичница была обнаружена в его желудке, значит, он ее съел. Я ни за что бы не поверил, что такое возможно.

— Ол-райт, давайте упорядочим наши с вами выводы, — сказал Мейсон. — Как врач вы знаете: человек не умер от отравления цианистым калием?

— Убежден, нет.

— Вы сами не знаете, что он ел шоколадные конфеты?

— Да, сам я этого не видел и не знаю.

— Вы также сами не знаете, что он проглотил какой-нибудь яд?

— Ну... ну, конечно, я не могу присягнуть. Меня при этом не было.

— Вы досконально знаете, доктор, Эдвард Дейвенпорт мог страдать от пищевого отравления. Он мог приписать это действию яда, якобы подсыпанного ему его женой, в чем он мог ошибаться.

— Ну...

— Часто случается — не так ли, доктор? — что человек, страдающий от пищевого отравления, воображает, что была предпринята попытка его намеренно отравить, забывая о недоброкачественной пище.

— Полагаю, с этим можно согласиться.

— Вы никогда не сталкивались с подобными случаями в своей практике?

— Я — да, сталкивался...

— И вы знаете, Эдвард Дейвенпорт умер не от отравления цианистым калием?

— Уверен в этом.

— Это все, — произнес Мейсон.

— Подождите минутку, — остановил доктора, начавшего было спускаться, Вэндлинг. — Я хочу вас допросить, доктор. Ведь я разговаривал с вами до этого, правда?

— Да, сэр.

— Вы ни разу не упомянули о том, что смерть Дейвенпорта не была вызвана отравлением цианистым калием?

— Вы же не задавали такого вопроса, — ответил Рено. — При объяснении я сказал: как мне казалось, жена дала ему яд, доза оказалась смертельной, человек мог вполне скончаться от того, что незадолго перед его смертью ему была введена дополнительная доза яда, наложившаяся на предыдущую. Я употребил слово «яд», но не говорил «цианистый калий», а вы не просили уточнить. Но я обратил ваше внимание: причиной смерти могло явиться и то, что организм Дейвенпорта не смог справиться с шоком от действия яда, проглоченного с шоколадной конфетой примерно в семь часов утра.

— Верно, это вы говорили, — признал Вэндлинг, — но теперь ответьте на совершенно конкретный вопрос: считаете ли вы, что Дейвенпорт мог умереть не от отравления цианистым калием?

— Такого вопроса вы мне не задавали. Я не вижу оснований конфликтовать с другим врачом до тех пор, пока мне не будет задан такой вопрос, на который неизбежен прямой ответ. Мистер Мейсон задал мне конкретный вопрос, и я дал на него конкретный ответ. Я находился при смерти больного. Она могла быть вызвана каким-то ядом, который подействовал на сердце, или же она явилась следствием ранее введенного яда, но никаких симптомов цианистого отравления я не наблюдал за все то время, пока находился с мистером Дейвенпортом.

— Известно ли вам, сколько цианида обнаружено при вскрытии в желудке покойного?

— Да.

— Этого количества достаточно, чтобы вызвать смерть?

— Вне всякого сомнения.

— Обождите... Получается, если этот человек не умер от цианистого отравления ранее, он все равно умер от него. В его организме было столько цианида, что он все равно его бы убил, даже если вы не считаете причиной его смерти цианистый калий.

— Возражаю против данного вопроса, — заявил Мейсон, — он спорный, двусмысленный и весьма неясный. Вопрос заключается вовсе не в том, от чего мог бы умереть этот человек. Но что является причиной его смерти.

— Я тоже так считаю, — изрек судья Сайлер, — и подерживаю возражение на вопрос, поставленный в такой форме.

Вэндлинг заговорил раздраженно:

— Ваша честь, это чрезвычайно необычная ситуация. Доктор Хокси — исключительно квалифицированный специалист в области токсикологии. Он обнаружил в организме покойного достаточно яда, чтобы вызвать смерть. Он конкретно указал: это цианистый калий, быстродействующий яд. Доктор же Рено придерживается другой точки зрения, то есть мистер Дейвенпорт умер не от цианистого отравления. Конечно, это всего лишь его личное мнение.

— Он врач и имеет право на собственное мнение, — строго изрек судья.

— К тому же он является *вашим* свидетелем! — добавил Мейсон.

— Ваша честь, я считаю, при данных обстоятельствах обвинение имеет право просить продолжения расследования. В известном смысле я связан именно тем, что доктор Рено является моим свидетелем... В протоколе черным по белому записано: по его мнению, мистер Дейвенпорт не умер от цианистого отравления.

— И, — подхватил Мейсон, — ваш собственный врач не обнаружил следов шоколада в желудке умершего.

— Я хочу вновь вызвать доктора Хокси и задать ему несколько дополнительных вопросов, — заявил Вэндлинг.

— Возражений нет? — спросил судья.

— Никаких возражений! — воскликнул Мейсон.

— Уступите место доктору Хокси, доктор Рено. Пожалуйста. Доктор Хокси, вы уже приведены к присяге. Я просто хочу задать вам один вопрос.

Доктор Хокси поднялся на место для свидетелей. Была задета его профессиональная гордость, и он был вне себя от возмущения.

— Вы слышали показания доктора Рено? — спросил Вэндлинг.

— Слышал! — рявкнул Хокси.

— Есть ли у вас какие-нибудь сомнения относительно причины смерти в данном случае?

— Абсолютно никаких. Человек, которого я вскрывал, умер от отравления цианистым калием.

— Иными словами, в его желудке находилось достаточно цианистого калия, чтобы вызвать его гибель?

— Да, сэр.

— Теперь я задам вам другой вопрос. Он довольно-таки надуманный и весьма отвратительный. Возможно ли откачать содержание желудка трупа?

— Можно, конечно.

— Так. Можно ли после этого накачать что-то другое в желудок трупа?

Доктор Хокси заколебался.

— Сейчас вы спрашиваете меня, — сказал он наконец, — не предполагаю ли я, что именно это проделано в данном случае?

— Я спрашиваю вас вообще о подобной возможности.

— Полагаю, вообще-то это возможно. Однако я должен указать, Эдвард Дейвенпорт умер от действия цианистого калия. Не только присутствовал яд, но были в наличии все признаки такого отравления: состояние горла, характерный запах и прочие симптомы. Лично я считаю, человек умер практически мгновенно, проглотив большую дозу яда. Он пил спиртное примерно за час до смерти. Он также ел яичницу с беконом в это же время.

Вэндлинг повернулся к судье:

— Ваша честь, я пытаюсь разобраться в фактах по данному делу. Надо же как-то привести к общему знаменателю эти два противоречащие заключения свидетелей.

— Что касается меня, ничего противоречивого в моих показаниях нет. Я уверен, человек умер от цианистого отравления, — заговорил доктор Хокси. — Все симптомы налицо. Большое количество яда. Ни один человек не смог бы остаться в живых, проглотив столько отравы, сколько обнаружено при вскрытии. И что бы ни говорили в опровержение, я буду отстаивать свою точку зрения.

— Есть ли у вас дополнительные вопросы по перекрестному допросу, коллега? — обратился Вэндлинг к Мэйсону.

— Вы предполагаете, яд был в шоколадной конфете? — спросил тот.

— Нет. Я думаю, смерть наступила очень быстро. Кроме того, я не обнаружил никаких следов шоколада, хотя очень тщательно обследовал содержимое желудка, как раз разыскивая признаки того, что покойный ел эти конфеты.

— Каким образом, по-вашему, яд попал в организм?

— Я сомневаюсь, что он поступил вместе с пищей. Его могли подмешать к виски. В крови найден алкоголь, а в желудке — виски... У меня имеется еще одна теория, на правильности которой я не буду настаивать.

Мейсон обдумал его ответ и спросил:

— Не заключается ли эта теория в том, что покойнику могли дать смертельную дозу яда под видом лекарства?

— Да, сэр.

— У меня все, доктор, — с удовлетворением заявил Мейсон.

— Всего один вопрос у меня, доктор, — поспешно пробормотал Вэндлинг. — В таком случае вы считаете, что обвиняемая дала Эдварду Дейвенпорту яд под видом лекарства?

— Нет.

— Как? Мне казалось, вы сейчас говорили о возможности введения цианида в качестве лекарства?

— Я это сказал, но только не миссис Дейвенпорт, она не находилась рядом с Дейвенпортом в соответствующее время. Я убежден, Эдвард Дейвенпорт прожил максимум две минуты после приема яда.

— У вас есть еще вопросы, коллега? — обратился Вэндлинг к Мэйсону.

— Никаких, — ответил Мейсон. — Вы прекрасно работаете со свидетелями. Продолжайте и дальше в том же духе.

— Я бы просил отложить слушание, — предложил Вэндлинг. — Уже время перевалило за полдень, ваша честь. Суд обычно прерывает работу до трех часов. Я бы просил о перерыве до четырех часов дня.

— У защиты нет возражений? — осведомился судья.

— Ввиду сложившихся обстоятельств — нет, — согласился Мейсон. — Если обвинение желает, мы могли бы перенести заседание на десять часов утра завтрашнего дня.

— Я бы предпочел, чтобы эта просьба не исходила от обвинения, — после недолгого раздумья пробормотал Вэндлинг.

— Хорошо, я вношу такое предложение, — без колебаний объявил Мейсон.

— Прекрасно!

Судья поднялся со стула:

— По просьбе защиты слушание дела откладывается на завтра на десять часов утра. Обвиняемая остается в камере предварительного заключения. Суд отложен.

Мейсон внимательно посмотрел на Вэндлинга.

— Знаете, меня предупреждали, что я должен быть готов ко всякого рода неожиданностям, имея дело с вами, но за всю свою карьеру я впервые сталкиваюсь с подобной чертовщиной!

— Что вы намереваетесь делать?

— Не знаю, — вздохнул Вэндлинг. — Я был уверен, все трудности позади... я ее уже практически связал по рукам и ногам. Но благодаря показаниям доктора Рено мне придется сильно попотеть, чтобы обвинить ее перед жюри.

— Ну, во всяком случае, вы откровенны.

— С вами бессмысленно хитрить и изворачиваться, — снова вздохнул Вэндлинг. — Вы не хуже меня знаете, что бы случилось, если бы в присутствии присяжных разыгралось нечто в этом роде.

— Вы собираетесь прекратить дело?

— Не думаю. Я попал в эту историю с закрытыми глазами. Теперь, думаю, мне, возможно, удастся обойтись в дальнейшем без показаний доктора Рено, заставив вас вызывать его в качестве свидетеля защиты.

— Ну а дальше?

— Дальше, — продолжил Вэндлинг, понизив голос, — я подвергну сомнению его профессиональную компетентность. Сомневаюсь, чтобы его высоко ценили в здешнем врачебном мире. Он приехал издалека. Немолодой мужчина, а практикует в Крэмптоне всего три года. Если не ошибаюсь, в прошлом у него были неприятности из-за наркотиков. Вот почему доктор Хокси так возмущился, что его выводы подвергает сомнению доктор Рено.

— Похоже, доктор Рено абсолютно уверен в своей правоте, — заметил Мейсон.

— Даже слишком!

— Ну и потом, разумеется, — добавил адвокат, — нельзя забывать о сенсационном моменте, до которого пока не дошло. Труп, вылезаящий из окна, — это не пустяк!

Вэндлинг моментально нахмурился, вспомнив промах полицейских:

— Странное дело. Кто-то смог протолкнуть тело через окно, а затем сыграл роль мертвеца. Я попросил отсрочки, потому что у меня возник один план. Вы бы удивились, узнав, о чем я думаю сейчас.

— Может быть, я и не знаю доподлинно, о чем вы думаете, — усмехнулся Мейсон, — но готов поспорить на пять долларов, что догадываюсь о ваших следующих действиях.

— Неужели?

— Позвонить окружному прокурору в Лос-Анджелес и сказать, мол, вы столкнулись с техническими трудностями в деле, поэтому, по вашему мнению, будет разумнее, если жюри в Лос-Анджелесе предъявит Мирне Дейвенпорт обвинение в убийстве Гортензии Пакстон и сначала осудит ее там за данное преступление.

Вэндлинг откинул голову и захохотал.

— Ну, меня предупреждали, что вы будете предвидеть каждый мой шаг... С вашего разрешения, я пойду позвоню.

Когда Вэндлинг отошел, Мейсон повернулся к полицейскому:

— Одну минуту, я хочу поговорить с моей подзащитной прежде, чем вы отведете ее в тюрьму.

Он взял миссис Дейвенпорт за руку и отвел ее в опустевший угол зала.

— Вы меня уверяли, что не прикасались к коробке с конфетами?

— Мистер Мейсон, я сказала правду. Я не открывала коробку, даже не снимала с нее целлофана.

— Отпечатки ваших пальцев обнаружены на конфетах.

— Тут что-то не так. Видимо, это не мои отпечатки. Их как-то подделали.

— Вопрос о подделке отпечатков пальцев довольно часто возникает, — сурово произнес Мейсон, — но такие предположения еще ни разу не оправдывались.

Мирна Дейвенпорт опустила глаза и тихим голосом произнесла:

— И все же это не мои отпечатки. Их не может там быть.

— Вы не раскрывали коробку с конфетами?

— Нет, конечно.

Откуда-то из конца зала прибежала Сара Энзел.

— Мистер Мейсон, — замахала она рукой, — могу ли я с вами поговорить?

Миссис Энзел протиснулась через турникет и вошла в отгороженное пространство для членов суда, не дожидаясь согласия адвоката.

— Мистер Мейсон, я знаю, я точно знаю, Мирна не сделала ничего того, что ей приписывают. Она не кормила Эда яичницей с беконом. Он вообще ничего не ел, пока мы были там. Он был в полузабытьи, едва говорил, а Мирна после ухода доктора Рено не входила в комнату. И она...

Мирна холодно посмотрела на Сару.

— Уходите! — сказала она решительно.

Сара Энзел замахала руками:

— Мирна, моя дорогая, я же пытаюсь помочь тебе.

— Вы сделали все, что было в ваших силах, чтобы предать меня.

— Мирна, ты понимаешь, о чем ты говоришь?

— Разумеется.

— Ты не можешь быть такой жестокой. Ты расстроена и возбуждена. Послушай, Мирна, моя дорогая, я знаю, как твои отпечатки оказались на конфетах... Ты дала Эду нераспечатанную коробку, положила ее в чемодан. Но в гостиной-то находилась точно такая же вторая коробка, наполовину пустая. Мы с тобой лакомились этими конфетами. В гостиной были даже две такие коробки, кто-то переложил оставшиеся конфеты в одну из них. Поэтому отпечатки твоих пальцев остались на некоторых конфетах. Эд, очевидно, забрал эту коробку и добавил из нее конфет в свою. Или же забрал с собой обе. Пока он был в Парадайзе, он, видимо, съел полностью конфеты из новой коробки, вторая же оставалась у него в портфеле. А это была сборная из двух коробок. Я практически могла бы присягнуть, что дело обстояло таким образом.

Не сказав ни слова, Мирна повернулась к полицейскому.

— Будьте любезны, проводите меня в тюрьму, — попросила она. — Я очень устала.

Полицейский увел Мирну.

Повернувшись к Мейсону, Сара Энзел сердито заговорила:

— Ну и как вам это нравится? Я изо всех сил стараюсь ей помочь, а вместо благодарности получаю пощечину.

— Надо признать, — холодно отпарировал адвокат, — вы сделали все, чтобы помочь администрации Лос-Анджелеса возбудить против нее дело.

— Это потому, что я потеряла голову от волнения и... бедное дитя! Она же никогда и мухи не обидела. Я так сожалею. Я ужасно переживаю из-за того, что натворила,

мистер Мейсон! Но конечно, я не соглашусь подставлять другую щеку для очередной пощечины. Что за дурочка! Ведь если бы не я, Эд Дейвенпорт оставил бы ее без centa. А потом бросил бы. Я в этом не сомневаюсь. Уж кого-кого, а мужчин я изучила.

— Вы еще проживете здесь какое-то время? — сухо спросил адвокат.

— Конечно. Вы же слышали слова судьи? Я обязана здесь торчать.

— Возможно, мне потребуется с вами еще потолковать.

— Вы найдете меня в отеле «Фресно».

— Не исключено, может появиться необходимость уточнить кое-какие подробности относительно конфет.

Глава 12

Перри Мейсон, Делла Стрит и Пол Дрейк собрались в номере адвоката в отеле «Калифорния».

— Ну, — заговорил адвокат, — наконец-то картина проясняется.

— Проясняется? — воскликнул детектив. — Да положение до того запутано, что в нем никто не в состоянии разобраться.

— Не горячись, Пол! — возразил адвокат. — Теперь уже совершенно ясно: Эда Дейвенпорта мог убить один-единственный человек.

— Ты имеешь в виду Мирну?

— Каким образом Мирна смогла бы его убить? Не говори ерунды.

— Очень даже просто. Приехав в Крэмpton, она дала ему дозу цианида, затем вызвала доктора Рено, заявив, что положение мужа крайне тяжелое.

— Ну и как бы она отделалась от тела?

— У нее был сообщник, который протиснул труп через окно, после чего обрядился в пижаму с красными крапинками и выскочил наружу, когда удостоверился в наличии свидетеля, причем на порядочном расстоянии, так что ему была видна мужская фигура, а лицо он рассмотреть не мог.

— Весьма интересно, — усмехнулся адвокат. — Но откуда она могла знать, что муж заболит, когда придет в Крэмpton?

— Ей было безразлично, когда и где он заболел, — поморщился Дрейк. — Она ухватила за представившуюся возможность от него избавиться, он заболел, вот она и дала ему яд. Она поступила бы точно так же, если бы он заболел в Фресно, Бейкерсфилде, Парадайзе или же в Тимбукту.

— Замечательно. Но ты не учиываешь могилку. Откуда миссис Дейвенпорт могла знать, что в трех милях от города имеется готовая могила?

— Потому что она ее выкопала.

— Когда?

— Возможно, она съездила туда за неделю и выкопала ее сама или поручила сделать своему сообщнику.

— В таком случае она должна была знать, что муж заболел в Крэмптоне в тот самый момент, когда туда приедет.

Дрейк почесал голову.

— Н-да, будь я проклят! — пробормотал он.

— Кто же тогда его убил? — спросила Делла Стрит.

— Тот, кто знал, что он заболел по прибытии в Крэм-птон, — намекнул Мейсон.

— Но кто бы это мог быть?

— У меня есть соображения. Лично я считаю, всего один человек имел возможность предвидеть случившееся.

— Кто? — спросила Делла.

Мейсон посмотрел на секретаря, ее глаза ждали ответа.

— В данный момент я не хочу ничего предсказывать. Нам необходимо поискать дополнительные доказательства, пока наш приятель Талберт Вэндлинг спорит с окружным прокурором в Лос-Анджелесе.

— Спорит? — переспросила Делла.

— Безусловно, — подтвердил Мейсон. — Не воображай, будто окружной прокурор Лос-Анджелеса горит желанием взять в свое производство дело Дейвенпортов.

— Почему нет?

— Потому что ход процессу был дан во Фресно, здешние власти попытались обвинить Мирну Дейвенпорт, а затем неожиданно отступились и дали задний ход, когда выяснилось, что факты-то не слишком убедительны. Конечно, окружной прокурор в Лос-Анджелесе может показать, что Гортензия Пакстон умерла от яда, после ее смерти Мирна Дейвенпорт выиграла в финансовом отношении, в ее доме имелись какие-то яды и вдобавок она пыталась их спрятать

после того, как узнала об эксгумации тела Гортензии Пакстон.

— Серьезное дело! — воскликнул Пол Дрейк.

— Дело серьезное, но не бесспорное, — возразил Мейсон. — Всего один-два дополнительных факта в пользу защиты, и в лучшем случае мнение присяжных разделится.

— Какие факты ты можешь раздобыть в пользу своей подзащитной?

Мейсон хитро подмигнул и выложил совсем уж непонятное:

— Отравление Эда Дейвенпорта.

— Что ты имеешь в виду?

— Лицо, отравившее его, очевидно, отравило и Гортензию Пакстон.

— Не хочешь ли объяснить?

— При других обстоятельствах окружной прокурор попробовал бы и то и другое. Если бы он считал, что вину Мирны можно доказать, он использовал бы старый прием демонстрации сходства преступлений и все такое. Но теперь защита потребует доказать все факты, голословное обвинение ничего не даст. И если обвинению не удастся найти объяснения, если, к примеру, не будет вызван в качестве свидетеля доктор Рено, повиснет в воздухе факт выскочившего из окна мужчины в пижаме, люди заподозрят нечистую игру, и Мирну не осудят.

— Так, — протянул Дрейк, — значит, окружной прокурор в Лос-Анджелесе скажет Вэндлингу: раз начал дело, то и заканчивай его.

Мейсон вытянул губы, что должно было означать: «без сомнения».

— Что же будет делать Вэндлинг? — спросил Дрейк.

— Полагается раздобыть дополнительные доказательства. Если ему это не удастся, он будет вынужден закрыть дело.

— Почему?

— Взгляни на дело по-другому, — предложил Мейсон. — Мирна Дейвенпорт положила конфеты в чемодан мужа. Конфеты отравлены, в них содержался мышьяк и цианистый калий. Доктор Рено может присягнуть: пациент сообщил ему о симптомах мышьякового отравления, он не умер от цианистого калия.

Зато он не может присягнуть, что у пациента на самом деле имелись признаки мышьякового отравления. Ему это

известно только со слов самого Дейвенпорта, а это сообщение, основанное на слухах, судом в расчет не принимается.

Доктор Хокси покажет под присягой: Дейвенпорт умер от цианистого отравления, в желудке покойного он не смог обнаружить никаких следов шоколадных конфет. Получается, Дейвенпорт не скончался от отравленных конфет. Единственным связующим звеном между Мирной и смертью Дейвенпорта являются эти конфеты.

— Так чем мы занимаемся? — спросил Дрейк.

— Мы отправляемся на машине к могиле близ Крэмптона, — сообщил Мейсон, — ну и там поищем.

— Что именно?

— Где был припаркован шестиколесный автомобиль.

— Шестиколесный автомобиль? — переспросил Дрейк.

— Правильно.

— Это еще что такое? — поразила Делла Стрит.

— Самый обычный автомобиль с домиком-прицепом.

— До меня не дошло, — пожаловался Дрейк.

— А затем мы попытаемся разыскать Мейбл Нордж.

— Зачем?

— Мы хотим допросить ее.

— Где и как ее искать?

— У тебя есть ее описание, Пол?

— Высокая брюнетка лет двадцати семи — двадцати восьми, хорошо сложена, не полная, серые глаза, узенькие, ниточкой брови.

— Чтобы найти ее, ты отправишься в Сан-Бернардино и проверишь все отели и мотели. Тебе придется кому-то поручить связаться с местным окружным прокурором в Бьютте или же найти кого-то из его офиса.

— А это-то для чего?

— Я думаю, она будет поддерживать связь.

— Почему? Откуда у тебя такие мысли?

— Она не хочет находиться в бегах, но в то же время не желает, чтобы ее отсутствие неправильно истолковали. Поэтому я предполагаю, она позвонила окружному прокурору и сообщила ему, где он может ее отыскать, но попросила никому не давать ее адрес.

— Считаешь, окружной прокурор Бьютта ее защитит?

— Думаю, попытается.

— Почему?

— Он использует ее либо в качестве отвлекающего момента, либо как последний козырь, в зависимости от того, что будет выгоднее. А то, что ему одному известно ее местонахождение, усиливает его позиции.

— О'кей, Перри, — вздохнул Дрейк. — Ну а чего ты хочешь от меня сейчас?

— Направь своих людей в Сан-Бернардино. Я хочу разыскать Мейбл Нордж. Но смотри, чтобы она не встревожилась, пусть и дальше чувствует себя в полной безопасности. Я почти не сомневаюсь, она уже звонила или позвонит окружному прокурору, а он велит оставаться там, где она находится. Я не хочу, чтобы стало известно о наших поисках. Задача не слишком сложная. В отелях, как правило, останавливаются жильцы временно, на день, редко на два. Молодая привлекательная особа, прожившая уже несколько дней, не останется незамеченной.

— О'кей, еще?

— Мы с Деллой поедem к могиле, порыскаем вокруг, посмотрим... Домой вернемся, я думаю, вскоре после того, как ты разберешься с Сан-Бернардино.

— А как с Сарой Энзел? — поинтересовался Дрейк. — Она в полном смысле слова преследовала меня, настаивала на встрече, упорно твердила, что она лучший друг Мирны и жаждет все уладить.

— Оставь ее в покое, Пол. Бог с ней, больше она уже навредить не сможет.

— Тебе хорошо говорить, — усмехнулся детектив. — Я-то ее оставлю в покое с большим удовольствием, но как добиться того, чтобы она оставила в покое меня?

— Самым правильным было бы стукнуть ее по голове дубинкой... Пошли, Делла, время дорого.

Делла Стрит вместе с Перри Мейсоном доехали на машине до Крэмптона, затем свернули с дороги, обозначенной на карте, предъявленной на дознании Вэндлингом, к тому месту, где находилась могила.

Несколько любопытных все еще находились поблизости. На земле видны были следы ранее припаркованных машин. Пустые коробочки из-под пленки объясняли, откуда взялось такое множество следов: десятки ног утрамбовали землю вокруг неглубокой могилы.

— Делла, если моя теория верна, то где-то неподалеку был припаркован автомобиль с домиком-прицепом. Он,

возможно, находился здесь дня два-три. Я хочу найти место, где он стоял.

Делла Стрит приподняла брови:

— Если ваша теория верна?

— Именно так.

— А какая, хотелось бы знать, у вас теория?

— Пошли, Делла. Не лишай меня моего триумфа.

— В каком смысле?

— Если окажусь прав, то смогу указать Полу Дрейку простые элементы рассуждения, на основании которых он без моей помощи разберется, в какой последовательности все происходило.

— А если вы ошибаетесь?

— Если я ошибаюсь, — усмехнулся адвокат, — а ты заранее не знакома с моей теорией, я как-нибудь упомяну, дескать, у меня была одна версия, но, по всей вероятности, она не основана на фактах, я не стану занимать время разговорами о ней.

— Полу Дрейку можете так сказать, но разве вы не собираетесь поступить в отношении меня по-другому? — обиженно спросила Делла.

— В том-то и дело, я заинтересован в том, чтобы проинформировать тебя даже лучшее впечатление, чем на Пола Дрейка.

— Вам не надо для этого ничего делать. Вы прекрасно знаете, какого я высокого мнения о вас!

— В конце-то концов, Делла, ты не стала бы требовать от фокусника, чтобы он объяснил тебе, как он намерен проделать очередной трюк, до того, как ты его увидишь. Это бы лишило его номер и блеска, и загадочности.

— Убрав загадочность, вы все равно не лишите свои «трюки» блеска! — искренне воскликнула Делла. — Но если вы хотите, чтобы я помогла вам блуждать среди этих зарослей в поисках места, где стояла машина, лучше скажите, зачем это вам понадобилось.

— Давай посмотрим вот с какой точки зрения, Делла. Вся схема убийства зависела от факта: кто-то должен был знать, что Эдвард Дейвенпорт серьезно заболел сразу же после того, как выедет из Фресно, а к тому времени, когда доберется до Крэмптона, он настолько ослабеет, что даже не сможет ехать дальше. Ему придется остановиться в мотеле и вызвать врача. В противном случае не про-

изошло бы убийство. Оно не было бы запланировано, во всяком случае до такой степени — уже была готова могила.

— Вот так. Вы говорили об этом, шеф.

— Кто же этот человек? Кто мог знать, что Дейвенпорт разболеется в совершенно определенном месте и в определенное время?

— Мейбл Нордж, секретарша? — высказала предположение Делла Стрит.

— Я тебе сказал все необходимое, Делла. А теперь за работу. Отправляйся на поиски следов машины с прицепом с восточной стороны холма, а я осмотрю западную. Но не заходи особенно далеко. Следы, по моим расчетам, должны находиться где-то на расстоянии от сотни до двухсот ярдов от могилы. Если ты на кого-нибудь наткнешься или заметишь за собой слежку, сразу зови меня.

Делла Стрит заколебалась:

— Так вы мне больше ничего не объясните?

— Ты сама, возможно, найдешь какие-нибудь ниточки... Уж коли я задумал вынуть кролика из шляпы, я не хочу, чтобы моя аудитория зевала мне в лицо. Ты даже не представляешь, какое удовольствие я получаю от этого расследования!

— Тщеславный самодур! — воскликнула сердито девушка, повернувшись на каблуках и пошла под уклон по холму, кое-где поросшему кустарником.

Мейсон подождал несколько секунд, затем отправился в противоположном направлении, медленно спускаясь вниз зигзагами и зорко вглядываясь в землю.

Через пятнадцать минут Мейсон вернулся на вершину холма и громко свистнул, вызывая Деллу. Несколько минут он нетерпеливо прислушивался и совсем было вознамерился отправиться на поиски девушки, когда до него донесся издали ее ответный крик.

Мейсон свистнул еще раз и стал торопливо пробираться через кустарник. Наконец он увидел следы Деллы, засвистел в третий раз и услышал ее окрик. Пройдя ярдов пятьдесят, он вновь засвистел, Делла отозвалась.

— Господи, Делла, я не хотел, чтобы ты заходила так далеко. Что бы случилось, если бы ты натолкнулась на ка...

— Я иду по горячему следу! — крикнула она в ответ.

Мейсон побежал к ней со всех ног. Делла показала ему автомобильные следы, отчетливо видные в мягкой почве.

— Ого! — воскликнул адвокат.

— Это следы джипа, — уверенно заявила Делла. — Это что-нибудь значит?

— Возможно.

— Теперь вам не нужен домик-прицеп?

— Не знаю. Едва ли... Давай пройдем по колее.

— В каком направлении?

— Где ты их заметила, Делла?

— Приблизительно в сотне футов от холма, как я думаю.

— В таком случае пойдем в кустарники.

Прошагав еще с сотню ярдов, они неожиданно оказались на открытой местности среди кустов, куда с шоссе вела едва заметная, но вполне проезжая дорога. На этой полянке, судя по следам, и стоял домик-прицеп. Сохранилась даже яма, намытая стоком из отверстия трубы, выходявшей наружу за левым задним колесом.

Делла Стрит отвесила церемонный поклон:

— Великолепно, мистер Мейсон, теперь вы извлекли кролика из шляпы. Обнаружили, где стоял жилой автоприцеп. Что мы делаем теперь?

— Теперь мы отметим это место. Вернемся во Фресно. Попросим Пола Дрейка направить сюда двоих самых надежных и наблюдательных оперативников с заданием прочесать все вокруг и собрать все вещественные доказательства.

— Вещественные доказательства?

Мейсон ткнул пальцем в кучку консервных банок:

— Вообще все. Каждую мелочь, необходимо произвести тщательную инвентаризацию этого места прежде, чем с ним что-то случится.

— Почему бы нам этим не заняться?

— У нас есть другая работа, — сообщил Мейсон. — Нам нужно срочно выехать в Сан-Бернардино.

— После того как вы нас изрядно ошарашили, вытащив кролика из шляпы, скажите, как вы узнали, что он находится в шляпе?

Мейсон погрозил девушке пальцем:

— Ты еще не ответила на мой вопрос, Делла.

— Какой вопрос?

— Кто был тот единственный человек, который мог знать следующее: Эдвард Дейвенпорт собирается выехать

из Фресно в семь часов утра; он сильно разболеется, как только окажется в пути; а к тому времени, когда доберется до Крэмптона, ему будет настолько плохо, что он не сможет ехать дальше и будет вынужден лечь в постель и вызвать врача?

— Да такого человека не существовало, — ответила смело Делла Стрит. — Его не могло быть!

— В таком случае не могло быть преднамеренного убийства.

— Нет, убийство явно преднамеренное, шеф. В противном случае не было бы заранее вырытой могилы. За два или три дня. То есть если могила с самого начала предназначалась для Эда Дейвенпорта.

— Не сомневайся, для него. Пошли дальше, Делла. Впрочем, давай поговорим о наших планах. Мы возвращаемся во Фресно. Там берем самолет до Сан-Бернардино. К тому моменту, как мы туда доберемся, люди Дрейка наверняка уже разыщут Мейбл Нордж.

— А если нет?

— Тогда придется это сделать нам самим, но я убежден, они ее найдут. Тем временем люди Дрейка обшарят здесь каждый дюйм земли, разыскивая вещественные доказательства. К примеру, Делла, обрати внимание на эти консервные банки. Вот банка из-под жареных бобов. Она раскрыта с помощью новейшего консервного ножа, который не оставляет следов в виде зазубрин на крышке. Загляни внутрь жестянки.

— Что в ней особенного?

— Остатки бобов совершенно сухие и затвердевшие.

— Значит, банка валялась здесь уже некоторое время?

— Неделью или дней десять.

— Прекрасно, мистер волшебник, — похвалила Делла. — Я знаю свое место. Предполагается, я надену короткую юбочку, колготки с блестками и буду стоять возле вас, улыбаясь и кланяясь, пока вы будете тащить кролика из шляпы. Как я понимаю, таковы функции ассистента волшебника, не так ли?

— Верно. В задачу ассистентки входит отвлекать внимание публики.

— Но не волшебника?

— Иногда даже и волшебника, — снисходительно улыбнулся Мейсон.

Глава 13

Солнце стояло уже низко, когда зафрахтованный Мейсоном самолет летел над высоким плато. Внизу под ними пески пустыни чередовались с зелеными оазисами. Высокие веерообразные пальмы отбрасывали длинные угловатые тени. С правой стороны впереди снежная вершина горы превратилась в розовый волшебный цветок под лучами заходящего солнца. Затем пустыню сменили горы, громоздившиеся одна на другую беспорядочными зубчатыми пиками, пока внизу не протянулся хребет, поросший темно-зелеными соснами. Засверкало озеро, окаймленное многочисленными веселыми домиками. Вокруг озера протянулась асфальтированная дорога.

Внезапно вся местность куда-то провалилась, внизу возникла долина Сан-Бернардино со своими прямыми магистралями и домами, которые выглядели вырезанными из чистого сахара под розовыми крышами в зеленом обрамлении садов и лужаск.

Самолет пошел на посадку.

— От аэропорта, где я хочу приземлиться, до города несколько миль, — сообщил летчик.

— Это не имеет значения, — махнул рукой Мейсон. — Мы арендуем машину.

Внизу, в долине, зажглись огни. Летчик заскользил над апельсиновыми рощами и процветающими ранчо, вскоре шасси были выпущены, самолет побежал по асфальту и остановился.

— Я не смогу сегодня вечером доставить вас назад, — предупредил летчик. — У меня нет разрешения на ночные полеты.

— Не беспокойтесь, — улыбнулся адвокат, — мы как-нибудь вернемся.

Мейсон расплатился с летчиком и взял такси, попросив довезти их до станции проката автомобилей, затем позвонил по телефону, полученному от Пола Дрейка, и объяснил, кто он такой.

— Мне повезло, — сказал ему оперативник, — мы нашли вашу особу примерно минут двадцать назад.

— Где же она?

— Остановилась в отеле «Энтлерс», и я вас удивлю.

— Чем?

— Она зарегистрировалась под именем Мейбл Дейвенпорт.
— Замечательно!.. Вы установили за ней наблюдение?
— Да. Большую часть дня она отсутствовала, вернулась вскоре после того, как мы ее обнаружили, а теперь она у себя в номере.

— Там дежурит ваш человек?

— Да.

— Как я его узнаю?

— Он одет в серый костюм, ему тридцать пять лет, среднего роста и плотного телосложения, на шее синий галстук с красными горохами и золотая булавка в форме подковы.

— О'кей, он нас ждет?

— Будет ожидать. Через несколько минут он свяжется со мной, я его предупрежу о вашем появлении.

— Прекрасно, — закончил разговор Мейсон и повесил трубку.

— Ну, Делла, мы таки выяснили, где искать интересующую нас особу. Она в отеле «Энтлерс», зарегистрирована под именем Мейбл Дейвенпорт.

— А, это Мейбл Нордж, секретарь? Единственный человек, который, возможно, мог знать, что Эд Дейвенпорт заболеет вскоре после того, как уедет из Фресно.

— Каким образом она могла это узнать?

— Неужели я должна объяснять? Она поехала до Фресно вместе с ним, провела ночь в отеле. Как раз перед самым его отъездом она позаботилась о том, чтобы он принял что-то такое, от чего он моментально заболел и...

— Но никакой женщины с ним не было зарегистрировано, — возразил Мейсон. — Если бы он приехал с ней, они бы зарегистрировались как Фрэнк Л. Стэнтон с женой. Нет, Делла, он был один.

— У него был посетитель.

— Точно.

— После того как этот посетитель ушел, Мейбл Нордж присоединилась к нему. Она выжидала.

— Ты думаешь, она отравила его?

— Вот этого я не могу понять. Она, должно быть, дала ему что-то такое, из-за чего он заболел.

— Как раз перед тем, как ему надо было уезжать?

— Да. Утром.

— В таком случае он наверняка бы вернулся назад и вызвал врача из Фресно, а не двинулся бы дальше, чтобы

свалиться в Крэмптоне, где так кстати была выкопана могила.

Делла разочарованно вздохнула:

— Полагаю, вы мне все расскажете в дальнейшем, когда сочтете нужным.

— Я расскажу, как только сам буду знать наверняка. Сейчас у меня всего лишь теория, не более.

— Не надо быть таким скрытным. Согласно вашей теории есть всего один человек, которому было известно, что Дейвенпорт заболел, как только уедет из Фресно, доберется до Крэмптона и там остановится. Это был... О боже всемогущий! Уж не был ли это сам Эд Дейвенпорт?

— Верно.

— Но чего ради? Чего ради он надумал?..

— Мы услышим кое-какие ответы через несколько минут, если Мейбл Нордж заговорит, а при сложившихся обстоятельствах, я думаю, она это сделает. Представляешь, как она смутится, когда мы туда явимся и выясним, что она зарегистрирована как Мейбл Дейвенпорт?

— И вы предполагаете, Эд Дейвенпорт намеревался там заболеть, чтобы...

— Эд Дейвенпорт был единственным человеком, знавшим совершенно определенно: он разболеется в Крэмптоне. То есть, Делла, все это было заранее запланировано.

— Разумеется. Об этом говорит могила.

— Такова теория обвинения.

Делла Стрит немного помолчала, пытаясь все обдумать, потом покачала головой:

— Мне это не по зубам.

— Я думаю, мы получим кое-какую информацию, которая даст нам возможность разобраться в этой загадке. Припомни-ка тот телефонный звонок, который был в Парадайзе, Делла. Человек не задал никаких вопросов. Как только ты произнесла «алло», он сообщил про мотель в Сан-Бернардино и повесил трубку.

— Понимаю, — протянула Делла. — Мейбл Нордж оказалась в доме, вовсе не проезжая мимо, а она ждала этот телефонный звонок, чтобы знать, куда ей ехать.

— Совершенно верно.

— А так как на звонок ответила я, она знала только об окрестностях Сан-Бернардино, она туда отправилась и стала выжидать.

— Правильно.

— Но почему она не вернулась назад, в Парадайз, после того как мы уехали?

— Возможно, она и возвращалась. Мы не знаем. Приехала туда и стала дожидаться телефонного звонка, который так и не раздался, потому что звонили раньше, когда трубку сняла ты. Возможно, инструкции предусматривали такую вероятность. Если Мейбл не дожидется звонка до определенного времени, скажем до полуночи, тогда она должна отправиться в Сан-Бернардино, зарегистрироваться в отеле «Энтлерс» под именем Мейбл Дейвенпорт и ждать дальнейших указаний.

— Но как это сочетается с присвоенными деньгами...

— Кто сказал, что она их присвоила? — спросил Мейсон.

— Но ведь она сняла с банковского счета в Парадайзе в полном смысле все, а потом исчезла?

— Верно, — кивнул Мейсон, — но это же не присвоение и не растрата.

— Лично мне это кажется как раз присвоением денег Дейвенпорта.

— Посмотрим, что нам скажет Мейбл по этому поводу.

Мейсон оставил машину на стоянке неподалеку от отеля «Энтлерс», вошел в холл и без труда узнал человека в сером костюме с синим галстуком в красный горошек. Тот, прислонившись со скучающим видом к табачному киоску, чуть слышно произнес:

— Она в кафе. Только что спустилась пообедать. Вы узнаете ее? Может быть, подождете, пока она оттуда выйдет, или же...

— Нет, — улыбнулся Мейсон, — мы побеседуем за столом.

— О'кей. Хотите, чтоб я оставался на посту?

— Думаю, это не будет лишним, — решил Мейсон. — Пошли, Делла, сейчас мы свалимся на голову Мейбл.

— Она сидит одна во второй кабине справа, — сообщил детектив.

— О'кей, мы составим ей компанию.

Мейсон придержал вращающуюся дверь, пропуская Деллу вперед. Они вошли в ресторан, повернули направо. Мейсон резко остановился:

— Постой, Делла, я вижу знакомое лицо!

Мейбл Нордж, изучавшая меню, с любопытством подняла голову, в глазах у нее появилось паническое выражение.

— Добрый вечер, — холодно произнесла она.

Мейсон шагнул вперед с протянутой рукой:

— Здравствуйте, мисс Нордж! Как вы себя чувствуете? Слышал, вы здесь.

— Вы слышали, что я здесь? — растеряннo пробормотала она и после минутного колебания протянула ему руку.

— Ну да, — ответил Мейсон. — Вы же поставили в известность администрацию округа Бьютт, не так ли?

Девушка вспыхнула:

— Они не должны были этого никому сообщать!

Мейсон сел напротив Мейбл, Делла Стрит устроилась рядом с ним.

— Очень приятно, — заговорил адвокат, — что мы нашли вас здесь, где можно спокойно поговорить...

— Я не желаю говорить!

— В таком случае, Делла, возможно, придется предупредить газеты, — равнодушно произнес адвокат, поворачиваясь к Делле Стрит.

— Газеты? — спросила Мейбл Нордж.

— Разумеется. Очевидно, вы не в курсе событий. Неужели вы не знаете, что вас всюду разыскивают?

Девушка закусила губу, затем неожиданно произнесла:

— Мистер Мейсон, мне нечего с вами обсуждать. Я пришла сюда поесть, и мне не нравится ваше общество.

— О'кей, — сказал Мейсон, — Делла, вызови сюда представителя газеты. Выясни, кто тут из Ассошиэйтед Пресс, а кто из Юнайтед Пресс. Они с благодарностью ухватятся за...

— Мистер Мейсон, я уже сказала: не желаю, чтобы мне мешали.

— Когда разбирается дело об убийстве, с желаниями и капризами отдельных людей не приходится считаться, — сурово произнес Мейсон. — В особенности когда газеты начали кампанию.

— Но я не имею никакого отношения к убийству!

— Возможно, вы так считаете, — сказал Мейсон, — но факты говорят о противоположном.

— Нет никаких фактов, указывающих на противоположное, как вы выразились. Все мои действия были в строгом соответствии с инструкциями шефа.

— Разумеется, но инструкции вашего шефа теперь должны стать доказательствами по делу.

— Мистер Холдер сказал мне: не надо беспокоиться, все будет ол-райт.

Мейсон с разочарованием рассмеялся, словно ожидал от девушки большей проницательности.

— Вы забываете, этот Холдер — типичный представитель периферии. Он даже не знает, что происходит. Некий мистер Вэндлинг является окружным прокурором Фресно. Ведение дела поручено ему. Позвоните ему по телефону и послушайте, как и что он вам скажет.

Мейбл Нордж угрюмо молчала, сбита с толку.

— Она, очевидно, сомневается в моих словах, Делла, — вздохнул Мейсон. — За кассой я заметил телефонную будку. Вызови Вэндлинга, сообщи ему: Мейбл Нордж находится здесь, она зарегистрирована под чужим именем, ну и спроси, что он хочет предпринять. Возможно, ему лучше действовать через местную полицию, а газетчики смогут получить материал уже через нее.

Делла Стрит поднялась со стула.

— Мелочь есть? — спросил адвокат.

— Разменяю деньги у кассира.

— Правильно. Дозвонись до него и скажи...

— Не надо! — воскликнула Мейбл и неожиданно расплакалась.

— Обождите, обождите, — попросил Мейсон. — Мы вовсе не хотим вас расстраивать, мисс Нордж, но, господи, вы же сами чувствуете, во что замешаны. Вы знаете, как поступит мистер Вэндлинг? Он обнаружит вас здесь под именем Мейбл Дейвенпорт, ну и совершенно естественно предположит, что вы намеревались здесь присоединиться к мистеру Дейвенпорту или, скорее, он должен был присоединиться к вам.

— Какое право вы имеете говорить подобные гадости?

— Мне дало право ваше собственное поведение. Боже мой, неужели вы допускаете, будто пресса как-то иначе интерпретирует ситуацию?

— Если пресса осмелится напечатать нечто подобное, я... я привлеку их к ответственности!

— Это ваше право. Вы их привлечете. Но что это вам даст? Вы встанете перед жюри, какой-нибудь адвокат начнет вас допрашивать, и вам придется признать: вы исчезли из Парадайза, опустошив перед этим банковский счет Дейвенпорта, приехали сюда, зарегистрировались в отеле

под именем миссис Мейбл Дейвенпорт и ждали, когда Эд Дейвенпорт к вам присоединится.

— Вы забыли, мне было известно о его смерти до того, как я уехала из Парадайза.

— Неправда, вы были уверены, что он жив.

— На каком основании вы это утверждаете?

— Хватит, хватит. Вы же не ребенок! Вот и ведите себя по-взрослому. Делла, по всей вероятности, мисс Нордж не представляет, что нам известно, да?

— Интересно! — с вызовом бросила Мейбл Нордж.

— Давайте посмотрим. В понедельник вы должны были внести кое-что на счет, но после этого вам следовало снять решительно все деньги из банка, практически закрыть счет, вечером находиться в офисе в ожидании телефонного звонка. По телефону вам должны были сообщить, куда доставить деньги. Это было какое-то место здесь, в Сан-Бернардино. В том случае, если звонка не будет до определенного часа, вы должны были отправиться в Сан-Бернардино и зарегистрироваться в отеле «Энтлерс» под именем Мейбл Дейвенпорт. Ну и ждать инструкций.

— Не представляю, каким образом вы все это узнали! — воскликнула мисс Нордж.

— Таковы факты, — продолжал адвокат. — Зачем стараться их отрицать?

— Это вовсе не факты. То есть все случилось не совсем так.

— Во всяком случае почти так. Поэтому я знаю, что мне сказать окружному прокурору во Фресно. И как все это будет освещено в газетах. Разумеется, они запишут вас в любовницы мистера Дейвенпорта, мол, он надумал забрать все наличные деньги и исчезнуть вместе с вами, обчистив свою законную жену.

— Какой абсурд, нелепость! Это омерзительная клевета, мистер Мейсон. Я никогда... послушайте, у него намечалась выгодная сделка, поэтому понадобилась большая сумма наличными... Впрочем, я не обязана докладывать.

— Правильно, — согласился Мейсон. — Только скажите мне, как вы теперь собираетесь поступать? Вы попали в весьма сложное положение. Если вы возьмете какую-то часть этих денег и используете их для себя, вы будете обвинены в растрате. Если возвратитесь в Парадайз, вас начнут допрашивать, где вы были, что и почему делали. Рань-

ше или позже вам все равно придется выложить все начистоту. Если вас обнаружат здесь под именем Мейбл Дейвенпорт с деньгами Эда на руках, это будет выглядеть, как будто вас уличили в присвоении чужих денег.

— Я не присваивала никаких денег. И я хорошо знаю, что делаю. Окружной прокурор Оровилла заверил меня: я не нарушаю никаких законов, сейчас позвоню ему и скажу, что не хочу, чтобы меня раздражали.

Мейсон кивнул Делле Стрит и объявил:

— На этот раз, Делла, я не блефую. Сам позвоню сейчас Вэндлингу.

Мейсон и Делла Стрит встали из-за стола. Адвокат прошел к будке телефона-автомата и позвонил Вэндлингу во Фресно.

— Алло, — заговорил он, услышав голос прокурора. — Это Мейсон. Как продвигается ваше дело?

— Вы имеете в виду «наше дело»?

— Не связывайте меня с ним, — рассмеялся Мейсон. — Вы собираетесь его прекратить?

— Признаться, я все еще не решил, как поступить, но Лос-Анджелес не желает таскать для меня каштаны из огня. Я начал дело, мне его и заканчивать. Возможно, я прекращу сейчас дело и начну заново предварительное расследование. Это даст время на раздумье, и, возможно, я раздобуду кое-какие новые факты.

— Прекрасно, — одобрил Мейсон. — Возможно, я смогу подкинуть новые данные... Мейбл Нордж, секретарь Эдварда Дейвенпорта, была проинструктирована сделать кое-какие платежи в последнюю минуту, а затем снять все полностью со счета в Парадайзе. Она находится в отеле «Энтлерс» в Сан-Бернардино, зарегистрирована под именем Мейбл Дейвенпорт. Она вам сообщит очень многое, если вы прихватите ее в качестве важного свидетеля. Добровольно она не заговорит, да и вообще готова куда-нибудь улизнуть.

Возможно, вам интересно будет узнать, что она сообщила часть своей истории окружному прокурору в Оровилле, тот дал ей свое официальное благословение. Но ему она всего не рассказала. Если расскажет вам, это может помочь.

— Что вы пытаетесь сделать? Состряпать дело против вашей клиентки? — спросил Вэндлинг.

— Стараюсь найти убийцу. Возможно, нам удастся завтра войти в суд и прояснить обстановку.

— Вы меня пытаетесь обвести вокруг пальца, Мейсон!

— Подобная недоверчивость вам не к лицу, Вэндлинг. Сколько вы получаете ложных доносов, которые вам ничего не дают! В итоге перестаете верить всем и каждому. И когда к вам приходит скромный человек и рекомендует поставить на серую кобылку в пятом заезде, вы считаете себя слишком искушенным, чтобы клюнуть на такую приманку. А после пятого заезда готовы кусать себя за локти!

Мейсон тихо повесил трубку.

— Мейбл Нордж поспешно выскочила из ресторана, — сообщила Делла Стрит.

— Прекрасно, — ответил Мейсон, усмехаясь. — Если она еще задумает удрать, это будет черт знает что.

— А если не захочет?

— Тогда Вэндлинг ее сцапает. Минут десять — пятнадцать он будет думать, потом испугается собственного бездействия. Созвонится со здешними властями и распорядится задержать Мейбл Нордж и допросить ее как важного свидетеля.

— А что мы будем делать? — спросила Делла Стрит.

— Мы поедem в Лос-Анджелес, чтобы успеть на ночной самолет обратно во Фресно и утром быть готовыми к защите Мирны Дейвенпорт, если Вэндлинг все же не прекратит слушание дела.

Глава 14

К десяти часам, когда возобновилось слушание дела Мирны Дейвенпорт, по городу разнесся слух, что это отнюдь не заурядное предварительное разбирательство, и зал был наполнен до отказа.

Талберт Вэндлинг подмигнул Мэйсону, когда тот в сопровождении Пола Дрейка и Деллы Стрит вошел в зал.

— Благодарю за звонок о Мейбл Нордж.

— Вы ее взяли?

— Да, задержали.

— Ну и что она сказала?

— Ничего.

— Как это понять?

— Она прибыла сюда в сопровождении помощника шерифа Сан-Бернардино. По дороге решила лучше по-

малкивать. Взяла себе адвоката, который дал ей такой совет.

— Оформили на нее повестку с вызовом в суд?

— Разумеется.

— Как в отношении Лос-Анджелеса?

Вэндлинг грустно улыбнулся, весь его вид говорил о полном фиаско.

— Они были всегда предельно скромны. Желают, чтобы мы разобрались с этим делом здесь.

— Как вы собираетесь поступить?

— Попробую двинуться вперед. Прекратить дело я смогу в любой момент. Ну и потом, конечно, у меня могут быть в рукаве такие козыри, о которых в данный момент я не хочу говорить, поскольку мы занимаем противоположные позиции.

— Почему?

— Как почему? Потому что вы защитник, а я обвинитель, не так ли?

— Чего вы добиваетесь?

— Добиваюсь того, чтобы был осужден убийца Эда Дейвенпорта.

— Я тоже.

— Может существовать различие мнений. Вы считаете вашу клиентку невиновной?

— А вы нет?

— Черт побери, нет!

— Предоставьте мне свободу действий, — попросил Мейсон, — и я вскрою факты, которые вас потрясут.

— Можете пользоваться свободой сколько угодно, — ответил Вэндлинг, — коль скоро вы вскрываете факты.

— Благодарю.

— Одну минуту. Вы не будете пытаться сбить меня с толку или обмануть?

Мейсон брезгливо поморщился:

— Я добиваюсь оправдания Мирны Дейвенпорт, но в равной степени хочу изобличить убийцу Эда Дейвенпорта, чтобы он понес должное наказание.

Вэндлинг с пониманием хмыкнул:

— Знаете, у меня с прокурором Лос-Анджелеса состоялся настоящий брифинг по поводу вас. Он заявил: вы изворотливы, прозорливы, дьявольски умны, и хотя он не назвал вас прямо мошенником, но намекнул, что вы со-

гласитесь перерезать горло родной бабушке, чтобы добиться преимущества для клиента.

— Почему нет? — усмехнулся Мейсон. — В конце-то концов, представлять клиентов — моя обязанность.

— Если я смогу изобличить вашу клиентку в убийстве, Мейсон, а я считаю ее виновной, я это сделаю. Если вам удастся ее освободить, вы сделаете это. Это ясно? Во всем остальном я шагаю с вами рядом.

— Принимаю ваше заявление, но хочу внести ясность: вы не захотите ее осудить, если она невиновна?

— Разумеется.

— Как относитесь вы к идее действовать заодно, чтобы выяснить, кто виновен?

— Я могу это только приветствовать, — поддержал Вэндлинг. — Мы действуем сообща.

— Договорились... А вот и суд идет.

В зал вошел судья Сайлер, призвал собравшихся к порядку, зрители затихли, и Мейсон, склонившись к Вэндлингу, попросил:

— Вызовите первой Мейбл Нордж. Посмотрим, что она скажет.

— Она не вырвет коврик у меня из-под ног?

— Коврик уже вырван, — без улыбки ответил Мейсон. — Вы в воздухе. Вопрос только в том, куда и как упадете.

— Хотелось бы опуститься на ноги.

— Попытайтесь вызвать Мейбл Нордж.

Вэндлинг какое-то мгновение смотрел на адвоката, потом сказал:

— Если суд разрешит, я вместо доктора Рено хочу вызвать другого свидетеля.

— Никаких возражений со стороны защиты, — заявил Мейсон.

Судья Сайлер молча согласился.

— Вызывается Мейбл Нордж, — объявил Вэндлинг.

Мейбл Нордж неохотно встала, наклонилась, чтобы выслушать последние наставления своего адвоката, сидевшего рядом с ней, затем поднялась на свидетельское место и приняла присягу.

— Эдвард Дейвенпорт вас нанял еще при жизни? — спросил Вэндлинг.

— Да, сэр.

- Когда вы его видели в последний раз?
- Одиннадцатого числа.
- Это в воскресенье?
- Да, сэр.
- Где вы его видели?
- В Парадайзе.
- Что случилось после этого?
- Мистер Дейвенпорт отправился в Лос-Анджелес. Он выехал из Парадайза около полудня и намеревался к вечеру добраться до Фресно.
- Перед отъездом дал ли мистер Дейвенпорт вам какие-нибудь указания?
- Я не знаю, какие указания вы имеете в виду, — торпливо произнося слова, очевидно опасаясь, как бы ее не остановил либо судья, либо прокурор, выпалила мисс Нордж. — Мистер Дейвенпорт проинструктировал меня: в случае его смерти я должна буду проследить за тем, чтобы содержимое конверта доставили властям. Он говорил мне, что его жена попытается отравить его и...
- Одну минуту! — прервал ее судья.
- Да, — заметил и Вэндлинг, — разговоры мистера Дейвенпорта по поводу обвиняемой не имеют юридической силы, если, конечно, она сама не присутствовала при этих разговорах.
- Мы не возражаем, — заявил Мейсон. — Пусть их разговор будет внесен в протокол.
- С какой целью? — спросил судья. — Это же в любом случае доказательства, основанные на слухах.
- Я не уверен, — заверил Мейсон, — что данный случай не подпадает под одно из исключений в отношении подобных показаний. Защита не возражает.
- Судья все еще колебался, не зная, на чем остановиться.
- Хорошо, — вышел из положения Вэндлинг. — Я подойду к данному вопросу вот с какой стороны, ваша честь. До того как вы в последний раз видели мистера Дейвенпорта, вручил ли он вам конверт?
- Да, сэр.
- Что вы сделали с ним?
- Положила в шкатулку в моем письменном столе.
- Дал ли мистер Дейвенпорт какие-нибудь указания по поводу этого конверта?

— Да, сэр. Он сказал, его жена пыталась отравить его, поэтому в случае его смерти я должна вручить конверт властям, а его жена...

— Суд не разрешает включать в протокол доказательства, — прервал допрос судья Сайлер, — основанные на слухах, желает того защитник или нет. Существуют совершенно определенные правила о доказательствах. Суд считает, защита должна протестовать против показаний, вредных для подзащитной, которые являются неправомерными, поскольку сводятся к изложению разговора, состоявшегося между двумя лицами в отсутствие обвиняемой.

— Благодарю вас, ваша честь! — поклонился Мейсон.

Вэндлинг искоса посмотрел на адвоката. Мейсон в ответ дружелюбно подмигнул.

— Вы согласились по просьбе мистера Дейвенпорта осуществить некие операции с его собственностью в случае кое-каких событий? — продолжал Вэндлинг.

Покосившись с минуту, девушка заявила:

— Думаю, я не должна отвечать на этот вопрос.

— Почему нет?

С задних рядов поднялся адвокат.

— Если суд разрешит, — заговорил он, — я представляю мисс Нордж. Хочу констатировать некоторые вещи, чтобы помочь выяснению истины об убийстве. Подсказать предположения, которые можно расценивать как потенциальные факты, но моя клиентка не покажет их под присягой. Я предполагаю, что в действительности мисс Нордж, преданному и компетентному секретарю, были даны определенные указания. Она считала, что полученное ею задание имело колоссальное значение для Эдварда Дейвенпорта, заключившего какую-то выгодную для него сделку в сфере горнодобывающей промышленности.

Узнав о смерти своего хозяина, мисс Нордж попыталась выполнить его последние инструкции, но позднее, связавшись с окружным прокурором округа, в котором она проживала, узнала, что по закону вся собственность Дейвенпорта должна быть предъявлена для утверждения завешания. Поскольку она считала вдову, обвиняемую в данном разбирательстве, враждебно настроенной по отношению к ее хозяину, даже отравившей его, — пожалуйста, поймите, что я всего лишь пытаюсь обрисовать чувства мисс Нордж, которые не могут считаться доказательствами в данном деле, —

отношение мисс Нордж к самой вдове и ее адвокату было резко отрицательным. Технически кое-что из того, что она сделала, могло противоречить букве закона. Поэтому я посоветовал ей не отвечать на вопросы.

Вэндлинг на секунду задумался, а потом стал задавать конкретные вопросы:

— В понедельник, двенадцатого числа, вы побывали в банке Парадайза и сделали кое-какие взносы?

— Да, сэр.

— И сняли деньги со счета?

— Да, сэр.

— Наличными?

— Да, сэр.

— Где теперь эти деньги?

— Мой адвокат положил их на хранение в банковский сейф.

— Вы претендуете на эти деньги?

— Нет, конечно.

— Кому они принадлежат?

— Это часть состояния мистера Дейвенпорта. Могу заявить, все платежи и снятие остатка денег со счета я проделала в соответствии с указаниями шефа.

— Шефом вы называете мистера Дейвенпорта?

— Да, сэр.

Вэндлинг вопросительно посмотрел на Мейсона, тот подмигнул в ответ, готовый принять эстафету допроса.

— Это все, — произнес Вэндлинг. — Перекрестный допрос будет?

— Да, — подтвердил Мейсон. — Вы сказали, все ваши действия совершались по указанию мистера Дейвенпорта?

— Совершенно верно.

— Не распорядился ли мистер Дейвенпорт, чтобы вы отвезли деньги в Сан-Бернардино?

— Да, сэр.

— И ждали его инструкций в отеле «Энтлерс»?

— Да, сэр.

— И зарегистрировались под именем Мейбл Дейвенпорт?

— Да, сэр.

— А не велел ли он передать деньги определенному человеку, независимо от того, что может случиться или если кто-то, возможно, попытается помешать вам?

Адвокат Мейбл Нордж поднялся и заявил:

— Я вновь вынужден посоветовать моей клиентке не отвечать на вопрос. Могу сказать суду и защитнику: предположение мистера Мейсона может служить правильному пониманию фактов, но я не могу разрешить своей клиентке утверждать их или опровергать.

— У меня все, — произнес с улыбкой Мейсон.

У Вэндлинга был озадаченный вид.

Мейсон покачал головой и сказал:

— Я бы хотел пригласить доктора Рено для дальнейшего перекрестного допроса.

— Поднимитесь на возвышение, доктор Рено, — распорядился судья Сайлер.

Мейсон медленно поднялся из-за стола, подошел к месту для свидетелей и остановился, глядя на врача.

— Доктор, — заговорил он. — Вы осматривали Эдварда Дейвенпорта утром в понедельник, двенадцатого числа?

— Я уже несколько раз это показал.

— И лечили его как пациента?

— Да, сэр.

— И он описал вам симптомы мышьякового отравления?

— Да, сэр.

— Но вы сами этих симптомов не наблюдали?

— Я наблюдал вторичные симптомы, которые можно увязать с первичными, описанными им. Первичных симптомов, о которых он рассказал, я не видел. Они к этому времени исчезли.

— Очень аккуратно отвечено, доктор, — похвалил Мейсон. — Теперь разрешите задать вопрос, который может причинить вам некоторое беспокойство. Видели ли вы Эдварда Дейвенпорта накануне, то есть в воскресенье, одиннадцатого числа?

Доктор Рено огрызнулся:

— Это к делу не относится... Какое это может иметь отношение к моим профессиональным действиям?

— Имеет самое непосредственное!.. Вы виделись с Эдвардом Дейвенпортом в мотеле «Велчбург» здесь, во Фресно, где он проживал под именем Фрэнка Л. Стэнтон. Не так ли, доктор?

— Я... должен ли я отвечать на такой вопрос, ваша честь? — спросил доктор Рено.

Несожданно вскочив на ноги, Вэндлинг произнес:

— Конечно должны.

— Я спрашиваю у суда, — нахмурился Рено.

— Вопрос вполне уместный. Отвечайте на него, — решил судья.

— Я... да, я его видел.

— И обсуждали с ним некоторые вопросы?

— Ну... мы разговаривали.

— И обсудили с ним, как вы станете его лечить на следующий день, в понедельник, двенадцатого числа, верно?

— Я отказываюсь пересказывать разговор, который состоялся между мной и моим пациентом.

— Почему?

— Это врачебная тайна.

— Если речь идет о заболевании, которым страдает пациент.

— Моя беседа с мистером Дейвенпортом касалась определенных симптомов.

— Мистер Дейвенпорт заявил вам о своем желании умереть, не так ли?

— Я не собираюсь касаться моего разговора с мистером Дейвенпортом!

— Мистер Дейвенпорт заплатил вам деньги за то, чтобы вы помогли разыграть сцену его мнимой смерти. Вы договорились о вызове вас к нему на следующее утро по поводу якобы сильного заболевания, где он и сообщит симптомы мышьякового отравления. А вы поможете ему симулировать состояние коллапса, явившееся вроде бы следствием такого отравления, чтобы ему удалось «умереть» в то время, когда рядом будет находиться его жена. Разве это не правда?

— Я не собираюсь отвечать на данный вопрос.

— Вы должны на него ответить, — нажимал Мейсон. — Он не имеет никакого отношения к врачебной тайне.

Вэндлинг снова резко вскочил на ноги и заговорил:

— Если на этот вопрос будет дан положительный ответ, то можно говорить о сговоре, о преступлении. Это вовсе не сведения, сообщенные пациентом врачу, которые относятся к категории врачебной тайны, ваша честь.

— Безусловно! — согласился судья.

— В таком случае я не стану отвечать, меня могут тогда обвинить в преступлении! — заявил доктор Рено.

— Так вы отказываетесь отвечать на этом основании? — уточнил судья.

— Да, сэр.

— Необычная ситуация! — даже немного растерялся судья Сайлер.

Мейсон бесстрастно продолжал:

— В соответствии с планом, разработанным вами с Дейвенпортом и тщательно отрепетированным, вы сообщили о смерти пациента. Вы заперли на ключ дверь в домике мотеля, но не стали немедленно вызывать полицию, предоставив Эду Дейвенпорту возможность вылезть из окна и прыгнуть в машину, намеренно припаркованную прямо возле этого окна, и отправиться на заранее условленную встречу. В том месте его ожидал домик-прицеп. У Эда Дейвенпорта имелся от него ключ. Там он переоделся в новую одежду, избавившись от приметной пижамы, в которой сбежал из мотеля. Так?

— Отказываюсь отвечать.

— И, — продолжал Мейсон, — он сообщил вам о потраченных деньгах из собственности жены, верно? Он пожаловался, что у нее невыносимая родственница, которая постоянно настаивает на том, чтобы миссис Дейвенпорт требовала отчета у мужа. Дело, по его словам, идет к этому, он пустил на ветер многие тысячи долларов, остальные захватил с собой наличными, поэтому, если он не исчезнет немедленно, его обнаружат и привлекут к ответственности. Не рассказал ли вам это и не просил ли о помощи?

— Я отказываюсь отвечать на основании моих конституционных прав.

— А не сообщил ли он вам, как в свое время отравил Гортензию Пакстон, а теперь власти заподозрили убийство, поэтому он опасается эксгумации трупа. Он хочет, чтобы все считали его мертвым, когда это случится, и он вам щедро заплатит за услуги?

— Отказываюсь отвечать.

— И после того как Дейвенпорт вошел в прицеп, вы дали ему виски с подмешанным в него цианистым калием. Вы знали, что у него с собой чемодан, набитый долларами, которые он накопил, манипулируя личными средствами жены. Вы дали ему выпить виски и...

— Нет, ничего подобного! Я... Вы ошибаетесь, я тут ни при чем! — завопил доктор Рено. — Я не имел ни малейше-

го понятия, что находится в чемоданах. А уж коли вы такой умный, вы бы лучше занялись другим участником сговора, который собирался довезти его в прицепе до самой Невады!

— Как я понимаю, теперь вы говорите о Джейсоне Бекемейере, частном детективе из Бейкерсфилда?

— Разумеется! — рявкнул Рено.

Мейсон повернулся к Вэндлингу и сказал:

— А теперь, мистер окружной прокурор, я полагаю, по взаимному согласию мы продолжим дело: доктор Рено будет помещен в тюрьму, а также выдан ордер на арест Джейсона Бекемейера. Думаю, к тому времени, когда мы услышим полное заявление доктора Рено, мы выясним подробности этого дела.

Вэндлинг был уже на ногах:

— Обвинение желает выразить свою глубочайшую благодарность мистеру Перри Мейсону за его блестящее сотрудничество в деле установления истины, и на этот раз, если суд не против, я предлагаю прекратить дело против обвиняемой Мирны Дейвенпорт.

Глава 15

Мейсон, Делла Стрит, Пол Дрейк и Талберт Вэндлинг, сидевшие за круглым столом гостиной номера Мейсона в отеле «Калифорния», чокнулись бокалами.

— За преступления! — провозгласил Вэндлинг.

Они выпили.

— Не дает мне покоя, — усмехнулся Вэндлинг, — как окружной прокурор Лос-Анджелеса обрисовал вас, предупреждая меня: у вас на ногах копыта, на голове рога, длинный хвост, а изо рта вылетает сернистое пламя. Благодаря вашему сотрудничеству люди повсюду толкуют о моих детективных талантах.

— Это же прекрасно, — засмеялся адвокат, — если бы со мной сотрудничало побольше людей, у нас бы дела шли гораздо лучше. Расскажите нам про доктора Рено.

— Доктор Рено сделал пространное заявление, — начал Вэндлинг. — Мы ему не обещали ни неприкосновенности личности, ни чего-либо другого. Хорошенько обдумав свое положение, он решил, что ему гораздо выгоднее выложить все начистоту.

Вроде бы нет никаких сомнений в отношении происшедшего. Дейвенпорт отравил Гортензию Пакстон, вы попали в точку. Сделал он это для того, чтобы его жена получила деньги Делано. Потом он принялся превращать в наличные все, что ему удавалось, запутывая отчеты и манипулируя средствами жены. Одновременно он занялся созданием или фабрикованием, наверное, так будет правильнее сказать, «уголовного дела» против собственной жены. Он опасался серьезного расследования смерти Гортензии Пакстон, вот и подготавливал «козла отпущения».

Мейсон внимательно слушал.

— Дейвенпорт понимал: его могут заподозрить. Вот почему он заявил жене в присутствии Сары Энзел о письме, оставленном у секретарши, которое должно быть передано полиции в случае его смерти, в котором он обвиняет ее в отравлении Гортензии Пакстон и в отравлении его самого, потому что у него якобы возникли подозрения.

Очевидно, в этом конверте никогда и не было ничего, кроме нескольких чистых листков бумаги, но он не сомневался: жена под нажимом агрессивно настроенной Сары Энзел предпримет шаги для того, чтобы этот конверт был изъят, если Эд Дейвенпорт умрет при обстоятельствах, допускающих отравление.

Внушив секретарше, что жена на самом деле стремится его отравить, поскольку она отравила Гортензию Пакстон, Дейвенпорт, фигурально выражаясь, выступил в качестве режиссера собственной пьесы. Он заполнил два чемодана деньгами и отправился во Фресно, чтобы организовать собственную «смерть».

Дейвенпорт заблаговременно договорился с доктором Рено, врачом с сомнительной репутацией, чтобы обстоятельства «смерти» Дейвенпорта указывали на отравление, после чего тело исчезает, а потому невозможно произвести вскрытие.

Дейвенпорт предупредил Рено, что подозрения возникнут, если исчезнет что-то из его вещей. Поэтому он купил небольшой дорожный чемодан, в который переложил свои туалетные принадлежности и знаменитую коробку конфет, которую он постарался заполучить, ибо в ней находились конфеты, до которых дотрагивалась его жена.

Доктор Рено с помощью шприца ввел в конфеты яд, затем запечатал отверстия раскаленной иглой. Дейвенпорт

подсказал ему использовать и мышьяк и цианистый калий, потому что у жены имелись оба этих яда, полиция это непременно установит.

Дейвенпорт запер чемоданы с деньгами в машину, на которой должен был удрать, а доктор Рено дал ему слабительное и рвотное, чтобы стимулировать симптомы упадка сил и мышьякового отравления.

Дейвенпорт заранее позаботился о том, чтобы улизнуть через окно комнаты, сел в машину, которая была оставлена рядом с ней, и проехал две-три мили до места, где его дожидался домик-прицеп со всем необходимым.

Естественно, Дейвенпорт хотел выкачать все деньги со счета в Парадайзе. Несколько переводов должны были поступить в пятницу или субботу, это крайний срок. Но он их не получил и понимал, что до понедельника не сумеет ничего сделать. Тем временем все было подготовлено для его драматической «кончины», назначенной на понедельник днем.

Дейвенпорта кто-то предупредил, что собираются эксгумировать тело Гортензии Пакстон, поэтому он опасался тянуть дальше. Ему необходимо было изобрести какую-то схему для опустошения банковского счета в Парадайзе уже после своей «смерти». Мейбл Нордж — доверчивая молодая особа, испытывала по отношению к нему необычайную преданность, и он постепенно принялся культивировать у нее в голове уверенность в том, что его жена пыталась его отравить.

Дейвенпорт заявил Мейбл Нордж, что едет домой, он не знает, когда жена предпримет попытку избавиться от него. Он взял с нее слово, что она снимет все до последнего цента со счета в банке Парадайза и, независимо от того, что случится, отвезет их в Сан-Бернардино, там она должна будет встретиться с человеком, который является ближайшим сослуживцем Дейвенпорта. Этот человек сообщит ей условный пароль, по которому она его узнает, после чего передаст ему деньги.

Этим человеком был Бекемейер, третий член в сговоре. До этого Бекемейер вместе с Дейвенпортом провели несколько рискованных операций. Дейвенпорт использовал Бекемейера в качестве подставного лица, при помощи которого выкачивал деньги с различных счетов.

Когда Дейвенпорт высказал опасения насчет неприятностей, из-за которых он вынужден будет даже бежать за

границу, Бекемейер подсказал, мол, у него в Крэмптоне имеется весьма сговорчивый врач, который сделает все за деньги, поскольку постоянно в них нуждается.

Бекемейер познакомил Дейвенпорта с Рено, был составлен план, по которому Эд Дейвенпорт должен фиктивно умереть при обстоятельствах, которые заставляли видеть в нем жертву, а не подозреваемое лицо.

Доктор Рено получил пять тысяч наличными. Он уверяет, что не знает, каково вознаграждение Бекемейера, но, несомненно, оно гораздо больше.

Бекемейер должен был довести машину с домиком-прицепом до Невады, а Эд Дейвенпорт мирно спал бы в это время в домике на койке. Даже если бы кто-нибудь заметил, как он вылезает из окна, и начались бы розыски, обнаружить Дейвенпорта бы не смогли.

В обязанности Бекемейера входило также раздобыть машину для бегства и разработать все детали. Ну а доктор Рено должен был лишь «организовать» мнимую смерть Дейвенпорта.

Мейбл Нордж получила указание находиться в офисе в Парадайзе вечером в понедельник, туда ей должны позвонить и сообщить, куда ехать со всеми деньгами в Сан-Бернардино. Единственное, что она знала: ее шеф внес такую путаницу в свои отчеты, что миссис Дейвенпорт не сумеет ничего пронюхать о грандиозной сделке, которую удалось проверить Дейвенпорту.

Согласно словам доктора Рено, Бекемейер не принадлежал к числу тугодумов, он быстро сообразил, что к чему. Ему было известно, что у Дейвенпорта при себе находилось более двух сотен тысяч наличными.

И Бекемейеру пришла в голову блестящая идея. Почему бы не сделать так, чтобы Дейвенпорт на самом деле исчез? Поскольку он именно это намеревался осуществить, доктор Рено ничего не заподозрит, ибо он в курсе задуманной аферы.

Идея заключалась в том, чтобы полиция решила: Мирна Дейвенпорт отравила мужа, сначала она дала ему яд в конфетах, а затем закончила дело, когда осталась наедине с Дейвенпортом, который в то время уже был при смерти. Естественно, заговорщики решили избавиться от тела. Поэтому им было необходимо создать впечатление, будто у Мирны есть сообщник-мужчина, который

вытащил труп через окно, дабы не смогли произвести вскрытие.

Бекемейер изучил все возможности данной ситуации. Незадолго до пятницы он отправился в подходящее место неподалеку от стоянки домика-прицепа и выкопал подобие могилы.

Когда Дейвенпорт в соответствии с планом операции спрятался в прицепе, Бекемейер дал ему несколько стаканчиков спиртного и накормил яичницей с беконом. Доктор Рено сказал, что он велел Дейвенпорту что-нибудь съесть при первой же возможности, в противном случае у него и правда может случиться глубокий обморок. Дейвенпорт сытно заправился, после чего они с Бекемейером выпили еще, на этот раз за успех их авантюры. При этом Бекемейер опустил в стакан Эда несколько кристалликов цианида. Дейвенпорт умер почти мгновенно. Бекемейер быстро вытащил его из машины и закопал в приготовленной могиле, после чего уехал, забрав, разумеется, и домик-прицеп. Но Бекемейеру было известно, что в Парадайзе на счете у Дейвенпорта было приблизительно тысяча тридцать долларов. Дейвенпорт попросил его сообщить Мейбл Нордж адрес, по которому ей следовало доставить деньги в Сан-Бернардино. Они договорились, что разговор с секретаршей будет предельно коротким, чтобы в случае каких-либо осложнений в Парадайзе его не могли засечь.

Бекемейер далеко не дурак. После того как Мейбл Нордж не появилась в отеле, он сообразил: вполне могла получиться накладка, трубку в Парадайзе сняла вовсе не она, а какая-то другая женщина. И он немедленно изобрел весьма правдоподобную «легенду», будто бы Дейвенпорт нанял его в качестве частного детектива установить слежку за тем самым мотелем, который он назвал по телефону, и даже написал вам письмо, объясняющее, почему он оказался в Сан-Бернардино. Я изложил вам в общих чертах историю доктора Рено. Возможно, она правдива. Но Бекемейер, вне всякого сомнения, попытается свалить ответственность за убийство на доктора Рено. К тому времени, когда будут закончены их допросы и устроены очные ставки, они оба будут у нас «петь», как канарейки!

— Почему доктор Рено так упрямылся в отношении цианистого калия? — спросил Мейсон.

— Он сразу сообразил, что должно случиться, когда узнал про цианид, обнаруженный при вскрытии. Но до последнего не прекращал обороняться. Если бы он признал симптомы, отдаленно напоминающие цианистое отравление, пока он сам лечил Эда Дейвенпорта, он погубил бы себя в том случае, когда истина выплыла бы наружу.

Если бы дети не нашли могилу, мы бы никогда не узнали о происшедшем! Против Мирны Дейвенпорт было бы возбуждено убедительное уголовное дело об отравлении собственного мужа и двоюродной сестры, и ее могли бы осудить...

Мейсон даже хмыкнул от какой-то своей мысли:

— Могу себе представить, что должен был почувствовать доктор Рено, когда обнаружили труп, а вскрытие показало смерть от цианистого калия!

— Да... Зато теперь, благодаря вам, Мейсон, я стал объектом гордости и уважения среди моих избирателей. Они одобрительно похлопывают меня по спине и дальше будут делать то же самое. Приятно, разумеется, хотя и не вполне заслуженно... Единственное, чего я не могу понять, каким образом вы, черт возьми, сумели разобраться в этой истории?

— Я тоже не сразу понял все, — ответил адвокат, — но твердо знал: Эдвард Дейвенпорт — единственный человек, который мог быть уверен, что он непременно заболеет в Крэмптоне. А раз Дейвенпорт это запланировал, то не было никакого сомнения, что с ним заодно действовал и доктор Рено. А так как заблаговременно была вырыта могила, значит, почти наверняка кому-то еще было известно о «неизбежном» заболевании Эда Дейвенпорта в Крэмптоне.

— Вас послушать, так решение всех вопросов буквально лежало на поверхности.

— Когда вы хорошенько об этом подумаете, Вэндлинг, вы согласитесь: хотя фактическими убийцами и были Бекемейер и Рено, но спровоцировал-то их Эд Дейвенпорт, сунув добровольно голову в петлю.

— Непростительное легкомыслие! — буркнул с улыбкой Вэндлинг.

— Правильно! — согласился адвокат, вновь наполняя бокалы. — Так выпьем же еще раз за преступления!

Содержание

ДЕЛО О СБЕЖАВШЕМ ТРУПЕ. Роман	
<i>Перевод с английского П.В. Рубцова .....</i>	<i>7</i>
ДЕЛО О ПЛЕЧИТЕЛЬНОМ ПРИЗРАКЕ. Роман	
<i>Перевод с английского П.В. Рубцова .....</i>	<i>199</i>
ДЕЛО СЧАСТЛИВОГО НЕУДАЧНИКА. Роман	
<i>Перевод с английского П.В. Рубцова .....</i>	<i>367</i>

Литературно-художественное издание

Эрл Стенли Гарднер

«Весь Перри Мейсон»

ДЕЛО О ПЛЕНИТЕЛЬНОМ ПРИЗРАКЕ

Романы

7

Ответственный редактор *З.В. Полякова*
Художественный редактор *И. А. Озеров*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Ответственный корректор *В.А. Андриянова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.01.2003.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,72. Уч.-изд. л. 30,49.
Тираж 8 000 экз. Заказ № 4303009

ЗАО «Центрополиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано в ФГУИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

57-07 1
ВЕСЬ ПЕРРИ МЕЙСОН

ЭРЛ СТЕНЛИ ГАРДНЕР

ДЕЛО
О СБЕЖАВШЕМ ТРУПЕ

•
ДЕЛО
О ПЛЕНИТЕЛЬНОМ
ПРИЗРАКЕ

•
ДЕЛО
СЧАСТЛИВОГО
НЕУДАЧНИКА

